

ΔΙΑΔΙΚΑΣΙΑ ΠΩΣΤΩΣ ΟΡΘΩΣ

ΔΙΟΝΥΣΙΟΣ

ΕΘΝΙΚΗ ΑΝΤΙΣΤΑΣΙΑ

ΠΡΟΚΑΤΑΡΚΤΙΚΗ ΕΚΔΟΣΗ

ΣΕΠΤΕΜΒΡΙΟΣ 1944

1944

ΕΚΔΑΤΗΡΙΑΚΟ ΚΑΤΕΠΕΡΓΗΜΑ 1977 2013

Введение

1. Идеализация буржуазного порядка
  2. Теория мелкобуржуазного равенства
  3. Критика экономического либерализма
  4. Коммунистические идеи и кооперативные проекты
  5. Политические традиции и «просвещенный абсолютизм»
  6. Теория ограниченной монархии
  7. Демократическая теория
  8. Буржуазный радикализм накануне революции
- Библиография

ВВЕДЕНИЕ

Элементы буржуазного мировоззрения зарождаются значительно раньше XVIII в. Но именно в XVIII в., в предреволюционной Франции, достигает буржуазное мировоззрение наибольшей выразительности и завершенности. Это - высший пункт в развитии буржуазной мысли. Рост классового самосознания происходит неравномерно. Наибольшей интенсивности он достигает тогда, когда дальнейшее развитие производительных сил и соответственных им производственных отношений, становится невозможным в рамках старой социальной структуры, - в периоды предреволюционные и революционные. В XVIII в. французская буржуазия переживала именно такую стадию интенсивного роста классового самосознания; в XVIII в. процесс формирования буржуазной идеологии - во всех ее областях - выступает поэтому перед нами с исключительной отчетливостью. Подходя к решительным боям с феодально-абсолютистским порядком, буржуазия в области идеологии как бы синтезирует достижения предыдущих веков, разрывая радикально с мировоззрением, господствовавшим в старом, феодальном обществе.

Изучая историю Франции XVIII в., мы наблюдаем, как складывается новая буржуазная мораль, как возникают и развиваются новые представления о мире и человеке, об обществе и государстве; как новые буржуазные вкусы и потребности проникают в искусство и литературу; как, наконец, вырабатываются политические системы и лозунги предстоящего переворота.

Отдельные части того сложного комплекса, который представляет собой буржуазная идеология XVIII в., складываются не одновременно. Изменение общественных отношений, повышение общественного удельного веса буржуазии раньше всего сказывается в изменении норм морали. Новый, полный жизни, подымающийся к господству класс приносит с собой новый быт и новую, светскую, жизнерадостную личную мораль, оправдывающую человеческие потребности и их удовлетворение. К середине XVIII в. новые моральные идеи не только сформулированы, но и находят весьма широкое распространение. Параллельно идет соответствующий процесс в художественном творчестве, вдохновляемом новыми отношениями и новыми моральными стимулами. Конец 40-х, 50-е и 60-е гг. - время усиленной разработки философских и социальных теорий. К этим годам относятся основные произведения великих французских материалистов, начало издания "Энциклопедии", экономические работы

физиократов, рассуждения и романы Руссо. Практические, революционные по своему внутреннему смыслу, выводы из этой громадной работы вызревают лишь в 70-х и 80-х гг. Лишь в эти годы приобретают полную конкретность политические требования буржуазии.

Буржуазная идеология развивалась в сложных взаимоотношениях с культурой феодальной. Борьба между силами нового, буржуазного общества и силами отживающего феодализма находила свое выражение в борьбе идеологий. Но эта борьба не всегда и не у всех ее участников носила, одинаковый характер. Революционное отношение к феодализму, к феодально-абсолютистскому государству, к освящавшей его религии не было на протяжении XVIII в. господствующим у представителей буржуазного мирозерцания. Тенденции оппозиционные, тенденции к компромиссу со старым миром были весьма сильны вплоть до времени революции. Группировки, тяготевшие к компромиссу с монархией в первые годы революции - в Учредительном и Законодательном собраниях - были очень влиятельны. Верхние слои буржуазии не хотели доводить революцию до конца даже тогда, когда она уже началась. В предреволюционный период эти умеренные оппозиционные группы составляли как бы правый фланг анти-феодального фронта. На левом его фланге выступали представители интересов и настроений мелкой буржуазии. Испытывая уже на себе отрицательное воздействие роста капиталистических отношений, мелкая буржуазия сильнее чувствует недостатки существующего социального и политического порядка и острее на них и реагирует. Она вносит во французскую литературу XVIII века самостоятельную струю и двигает последних своих крупных теоретиков, как во время революции она выдвигает последних своих крупных политических вождей¹. Таким образом, во французском буржуазном "Просвещении" можно различать оппозиционное и революционное крыло. И это различие сказывается не только в отношении к вопросам политическим и социальным, но и к вопросам религии, философии и морали.

Пути развития идеологии определялись, помимо наличия различных по положению и по настроению группировок в среде самой буржуазии, также и другим моментом большого исторического значения. В своей борьбе с феодализмом французская буржуазия была не одинока. Противоречие между развитием производительных сил и устаревшими производственными отношениями и политическими формами остро ощущалось буржуазией, оно било буржуазию по ее материальным интересам. Но несравненно сильнее отсталость производственных отношений чувствовалась низшими слоями населения. И если буржуазия в известной своей части и в известной мере могла приспособляться, - и действительно до поры до времени приспособлялась, - к условиям феодализма и абсолютизма, то для деревенской бедноты, полупролетариата и пролетариата таких путей приспособления не существовало. В этих слоях французского населения неуклонно росло революционное настроение². Стихийная революционность масс редко выражалась непосредственно в литературной форме. Но она составляла как бы фон, без учета которого нельзя понять полностью Просвещение XVIII в.

Острые народного гнева было направлено по преимуществу против феодально-абсолютистской системы. Немногочисленный французский пролетариат XVIII в. был еще далек от сознания своих классовых интересов. Социалистические теории не имели действительного характера, не объединяли вокруг себя массы; социализм оставался утопической мечтой немногочисленных интеллигентов. С этой стороны буржуазии опасность еще не угрожала. Грань, отделявшая интересы буржуазии от интересов широких народных масс, была гораздо менее заметной, чем в революционное время конца века. То, что их сблизало - общая потребность в устранении феодально-абсолютистского режима, - ощущалось весьма остро. Так создавались предпосылки для выступления буржуазии как класса, борющегося не только за свои классовые интересы, но за интересы народа в целом³. Именно поэтому так громадно историческое значение этой борьбы. Подготавливая ликвидацию феодализма, буржуазия делала большое прогрессивное дело, исторически необходимое для дальнейшего развития производительных сил, а следовательно, для движения вперед всего человечества.

Это своеобразное положение французской буржуазии XVIII в. не могло не сказаться в ее идеологическом творчестве. Не связанная страхом перед пролетариатом, вдохновленная своей ролью всенародного руководителя, буржуазная мысль XVIII в. могла достигнуть больших высот. На дальнейших стадиях исторического развития, в послереволюционное время, для буржуазии, превратившейся в один из господствующих классов, для буржуазии, почувствовавшей возможность революционного движения, направленного против ее господства, эти высоты были уже недоступны. Отсюда та смелость и решительность в разрыве со старыми традициями, та последовательность, тот радикализм в развитии новых положений, которые свойственны лучшим представителям буржуазной мысли XVIII в.

Этот радикализм все же, конечно, имел свои пределы. И эти пределы тем более определены, чем ближе мы подходим в нашем изучении буржуазной идеологии к практическим проблемам социального строя. Исключительно смелая в вопросах теории, в своей критике основ старого строя, буржуазная мысль XVIII в. по самому своему классовому существу не может в своих представлениях о социальном строе будущего выйти за пределы буржуазных отношений. Этим обусловлено характерное для нее противоречие: в борьбе за общенародные интересы против феодального строя она подымается до теоретических положений, как будто подрывающих самые корни всякого строя, сохраняющего эксплуатацию и классовое строение общества; верная интересам своего класса, она предлагает на практике все же лишь идеализированное классовое общество, в котором неизбежно, как бы это ни было завуалировано, сохраняется эксплуатация, хотя и не в феодальных формах.

Свободной от подобного противоречия может быть лишь идеология пролетариата, как класса, интересы которого требуют полного уничтожения классов и эксплуатации человека человеком, а следовательно, истинного освобождения всего человечества. Лишь в идеологии пролетариата классовые интересы совпадают полностью с интересами общечеловеческими в подлинном смысле этого слова.

1 "В 1789 г., - писал Ленин, - мелкие буржуа могли еще быть великими революционерами; в 1848 г. они были смешны и жалки". Ленин. Соч., XXVI, 346.

2 "Наряду с борьбой между феодальным дворянством и буржуазией, - говорит Энгельс, - ...существовал общий антагонизм - эксплуататоров и эксплуатируемых, богатых тунеядцев и трудящихся бедняков". К.Маркс и Ф.Энгельс, т.XIV, 18.

3 "Класс, совершающий революцию, выступает не как класс, а как представитель всего общества", Маркс и Энгельс. "Немецкая идеология". Соч., IV, 38.

Глава 1. ИДЕАЛИЗАЦИЯ БУРЖУАЗНОГО ПОРЯДКА

I

Симптомы недовольства существующими экономическими и социальными отношениями мы можем отметить во французской литературе уже в конце XVII и в первые десятилетия XVIII вв. Это недовольство в этот период не выражается в прямых требованиях каких-либо радикальных перемен. Литература, в которой оно проявляется, либо выдвигает предложения очень умеренные, не затрагивающие существа господствующего строя, либо носит утопический характер. К произведениям первого рода относятся работы Вобана и Буагильбера, к произведениям второго - многочисленные утопические романы, из которых в качестве лучшего образца можно назвать "Историю севарамбов" Вераса [текст в нашей библиотеке: <http://www.diary.ru/~vive-liberta/p84146792.htm>]. Эти предвестники грядущего расцвета экономической и социальной литературы XVIII в. в некоторых отношениях намечают уже основные линии развития этой литературы. Буагильбер - несомненный предшественник буржуазной экономической школы XVIII в. (физиократов), утопические романы и утопические путешествия родственны по своим тенденциям школе Руссо. Но все же это - только предвестники. Широким фронтом наступление на экономические и социальные основы феодально-абсолютистского порядка начинается лишь в середине XVIII в. Лишь в это время возникают новые экономические и социальные теории, пытающиеся дать всестороннюю критику настоящего и наметить пути будущего развития.

Капиталистические отношения до известного предела растут в рамках феодально-абсолютистского режима, не испытывая особых стеснений от его норм или легко эти стеснения преодолевая. Более того, феодально-абсолютистское государство само покровительствует развитию капитализма, поскольку оно не нарушает основ существующего строя и интересов господствующего класса и его политического органа - абсолютной монархии. Таков социальный смысл экономической политики меркантилизма, получившей во Франции наиболее последовательное применение во время правления Кольбера. Не без основания один из исследователей назвал систему меркантилизма повивальной бабкой нарождающегося капитализма.

Но французская абсолютная монархия никогда не была в состоянии проводить последовательно меркантилистскую политику покровительства новым формам промышленности и торговли. Даже Кольберу не удалось осуществить свою программу полностью из-за сопротивления феодальных элементов. При его преемниках от кольберовской программы остаются лишь отдельные ее составные части: политика "дешевого хлеба" и соответственного регулирования хлебной торговли, запретительная таможенная политика, жесткая регламентация промышленности, политика, направленная на овладение внешними рынками и на расширение колоний.

К середине XVIII в. меркантилистская политика воспринималась уже значительной частью выросшей и окрепшей буржуазии не как помощь, а как препятствие: необходимые в детском возрасте пеленки обратились в путы. Уже в начале XVIII в. Бугильбер требовал уничтожения оков, связывающих торговлю. А с другой стороны буржуазия начала понимать невозможность дальнейшего развития при деградирующем сельском хозяйстве, опутанном феодальными поборами и повинностями, изнемогающем под бременем налогов; она начала понимать необходимость устранения давящих на торговлю пережитков феодальной раздробленности Франции; она начала понимать неудобства цеховой регламентации производства; словом, она начала понимать, что между развитием производительных сил и ее интересами, с одной стороны, и господствующим социальным строем - с другой, существует противоречие, которое должно быть во что бы то ни стало устранено. Устранить радикально это противоречие было возможно лишь путем полной ликвидации феодальных отношений. Абсолютная монархия, сама являющаяся порождением феодализма, конечно, была не в состоянии провести такую ликвидацию. Однако у буржуазии не было еще сознания того, что расчистить путь для буржуазного прогресса можно лишь революционным путем, путем открытой борьбы с феодализмом и абсолютизмом. Таковы были условия, в которых возникла французская буржуазная экономическая школа XVIII в. - школа физиократов.

Основателем и крупнейшим представителем этой школы является Франсуа Кенэ (1694-1774). Кенэ происходил из мелкобуржуазной, полукрестьянской семьи; получил медицинское образование, приобрел известность, как врач, написал ряд медицинских трудов и в 1752 г. получил пост придворного врача. Лишь с этого времени начал Кенэ заниматься вопросами экономики. Уже очень скоро вокруг него сформировалась группа сторонников его новой экономической теории, состоявшая из Мирабо, Дюпона-де-Немур, Мерсье де ла Ривьера и др. Под большим влиянием Кенэ был Тюрго, в некоторых вопросах занимавший оригинальную позицию. "Экономисты", как называли себя последователи Кенэ, ставили своей задачей не только разработку экономической теории, они стремились влиять на политику правительства, надеясь изменить ее в соответствии со своими теоретическими положениями. Они имели свой теоретический орган - журнал "Эфемериды" - и вели как в нем, так и в многочисленных популярных книгах, ими издававшихся, очень настойчивую, находившую широкий отклик пропаганду.

Исходным пунктом общественного учения физиократов является понятие природы. Основной метод теории - рационалистический метод, метод дедукции из основных аксиоматических понятий. Обе эти черты свойственны не только системе физиократов, но - в более или менее яркой форме - всем социальным учениям XVIII в. Все они отвергают существующие отношения как "неестественные", "неразумные", противопоставляют им свой идеал как нечто естественное, логически вытекающее из природы, как нечто разумное, доказуемое логическим рассуждением, убедительным для всех разумных людей¹.

Естественные законы, утверждает Кенэ, открываются путем очевидности, настолько ясной и несомненной, что разумный человек не может отказаться от должного повиновения этим законам. "Естественное право... с очевидностью признается светом разума и в силу одной только этой очевидности, помимо какого-либо принуждения, обязательно"². Очередная задача состоит в том, чтобы рассеять мрак невежества, мешающий пониманию требований природы, чтобы распространить среди людей "просвещение", чтобы "светоч разума просветил правительства"³.

Природа понимается мыслителями XVIII в. не диалектически, а метафизически, как нечто неизменное, а законы природы трактуются не как законы ее движения, а как нормальные соотношения, действительные в качестве норм всегда и везде, но отнюдь не всегда и не везде находящие реальное применение. Положительные законы должны быть выражением естественных законов, но в действительности они подвержены частым отклонениям от неизменных правил естественного порядка. В этом понимании "естественные законы" ближе к законам, издаваемым государственной властью, чем к законам природы в современном смысле этого слова. Не удивительно, что в XVIII в. мы встречаем режущие теперь наш слух выражения, - "законодательство Природы", "кодекс природы".

Учение о естественном законе, в указанном его толковании, и о естественном праве как системе естественных законов унаследовано мыслителями XVIII в. непосредственно от более ранних теоретиков права - Греция, Пуффендорфа и др. Корни этого учения восходят к античной древности. Но идеологической формой широкого общественного движения естественное право становится только в XVIII в. В это время оно используется как орудие борьбы с исторически сложившимися, традиционными отношениями - социальными, политическими и моральными. Противопоставляемое праву положительному, т.е. действующим законам государства, оно приобретает большое прогрессивное, а в работах некоторых теоретиков и революционное значение.

Антиисторическому, метафизическому пониманию природы вообще соответствует в теории естественного права столь же антиисторическое понимание природы человека. Эта природа едина, постоянна, неизменна. В человеке может быть выделена эта неизменная природа, всегда имеющаяся в нем, несмотря на все те наращивания, которыми он обязан прогрессу культуры и развитию общественных учреждений. В результате такого выделения получается некий человек вообще, отвлеченный "человек"; наклонности и потребности этого отвлеченного "человека" и составляют основу всех дальнейших логических построений. Потребности и склонности, данные самой природой, не могут быть оспариваемы; таким образом, из них само собою вытекает право на их удовлетворение⁴. Это право присуще человеку вне всякой зависимости от писаных законов. Его оправдание и обоснование в природе.

Так, рядом с системой положительного права воздвигается здание права естественного. Естественное право, как вытекающее из природы, ставится, конечно, выше права положительного, представляющего собою человеческое изобретение, которое может быть удачным (когда его нормы согласны с нормами естественного права), но может быть и неудачным.

Дальнейший этап в развитии теории состоит в том, что естественный порядок, т.е. порядок, в котором царят естественные законы, находит себе место в истории человечества на ее первых ступенях, когда человек всего ближе к природе, когда он свободен от привитых ему в дальнейшем свойств, "случайных" по отношению к его естественному существу. Так возникает понятие естественного порядка как исходного пункта истории, так возникает широко распространенное в XVIII в. представление о "добром дикаре", живущем по законам природы.

Естественное право было формой, в которую могло быть вложено самое разнообразное содержание, определяемое, конечно, соответственными классовыми интересами. Оно годилось для обоснования весьма различных в своем классовом существе предложений. Все зависит от того что принять за естественные свойства человека, за его "природу". У физиократов естественное право служит орудием, идеологически расчищающим пути для буржуазного прогресса. Их "естественный человек", существующий будто бы независимо от той или иной общественной формации, в действительности - человек буржуазного общества. В соответствии с этим характеризуют они и основные естественные права. Это-право личной собственности, право личности на удовлетворение своих естественных потребностей и на приобретение необходимых для этого вещей, - право предполагающее личную свободу; право частной собственности на вещи, созданные трудом человека (движимая собственность); право на землю, приведенную человеком в пригодное для земледелия состояние (земельная собственность)⁵.

Личная свобода и собственность, говорит Кенэ, гарантированы людям естественными законами, на которых покоится порядок благоустроенных обществ. Собственность предшествует гражданским законам. В первобытном состоянии ей соответствует право каждого на то, что он может добыть своим трудом. Гражданское общество имеет своей задачей обеспечение естественных прав, в первую очередь основного права-права собственности. "Обеспеченность собственности является основным фундаментом экономического строя общества".

Все, что вытекает из естественных законов, тем самым справедливо и соответствует общественным интересам. - Физиократы понимают, что собственность ведет к неравенству, но неравенство, по их мнению, лишь тогда достойно осуждения, когда оно обусловлено не природой собственности, а искусственными мерами. Оно неизбежно и оправдано, когда оно "вытекает из известной комбинации законов природы"⁶. В таких случаях его нельзя назвать ни справедливым, ни несправедливым. Зло, которое случайно производят законы природы, вытекает с необходимостью из тех же свойств, в силу которых они приносят добро, и искупается с избытком этим добром.

Кенэ против "крайнего" неравенства, обнищание "низшего класса" он считает вредным, - но оно его беспокоит больше всего потому, что, сокращая спрос, оно сокращает тем самым производство и, следовательно, уменьшает богатство нации.

Необходимым условием благополучия человечества является экономическое преуспевание. Самая форма общества определяется в значительной степени родом имущества, которым владеет каждый из его членов. Эта высокая оценка значения для жизни общества хозяйственной деятельности приводит иногда физиократов к формулировкам в духе своеобразного "экономического материализма". Недаром некоторые критики физиократов упрекали их в том, что человек в их учении - животное, движимое исключительно материальными интересами. И те же критики отмечали противоречие между этим представлением о человеке и рационалистической верой физиократов во всепобеждающую силу "логической очевидности". Для экономического процветания, по мнению физиократов, необходима полная свобода человеческой деятельности во всех экономических сферах - в сельском хозяйстве, промышленности и торговле, - необходимо свободное соревнование индивидуумов. Это свободное соревнование есть законное использование естественных прав человека: личной свободы и неограниченного права собственности. Государственное вмешательство в сферу экономической деятельности нарушает эти права и приносит лишь вред. Всякое стеснение, всякая монополия наносит ущерб

национальному доходу, а следовательно, и населению. Верховная власть, устанавливая законы, ни в коем случае не должна посягать на естественный строй общества. Нарушение естественных законов - наиболее распространенная причина постигающих людей несчастий.

Полная свобода конкуренции - основной принцип экономической политики физиократов. Еще во времена Кольбера один предприниматель на вопрос о том, что нужно для развития промышленности, ответил: *laissez nous faire*, т.е. предоставьте нам свободу действий. Сто лет спустя формула "*laissez faire, laissez passer*" стала лозунгом физиократической школы, лозунгом, кратко и четко выражающим выдвигаемое ими требование свободы для экономической деятельности выросшей и осознавшей свои силы буржуазии.

II

Историческое значение физиократов отнюдь не ограничивается проповедью полной экономической свободы в стране где экономическая деятельность была опутана сетью феодальных привилегий, цеховой и меркантилистской регламентацией. Они дали также первый опыт анализа капиталистического хозяйства в целом. При этом они были убеждены, в соответствии со своей естественно правовой философией, что они открыли законы хозяйства вообще, законы вечные и неизменные. "Они смотрели на материальный закон одной определенной ступени в истории общества как на абстрактный закон, одинаково господствующий над всеми общественными формами"⁷. Для них экономическая наука была не выражением отношений и потребностей эпохи, а проявлением вечного разума, открытые ею законы производства и обмена были не законами определенной формы экономической деятельности, но вечными естественными законами"⁸.

В центре внимания физиократов, - в отличие от меркантилистов, - стоит сельское хозяйство. Исторически это обусловлено тем, что деградация сельского хозяйства, суживавшая внутренний рынок, была основным препятствием к развитию народного хозяйства Франции. В первой половине XVIII в. сельское хозяйство Франции находилось в глубоком упадке; посевные площади сокращались, доходы с земли падали (за 80 лет почти на 50%). К 50-м гг. XVIII в. вопрос о сельском хозяйстве, о путях его подъема становится во Франции злободневным. Усиленно переводится английская агрономическая литература, пропагандируются английские способы обработки земли, возникает сеть сельскохозяйственных обществ, делаются опыты освоения новых способов обработки земли. Но агрономическая реформа в широком масштабе была невозможна при сохранении социальных отношений, господствовавших во французской деревне. Проблема агрономическая неизбежно упиралась в проблему социальную. Ее-то и попытались теоретически разрешить физиократы.

Препятствия, которые ставили развитию сельского хозяйства феодальные отношения, были устранены во Франции лишь буржуазной революцией конца века путем ликвидации феодальных прав и частично феодального землевладения. Физиократы искали выхода в другом направлении - в направлении компромисса со старым землевладельческим классом. Образцом для них является Англия. Их план "оздоровления" деревни предполагает сохранение крупного поместного землевладения и развитие капиталистической аренды, которая должна вытеснить мелкое крестьянское землевладение и землепользование. Участки, отводимые под культуру хлебов, по мнению Кенэ, должны быть объединяемы в возможно более крупные арендные доли для эксплуатации их богатыми сельскими хозяевами. "Государство должно быть населено богатыми землевладельцами"⁹. Судьба крестьянской массы мало интересует физиократов: крестьяне, очевидно, должны превратиться в пролетариев. "Большое число мелких фермеров невыгодно для населения"¹⁰. Мелкое крестьянское землепользование не может обеспечить развитие сельского хозяйства. Его рационализация, переход к настоящему культурному хозяйству, доступны лишь крупным самостоятельным фермерам, обладающим соответственными капиталами. Поэтому физиократы горячо отстаивают необходимость притока капиталов в земледелие. "В деревни следует привлекать не столько людей, сколько богатства"¹¹.

В связи с этим физиократы резко нападают на господствовавшую во Франции XVIII в. политику низких хлебных цен, тормозящую "естественное" распределение капиталов между сельским хозяйством и промышленностью. Государство вовсе не должно стремиться к понижению цен на съестные припасы. Дешевизна съестных припасов невыгодна для простого народа. Она понижает плату рабочих, уменьшает их довольство, доставляет им меньше выгодных занятий. Изобилие создает богатство лишь тогда, когда оно сопряжено с высокими, а не с низкими хлебными ценами¹². Высокие цены, вопреки распространенному мнению, полезны не только сельскому хозяйству, но и мануфактуре; спрос на продукты мануфактуры повышается с ростом цен, и она принимает участие в общем увеличении богатства. Системе регулирования хлебных цен физиократы, в соответствии со своими общими установками, противопоставляют свободу торговли хлебом. "Следует поддерживать полную свободу торговли: самое надежное, совершенное и выгодное для народа и государства управление внутренней и внешней торговлей заключается в установлении полной свободы конкуренции"¹³.

Естественное" общество распадается, по Кенэ, на три класса: землевладельцы-собственники, земледельцы, торгово-промышленный класс. Право собственности землевладельца основано на произведенных его предками или теми, у кого он купил землю, предварительных затратах, сделавших землю пригодной для обработки. Собственники не обрабатывают землю сами, а сдают ее в аренду земледельцам, получая с них арендную плату, равную всему чистому доходу земледельца сверх произведенных им издержек производства.

Земледельцы, это прежде всего - фермеры-предприниматели, "свободные люди, имеющие возможность авансировать большие капиталы, которых требует культура земли". Кенэ понимает, конечно, что фермеры обрабатывают землю при помощи наемных рабочих. Различие между ними и фермерами бросается в глаза. Один из физиократов, Мирабо, характеризует положение сельскохозяйственных наемных рабочих как "добровольное рабство". Тем не менее, рабочих физиократы не выделяют в особый класс. Фермеры вкладывают в производство определенный капитал. Наиболее плодородные земли ничего не стоили бы без тех богатств (т.е. капиталов), которые необходимы для надлежащей культуры земли.

Таким образом, богатство создается землей, оплодотворенной капиталом.

В понимании капитала физиократы не идут дальше анализа его "вещественных составных частей". Для них капитал это - инструменты, сырые материалы, средства существования рабочих и т.п., вообще - средства производства в широком смысле этого понятия. "Осмотрите фермы и мастерские, - говорит Кенэ, - и вы увидите, в чем состоит фонд целесообразных затрат. Вы найдете там строения, скот, семена, сырой материал, движимость и инструменты всякого рода"¹⁴.

Стоя на почве естественно-правовой философии, физиократы, конечно, не могли подняться до понимания капитала как общественного отношения, характерного для определенной общественно-экономической формации. Но для их времени вещественно-техническая характеристика капитала являлась большим достижением. Не надо забывать, что их предшественники-меркантилисты смешивали капитал с деньгами. Физиократы решительно выступают против этой концепции. "Все, что затрачивается на производство, - заявляет Кенэ, как бы полемизируя с меркантилистами, - без сомнения, стоит денег, но ничто из этого не является деньгами". "Деньги не представляют собою настоящего национального богатства... деньги не порождают денег"¹⁵.

Богатства, вложенные фермером в производство, распадаются на две части: "первоначальный аванс" и "годовые авансы". К первым относится сельскохозяйственный инвентарь, скот и т.п.; ко вторым - семена, корм, заработная плата. Таким образом, Кенэ намечает деление капитала на основной и оборотный. Произведя эти затраты, фермер должен затем возместить их из полученного им дохода. Но после покрытия как всех годовых авансов (включая заработную плату всех участников производства), так и соответственной части авансов первоначальных у фермера остается некоторый излишек, который Кенэ и называет "чистым продуктом". Так как Кенэ считает, что фермер, как и наемный рабочий, получает за свой труд заработную плату и не получает прибыли на вложенный им капитал, то "чистый продукт" целиком поступает в виде ренты собственнику земли. Право собственности на "чистый продукт" является для Кенэ бесспорным.

Только "чистый продукт", создаваемый в сельском хозяйстве, составляет новое богатство, приращение общей суммы богатства. Это - свободный фонд, необходимое условие для расширения производства. Рост чистого продукта поэтому более важен для развития страны, чем рост населения. Ставя проблему "чистого продукта", физиократы тем самым подошли к проблеме прибавочной стоимости. Но они не смогли не только правильно разрешить ее, но даже правильно поставить. Категорию прибавочной стоимости, как и категорию капитала, они интерпретируют натуралистически, вещественно, как совокупность новых материальных благ. И ставя вопрос об источнике этих новых материальных благ, они находят его в физической производительности земли. Только земля способна производить новую материю. Промышленность и торговля лишь меняют форму материи и ее положение в пространстве - и в этом смысле они "бесплодны"¹⁶. Именно поэтому сельское хозяйство является для физиократов основным видом хозяйственной деятельности, единственным подлинным источником богатства. Именно поэтому только земледельцев считают они производительным классом, а торговцев и ремесленников выделяют в особый - непроизводительный класс.

По представлению физиократов, их учение о том, что единственным источником новых богатств является земледелие, вытекает из анализа естественных и вечных законов общественной жизни. По существу же его возникновение объясняется своеобразием исторической обстановки и занимаемой физиократами социальной позиции. Капиталистическое производство вырастает в рамках феодального общества. Идеология буржуазии (каковой является система физиократов) "подвергает это общество буржуазному толкованию, но еще не умеет найти свою собственную истинную форму... Она соответствует той эпохе буржуазного общества, когда оно вылупляется из феодального"¹⁷. Таким образом, буржуазное общество получает у физиократов феодальную внешность. При всем том учение о "чистом продукте" представляет собой все же шаг

шаг вперед по сравнению с меркантилистскими представлениями. "Чистый продукт", новое богатство, иными словами - прибавочная стоимость создается, согласно этому учению, в процессе производства, а не в сфере обмена, ничего не прибавляющего к обмениваемым ценностям. Товар и деньги, которые уплачиваются за него, - говорит Кенэ, - имели свою ценность до обмена. Торговля есть не что иное, как "обмен ценности на равноценность"¹⁸.

Противопоставляя земледельческий класс торгово-промышленному, Кенэ затушевывает противоречие, существующее внутри каждой из этих групп между предпринимателями и наемными рабочими. Конечно, в известной степени эта черта теории Кенэ должна быть отнесена за счет социальных условий середины XVIII в., недостаточного развития капитализма и относительно большого удельного веса в экономике страны мелкобуржуазных групп. Но здесь сказывалась также известная тенденция к идеализации капиталистических отношений. С этим связано у Кенэ и отрицание предпринимательской прибыли как в производительном, так и в непроизводительном классе. И предприниматели, и рабочие получают, по мнению Кенэ, лишь заработную плату, в которую, очевидно, входит в первом случае часть дохода, именуемая обычно прибылью.

Учение о присвоении "чистого продукта" в виде ренты классом собственников и отрицание предпринимательской прибыли приводят Кенэ к требованию радикальной налоговой реформы. Та часть народного дохода, которая идет на возмещение издержек производства, не может подлежать обложению, так как всякое изъятие из нее повело бы к сокращению производства, к обеднению страны. "Ни в коем случае не следует взимать налог с богатств земельных фермеров". Не подлежит обложению и та часть, которая идет на заработную плату, так как она определяется необходимыми средствами существования. Такие налоги уничтожают ежегодно часть богатств страны¹⁹. Следовательно, все нужды государства могут покрываться лишь за счет "чистого продукта", иными словами - за счет ренты землевладельцев. Единый налог на ренту должен заменить собою все виды налогов.

Легко представить, как революционно звучало это предложение в феодально-абсолютистской Франции с ее налоговой системой, всем своим тяжким бременем давившей на непривилегированных. Единый налог-это был как бы выкуп, который должны были платить землевладельцы за то, что буржуазия шла с ними на компромисс, признавая неприкосновенной их земельную собственность. Капитал должен быть совершенно свободен от налогов. Так у физиократов "мнимое превознесение землевладения превращается в его экономическое отрицание и в утверждение капиталистического производства"²⁰.

Одно из самых замечательных произведений Кенэ - Экономическая таблица²¹. В ней Кенэ пытается изобразить в основных чертах процесс обращения в "естественном" обществе. Исходя из валового годового дохода сельского хозяйства в 5 миллиардов и промышленности в 2 миллиарда, он показывает, как при помощи обмена распределяется этот доход между тремя классами в соответствии с установленными физиократической теорией принципами и как в конечном счете обеспечиваются условия для нового повторения процесса производства в том же масштабе, т.е. для простого воспроизводства. Не говоря уже об ошибочности теоретических предпосылок, в "Таблице" есть ошибки даже с физиократической точки зрения. Так торгово-промышленный класс реализует весь свой продукт путем продажи его собственникам и земледельцам. Только реализуя весь продукт, могут представители этого класса обеспечить покупку необходимого им сырья и съестных припасов. Следовательно, для собственного потребления у них совсем не остается продуктов промышленности. Отмечая эти ошибки, Маркс тем не менее признает "Таблицу" одной из гениальнейших выдумок в истории политической экономии. Проблема, поставленная в "Таблице" Кенэ, нашла свое подлинно научное разрешение лишь во II томе "Капитала", в марксовой теории общественного воспроизводства.

Пропаганда физиократов имела известный успех. Но она встретила и значительную оппозицию. Против физиократов выступали, конечно, представители отживающего меркантилизма. Их теорию подвергали критике мыслители, исходившие из других социальных установок. Но и среди экономистов, провозглашавших в борьбе с феодальными привилегиями и меркантилизмом лозунг буржуазной свободы, не было полного согласия по основным вопросам экономической теории.

Рядом и почти одновременно со школой физиократов во Франции возникло близкое физиократам направление экономической мысли, связанное с именем Гурнэ (1712-1759). Назначенный в 1751 г. интендантом торговли, Гурнэ осуществил целый ряд мероприятий, направленных против господствующей системы государственной регламентации мануфактуры и против стеснений торговли. В 1754 г. он настоял на открытии двух портов для вывоза зерна. В 1758 г. он провел приказ об освобождении торговли шерстью от внутренних пошлин. Не меньшее внимание уделял Гурнэ и вопросам сельского хозяйства. Он был инициатором организации ряда обществ агрикультуры, ветеринарных школ. Он добивался организации льготного кредита для нужд сельского хозяйства. Гурнэ не мало содействовал развитию французской экономической мысли, поощряя переводы английских экономических работ и вдохновляя группировавшихся вокруг него молодых экономистов на самостоятельные исследования. Гурнэ столь же резко, как и

физиократы, критиковал экономическую политику меркантилизма и феодальные привилегии, препятствующие экономическому развитию. Повидимому, именно Гурнэ первым пустил в оборот известную формулу *laissez faire, laissez passer*. Он не верил в пользу бюрократического вмешательства в экономическую жизнь; как и физиократы, он сочувствовал принципу, провозглашенному д'Аржансоном: "не слишком управлять" (*pas trop gouverner*); как и физиократы, он требовал налоговой реформы.

Но, при всей их близости к школе Кенэ, - Гурнэ и его учеников нельзя причислять к физиократам. Они отвергали основные теоретические положения Кенэ - учение о "чистом продукте", о "производительности" земледелия и "непроизводительности" промышленности. Они требовали равновесия между сельскохозяйственными и промышленными классами. Свободу индустрии и торговли они защищали, исходя из интересов промышленности и торговли, а не из интересов сельского хозяйства. Школа Гурнэ не разделяла также безграничного либерализма физиократов в отношении внешней торговли. Гурнэ был против запретительных тарифов. Но он считал в известных случаях необходимым поощрять развитие той или иной отрасли промышленности (например, хлопчатобумажной) посредством таможенных мероприятий.

Гурнэ неоднократно повторял, что мануфактура является источником богатства в той же мере, как и сельское хозяйство. Труд есть более активный процесс богатства, чем земля, - говорил один из его учеников. По словам Тюрго, Гурнэ считал, что рабочий в мануфактуре своим трудом прибавляет к богатствам государства новое реальное богатство²³. Гурнэ занимался почти исключительно вопросами экономической политики и не оставил после себя ни одной теоретической работы. Его положения об активном принципе труда и о "производительности" промышленности остались во Франции XVIII в. теоретически не разработанными. Школа Гурнэ не создала такой цельной и законченной экономической системы, какую оставили физиократы, но влияние Гурнэ все же было весьма значительным.

Несмотря на свою феодальную оболочку, несмотря на антиисторичность ее естественно-правового обоснования, теория физиократов представляет крупный шаг вперед в развитии экономической мысли. Физиократы первые подошли к исследованию форм производства как форм естественно-необходимых, подчиняющихся определенной внутренней закономерности, а не воле законодателя. Они первые дали изображение капиталистического хозяйства как цельной системы. Они значительно продвинули вперед понимание категорий капитализма, подготовив тем самым почву для классиков буржуазной политической экономии, в первую очередь, - для Адама Смита.

III

Самым талантливым и оригинальным из последователей Кенэ был Тюрго (1727-1781). Уже в молодых годах Тюрго обратил на себя внимание своей научной одаренностью. В 1750 г. он прочел в Сорбонне две лекции, в которых высказывал ряд философско-исторических идей, развитых впоследствии Кондорсе и Контом. В 50-х гг. он сблизился с энциклопедистами и будущими физиократами. К этим годам относятся его статьи в Энциклопедии и первые экономические работы. В 1761 г. Тюрго был назначен интендантом в Лиможе, а в 1774 г. - генеральным контролером. В краткий период своего пребывания у власти Тюрго попытался осуществить частично программу физиократов. Его реформаторские начинания встретили, однако, как и следовало ожидать, решительное сопротивление со стороны господствующих классов, и в 1776 г. Тюрго вышел в отставку. Лучшая из экономических работ Тюрго-"Размышление об образовании и распределении богатств" вышла в свет в 1766 г.

Тюрго соединял тонкую наблюдательность и большой практический опыт с даром широких научных обобщений. В ряде вопросов он внес существенные поправки к теории Кенэ, уточнил и развил намеки, содержащиеся в произведениях основателя школы. Важнейшей заслугой Тюрго в теоретической области является дополнение выдвинутой Кенэ схемы классового строения общества.

Тюрго эту схему полностью принимает и считает основной. Труд земледельца составляет самый важный предмет потребления. Земледелец может обойтись без труда других рабочих; другие рабочие не могли бы работать, если бы земледелец их не питал. Труд земледельца дает ему излишек сверх того, что ему необходимо для удовлетворения его потребностей - излишек, который является "чистым даром природы", "физическим результатом плодородия почвы". Труд земледельца является, следовательно, единственным источником богатства. Этот производящий богатства класс можно назвать производительным. Промышленный класс, продающий земледельцам свой "труд" и получающий от них средства существования, Тюрго называет наемным (*stipendiee*)²⁵. Первоначально земледелец был в то же время собственником земли. Но после того как вся земля "нашла себе хозяев", особенно с развитием неравенства, собственники получили возможность перекладывать труд обработки земли на других. Отдавая людям, которые стали на них работать, часть дохода земли, собственники спокойно пользуются своим богатством. Доход земли делится, таким образом, на две части. Земледелец получает средства существования и прибыль, являющуюся условием, на котором он соглашается обрабатывать землю. Излишек, "чистый дар природы" (рента) составляет долю собственника. Так образуется

третий класс общества - собственник. Этот класс Тюрго называет "находящимся в распоряжении" (disponible). Так как он свободен от труда физического, то общество может располагать им для военного дела, для администрации и т.п.²⁶

Тюрго не останавливается, однако, на этом трехчленном делении. В своем анализе он идет дальше и различает в классе земледельцев капиталистических фермеров и батраков, в торгово-промышленном классе - предпринимателей и наемных рабочих. Производительный и не производительный класс распадается, по его схеме, каждый на два класса. В основе этого классового деления лежит, в отличие от классовой схемы Кенэ, отношение к средствам производства. Для промышленного предприятия, - рассуждает Тюрго, - необходимо сырье, необходимо оборудование, необходимы средства существования рабочих, - и все это нужно до того, как предприятие, сможет продать изготовленные им продукты. Для сельскохозяйственного предприятия необходим скот, сельскохозяйственные орудия, семена и т.п. Обеспечить возможность производства до реализации его продукции не могут люди, ничем не владеющие. Это могут сделать лишь те, кто обладает накопленным движимым капиталом. Только капиталы образуют большие предприятия и дают им движение. Владельцам капиталов противостоят в производстве рабочие, у которых нет ничего, кроме их рук. Рабочие ничего не могут продать, кроме своего "труда" и получают за него только заработную, плату.

Таким образом, предварительным условием образования класса наемных рабочих, а следовательно, и всей изображаемой Тюрго системы экономических отношений является отделение рабочих от средств производства. В частности, Тюрго связывает этот процесс с отсутствием, в обществе свободных земель. "Когда каждый трудолюбивый человек, говорит он, мог иметь столько земли, сколько он хотел, никто не имел надобности работать на другого"²⁷. Но когда каждый участок земли получил уже своего господина, то тем, кто не имеет земли, остается лишь продавать свой "труд". Тюрго относится к этому, как к естественной необходимости. Рабочий не должен питать к капиталисту ничего, кроме благодарности: ведь капиталист "авансирует" его нужными для его труда средствами в форме сырья, орудий и заработной платы.

Единственным источником средств существования для наемного рабочего является его заработная плата. Уже Кенэ считал, что конкуренция, существующая между рабочими, неизбежно сводит размер их заработной платы к минимуму. Тюрго уделяет этому вопросу большое внимание, пытаясь точнее определить размеры этого минимума. Наниматель, - говорит Тюрго, - всегда имеет выбор между значительным количеством рабочих. Естественно, что он всегда предпочтет нанять того из них, кто идет на самую низкую оплату. Поэтому работники, стремясь обеспечить за собой работу, вынуждены понижать свои требования. В результате неизбежно заработная плата ограничивается минимумом. Но для того, чтобы работать, человек должен существовать. Ни на какие иные средства, кроме заработной платы, рабочий не может рассчитывать. Отсюда Тюрго делает вывод: "при всяком виде труда дело должно сводиться, и в действительности сводится, к тому, что плата рабочего ограничивается суммой, необходимой для того, чтобы обеспечить ему существование". Так Тюрго приходит к формулировке положения, которое получило в истории политической экономии наименование "железного закона заработной платы". Отделение рабочего от средств производства, продажа им "труда", заработная плата - логически связаны в теории Тюрго. Однако он не может отказаться и от того положения Кенэ, согласно которому, заработную плату получают также и предприниматели. "Владелец капитала" должен за свой труд получать соответственное вознаграждение. Но далее мы видим очень существенное отличие теории Тюрго от теории Кенэ. Кенэ сводил к заработной плате весь доход предпринимателя, будь то фермер или промышленник. Тюрго различает в этом доходе, наряду с заработной платой, предпринимательскую прибыль, хотя и не понимает ее происхождения. Оставаясь на физиократических позициях в вопросе о "чистом продукте", возникающем только в земледелии, Тюрго и в объяснении прибыли исходит из этой теории. Капиталист, вместо того чтобы поместить свой капитал в какое-либо предприятие, мог бы приобрести на него землю. В этом случае он получал бы соответственную долю "чистого дохода" в форме ренты. Прибыль составляет эквивалент того дохода, который приносили бы деньги, если бы они были употреблены на покупку земли, - является как бы компенсацией за неполученную ренту.

Экономическая свобода, провозглашенная физиократами, находит в Тюрго самого горячего и последовательного сторонника. Он безоговорочно защищает свободу хлебной торговли. Как известно, в 1774 г. ему удалось в качестве министра ее осуществить. Он убежден, что освобожденные от государственного контроля купцы лучше справятся с задачей снабжения, чем самые просвещенные администраторы. Он проповедует даже свободу торговли колоний с иностранцами. В области промышленности он решительно выступает против цеховой системы. Цехи лишь мешают развитию промышленности своей монополией. Они тормозят инициативу работника, они закрепляют в производстве вредную рутину. Они стесняют священное и неотъемлемое "право труда". Во имя этого "права труда" Тюрго требует отмены налагаемых цехами на трудящихся ограничений. Он убежден, что "свобода труда" не ухудшает, а улучшает положение рабочих. Свободная конкуренция между предпринимателями обеспечит рабочим

лучшие условия труда. Так буржуазный, индивидуалистический порядок превращается у Тюрго, вопреки его классовой теории, в своеобразную социальную гармонию.

Социальный оптимизм Тюрго налагает свой отпечаток на его представления об историческом развитии человечества. Элементы учения об истории как о прогрессивном процессе есть уже и у Кенэ. Кенэ убежден в неизбежности развития разума, просвещения, в том, что рост просвещения ведет к "расширению естественного права", к установлению порядка, наиболее выгодного для людей, соединенных в обществе²⁸.

Тюрго оставил нам один из первых набросков продуманной буржуазной теории прогресса²⁹. Тюрго противопоставляет человеческую историю природе. В то время как в природе существует круг "всегда одинаковых переворотов", в которых все возрождается и все погибает, - в человечестве мы видим последовательное движение ко все большему совершенству. Человеческий род - бесконечное целое, подчиненное закону прогресса. Возникают и падают империи, сменяются формы правления, одни народы поочередно подчиняют другие, страсти вызывают опустошительные перевороты и обильно орошают земли человеческой кровью. Но в процессе этих переворотов просвещается разум, смягчаются нравы. Человечество переживает попеременно счастливые времена и годы бедствия, но прогресс человеческого разума непрерывен. Обстоятельства лишь способны его замедлять или

Тюрго видит в истории прежде всего рост просвещения, успехов разума. Но, подобно Кенэ, он понимает значение фактов экономической жизни и в ряде случаев считает изменения в экономических отношениях решающими для прогресса. Так, по его мнению, важнейшим моментом для роста просвещения является разделение труда, которое становится возможным лишь тогда, когда возникает земледелие и когда земледелие оказывается способным прокормить больше людей, чем необходимо для возделывания земли. Тогда возникают города, торговля, ремесла, а с ними - неравенство в условиях существования и различие в воспитании. Неравенство освобождает людей от тяжести, налагаемой потребностями первой необходимости, дает им досуг, необходимый для наук. С неравенством начинается более быстрый подъем человеческого разума, хотя этот подъем и сопровождается отставанием большинства, занятого тяжелыми и грубыми работами³⁰.

Развитие разума шло по восходящей линии в маленьких свободных греческих республиках. Но этому развитию содействовало и образование больших империй, обеспечивающих населению мир и связывавших тесными узами входящие в них народы. Временный перерыв в этом процессе - средние века. Европа становится добычей варваров, повсюду распространяется грубость и невежество. Феодальный строй Тюрго резко осуждает. Он создает только "ложное подобие порядка". "Короли без власти, разнузданные дворяне, деревни, непрерывно опустошаемые; полный застой в торговле; богатство и досуг погибающего в праздности дворянства; невежество, наиболее грубое, распространенное на все нации и на все профессии - такова печальная картина Европы в течение многих веков"³¹. Тюрго до такой степени враждебно относится ко всему феодальному, средневековому, что даже готическую архитектуру он объявляет архитектурой исключительно дурного вкуса.

Однако не нужно думать, что в эти века варварства человеческий разум не делает никаких успехов. Незаметный прогресс подготавливает успехи последующих веков. Он подобен в это время рекам, скрывающимся под землей. Жизненные потребности, - особенно потребности промышленности и торговли, - не становятся менее настоятельными, а они неизбежно толкают к размышлению. Средоточием торговли, а следовательно, и центром общественных сил становятся города. Королевская власть, покровительствуя и опираясь на них, ослабляет феодалов. Наступает время нового и бурного прогресса разума и просвещения. Все тучи рассеяны. Яркий свет загорелся со всех сторон³². Тюрго твердо уверен, что достигнутые за последние столетия успехи просвещения обеспечивают дальнейший непрерывный и беспредельный прогресс человечества.

1 ..."Философы XVIII века апеллировали к разуму как к единственному судье над всем существующим. Они требовали основания разумного государства, разумного общества... Этот разум оказался в действительности лишь идеализированным рассудком третьего сословия, готового превратиться в современную буржуазию". К.Маркс и Ф.Энгельс, т.XIV, 259.

2 Quesnay. Le droit naturel. Collection des principaux economistes. Physiocrates, I, 173

3 Ibid., 54.

4 Очень отчетливо этот ряд умозаключений дан в форме схемы у Дюпона в его "Abrege des principes de l'economie politique". Collection des principaux economistes, Physiocrates, I, 367-368.

5 Dupont de Nemours. Abrege des principes de l'economie politique. Collection des principaux economistes. Physiocrates, I, 368.

6 Quesnay. Le droit naturel; ibid., 45.

7 Маркс. Теория прибавочной стоимости, т.35. 1921 М.-Л.: АН СССР. 1940

9 Quesnay. Maximes generales. Collection des principaux economistes. Physiocrates, I, 90.

- 10 Ibid., 97.
11 Ibid., 91
12 Ibid., 98-99
13 Ibid., 101.
14 Quesnay. Dialogue sur le commerce. Collection des principaux economistes. Physiocrates, I, 172-173.
15 Quesnay. Maximes generales; ibid., 94, примечание.
16 Quesnay. Dialogue sur le commerce, ibid., 164.
17 Маркс. Теории прибавочной стоимости, 40-41.
18 Quesnay. 1. с.146, 148, 150 и др.
19 Quesnay. Maximes generates; 1. с.83.
21 К.Маркс. Теории прибавочной стоимости, I, 43.
22 Выбранные места. (Приложение). М. 1896.
23 Ibid., 12-15.
24 Ibid., 12.
25 Turgot. Considerations etc. Collection des principaux economistes. Oeuvres de Turgot, 1, 9-12.
27 Quesnay. Le droit naturel, 1. с.54 и сл.2 Родоначальники позитивизма, ч.1, стр.31-94 (русский перевод трех философско-исторических работ Тюрго).
28 Ibid., 42
29 Ibid, 45.
30 Ibid., 33, 54.
См.также: Я.Захер. Тюрго; ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ во ФРАНЦИИ в отчетах Толозана, Неккера и Ролана (при Старом порядке); СТАРЫЙ ПОРЯДОК во ФРАНЦИИ (история в источниках, сост. С.Сказкин)

Глава 2. ТЕОРИЯ МЕЛКОБУРЖУАЗНОГО РАВЕНСТВА

В настоящей главе и частично в главе четвертой использован материал статьи автора "Уравнительные теории XVIII в."

I

Физиократы радостно приветствуют зарю нового капиталистического общества. Отражая настроения преуспевающей буржуазии, они смотрят на будущее оптимистически. Рост буржуазных общественных отношений оценивается, как прогресс человечества. Но у буржуазного прогресса есть обратная сторона, которая в учении физиократов остается в тени. Успехи капитализма покупаются ценой крови и слез, ценой угнетения, экспроприации, обнищания и физического истребления широких масс. Для городской мелкой буржуазии и для крестьянства буржуазный прогресс - разрушительная сила, отнимающая собственность, превращающая хозяина мастерской в наемного рабочего, крестьянина - в батрака, сводящая до ничтожного минимума заработок сохраняющего свою кажущуюся самостоятельность мелкого собственника, бессильного против конкуренции со стороны крупного предпринимателя или против эксплуатации со стороны торговца-скупщика. Само собой разумеется, что социальные настроения этих слоев были весьма далеки от оптимизма физиократов. Эти настроения должны были создать - и действительно создали почву для возникновения в XVIII в. весьма влиятельного литературного течения, которое можно назвать уравнительным.

Представители этого течения отнюдь не сочувствуют феодализму. Наоборот, их критика феодализма значительно резче и определеннее, чем критика физиократов. Крупная буржуазия могла мечтать о компромиссе с силами старого феодального порядка. Мелкобуржуазные слои (особенно в деревне) видели в феодала своего злейшего эксплуататора, ненависть к которому отнюдь не становилась меньше от того, что рядом с ним появилась фигура нового эксплуататора-капиталиста. Но идеологи мелкой буржуазии не могли принять и той идеализации капитализма, которую давали физиократы. Поэтому критика феодально-бюрократических порядков соединяется в них с критикой растущих капиталистических отношений. Последняя, конечно, половинчата, непоследовательна. Отправляясь от исследования бедственного положения масс писатели этой группы приходят к выводу, что источником его является неограниченное господство частной собственности. Поэтому они - решительные противники принципа *laissez faire*, сторонники ограничений буржуазной "свободы". Некоторые из них идут дальше и признают злом частную собственность вообще. Но из своего теоретического радикализма они не в состоянии сделать логического вывода о необходимости отмены частной собственности. Мелкий собственник, благосостоянию которого угрожает капиталистическое развитие, существование которого в качестве самостоятельного производителя становится непрочным, способен на резкие выпады против собственности как основы богатства и эксплуатации. Но он мечтает отнюдь не об уничтожении частной собственности, а о таком строе, в котором собственность была бы "очищена"

от своих "отрицательных" сторон и упрочена в его, мелкого собственника, интересах. Практические предложения мелкобуржуазных идеологов сводятся к борьбе с растущим неравенством путем, более или менее решительных уравнивательных мероприятий. Они - уравниватели, эгалитаристы, но не социалисты. Как критики буржуазного неравенства они утопически стремятся задержать рост буржуазных отношений; как критики неравенства феодального они объективно лишь расчищают путь для капиталистического развития.

Крупнейшим теоретиком этого направления является Руссо (1712-1778). Жан-Жак Руссо родился в Женеве в протестантской, мелкобуржуазной семье. Чувствительный, самолюбивый, замкнутый и склонный к мечтательности мальчик рано попал в суровую школу жизни. Тринадцати лет он был отдан в ученики к грубому, ограниченному и жестокому мастеру. Голод, унижения, побои - все это было хорошо знакомо Руссо по его личному опыту. Шестнадцати лет он убежал от своего хозяина. Между годами ученичества и началом литературной деятельности лежит большая полоса жизни, заполненная скитаниями, бесплодными попытками получить работу, унижениями. В эти годы Руссо испытал самые разнообразные жизненные положения. Он переменил веру, учился в католической семинарии, учился музыке, преподавал музыку, не будучи к этому достаточно подготовленным; был мелким служащим в канцелярии, был лакеем. Руссо пришел, таким образом, в литературу с исключительно тяжелым и сложным жизненным опытом. Но жизнь не сломила Руссо. Она лишь развила в нем чувство глубокой ненависти к существующим социальным отношениям, личное, непосредственное понимание страданий бесправных и угнетенных масс. Он выступает в литературе как их единственный представитель и защитник их интересов. Но воспринимает он их страдания сквозь призму мелкобуржуазного миропонимания, ищет спасения на путях укрепления мелкобуржуазных отношений.

Из произведений Руссо основным для понимания его социальной теории является "Рассуждение о происхождении и основах неравенства между людьми", вторая из его теоретических работ (1755). Руссо начинает "Рассуждение" с гипотезы, тесно связанной с теорией естественного права: это-гипотеза "естественного состояния", предшествующего возникновению положительных законов. Общественное благо он видит в наибольшем приближении к "естественному закону". В дальнейшем развитии своих мыслей он, однако, выходит за пределы естественно-правовой концепции. Основным методом Руссо - рационалистический. Исходным пунктом его построения является человек природы, абстрактное понятие, для получения которого у действительного человека необходимо отнять все дары и способности, приобретенные благодаря прогрессу¹. Тем не менее Руссо во многих случаях удается гениально прощупать действительные пружины, движущие общественную жизнь, удается, вопреки рационалистической форме, показать ее подлинную внутреннюю диалектику.

Уже в своем изображении "естественного состояния" Руссо постулирует два положения, раскрывающие социальный характер его теории как теории мелкобуржуазной индивидуалистической. Во-первых, все люди по природе равны; во-вторых, естественный человек совершенно лишен социального инстинкта. Человечество в естественном состоянии - совокупность равных друг другу индивидуумов. Люди живут не группами, а рассеянно; дикари - одиноки. Их стремления ограничены физическими потребностями и находят удовлетворение в том, что дает природа в своем естественном плодородии. Так как естественные потребности не велики и легко удовлетворяются, то дикарям чужды предусмотрительность и любопытство, стимулирующие развитие разума. В своей деятельности они руководятся двумя силами - самосохранением и состраданием. Из них вытекают все нормы естественного права². Сострадание - источник всех добродетелей, оно исполняет в естественном состоянии роль законов. Нет оснований предполагать у естественного человека существование социального инстинкта. У дикарей нет моральных связей, следовательно, нет добродетелей и пороков. У них нет даже семьи: половые отношения не вызывают длительной связи, а дети покидают мать, как только научатся сами добывать себе пищу. Страсти, сами по себе не сильные, находят сдержку не в законах, не в нравственности, а исключительно в сострадании. Столкновения между людьми редки, ибо земельный простор еще велик, и живут они изолированно³.

Естественное состояние-детство человечества. Оно очень устойчиво, так как природа не предназначала людей для общественной жизни. Люди жили много веков без общества, без собственности, без семьи. Переход к следующей стадии вызывается ростом населения и возникающими трудностями в удовлетворении потребностей. Эти трудности пробуждают к жизни присущую человеку способность совершенствоваться, вынуждая его подыскивать новые способы добывать себе пропитание. Возникают охота и рыбная ловля. Человек научается пользоваться огнем. Растет его наблюдательность и предусмотрительность. Он начинает замечать, что другие люди чувствуют и ведут себя так же, как он. Он ищет помощи у себе подобных. Сначала это - отдельные случаи сотрудничества, но постепенно из них вырастают более прочные свободные союзы, первые общественные связи. Объединение людей ускоряет прогресс. Появляются каменные орудия, жилища, а с ними - семья и первые зачатки собственности. Но ни законов, ни государства еще нет⁴.

Этот период в жизни человечества Руссо называет самым счастливым. Это - молодость, за которой следует постепенное одряхление и вырождение⁵. Толчком к выходу из этого счастливого состояния Руссо считает изменение в способах добывания средств существования - развитие обработки металлов и агрикультуры. То и другое тесно связано: пока нет металлических орудий, земледелие ограничивается посадкой овощей вокруг хижин, За культурой земли неизбежно следует ее раздел. Сначала возникает право на продукты обработанной земли, затем право на самую землю. Наконец, закрепляясь из года в год, это право перерастает в земельную собственность. Таким образом, собственность для Руссо является не естественным правом, а историческим установлением. Ее возникновение он расценивает, в противоположность физиократам, как фактор отрицательного значения для жизни человеческого общества. Земельная собственность принесла с собой человечеству неравенство и борьбу интересов, рабство и нищету. Ее установление - первый шаг к вырождению общества. С этого момента прогресс человечества есть в то же время прогресс неравенства.

Земельная собственность неизбежно нуждается для своей охраны в законе. Люди не равны по своим силам и способностям. Одни успевают захватить много земли, для других ее вовсе не остается. Они становятся бедняками. Это ведет к смутам. Бедняки, не имеющие земли, а тем самым лишенные средств существования, вынуждены идти в рабство к богатым. Но они считают свои потребности равносильными праву собственности. Начинается междоусобная война, которая очень убыточна для богатых. Тогда они решают пойти на хитрость. Они предлагают беднякам, вместо того чтобы тратить силы в борьбе друг против друга, объединиться и создать верховную власть, которая будет защищать слабых от притеснения, сдерживать тщеславных, обеспечивать каждому его владения, охранять мир, согласие и справедливость. Бедняки поддаются этому обману. Люди покупают воображаемый покой ценой реального счастья⁶. Так возникает общественный договор, устанавливающий государственную власть. Так возникают законы, которые дают новую силу богатым, закрепляют собственность, превращая ее в непререкаемое право, подчиняют человечество труду, рабству и нищете. Истинным основателем гражданского общества, - говорит Руссо, - был тот, кто первый, огородив свой участок земли, решил сказать "это мое" и нашел достаточно простых людей, чтобы ему поверить⁷.

Государственная власть постепенно принимает все более устойчивые и вместе с тем все более жесткие формы. Сначала законы гарантируются общиной в целом. Затем власть сосредоточивается в руках известных лиц, а авторитет их укрепляется религиозной санкцией. Форма правления зависит при этом, по мнению Руссо, от распределения собственности⁸. Где выделился один богач, образуется монархия, где имеется их несколько, - аристократия, где собственность распространена более или менее равномерно, - демократия. С установлением частной собственности в человеке развиваются алчность и честолюбие. Эти пороки при новом общественном порядке неизбежно растут и продолжают свою разрушительную работу. Под их влиянием изменяются и отношения правителей к управляемым. Выборная власть превращается в наследственную, ее носители" начинают считать себя равными богам, собственниками государства, а граждан - рабами. Так законная власть, основанная на договоре, превращается в произвол. В обществе вновь воцаряется право сильного. Природа человека все более извращается. Все ненавидят друг друга, все вредят друг другу. В обществе все подчинено борьбе интересов, прикрытой лишь лицемерием. Правда, в обществе растут науки, искусства, торговля, индустрия. Но они, обогащая государство, в то же время разоряют его. С их развитием связаны упадок сельского хозяйства, бегство из деревни крестьян, превращающихся в нищих и бродяг. В обществе устанавливаются отношения, которые можно резюмировать таким договором богатого с бедным: вы нуждаетесь во мне, так как я богат, а вы бедны; согласимся: я позволю вам иметь честь мне служить на том условии, чтобы вы отдали мне то небольшое, что у вас осталось, за труд вами командовать, который я беру на себя. Неравенство достигает таких размеров, что одни умирают от голода, другие - от излишеств. Это высшая точка неравенства, конечная точка, которая замыкает круг и соприкасается с начальной точкой: все вновь равны, но равны в рабстве⁹. Тем самым возникает новое естественное состояние. Власть опирается уже не на договор, а на силу. Если эту власть свергают, то нечего жаловаться на насилие. "Насилие ее поддерживало, насилие ее и свергает. Все идет, следовательно, согласно естественному порядку".

Среди социальных теорий XVIII в. теория Руссо, как она дана в "Происхождении неравенства", резко выделяется характерными для нее чертами материализма и диалектики. Мы находим у Руссо и понятие "естественного человека" и понятие "естественного права". Мы находим у него ряд чисто дедуктивных выводов из "природы" человека. Но в то же время Руссо ясно показывает, как меняется человеческая природа в процессе исторического развития, как с естественной необходимостью сменяют одна другую общественные формы. Руссо понимает не только закономерность исторического процесса, но и его антагонистичность. Прогресс человечества есть в то же время прогресс неравенства. Достигнув предела, неравенство "превращается в свою противоположность"¹⁰. Руссо рационалистически конструирует "естественное состояние" из постулируемых им свойств "естественного человека". Столь же

рационалистически конструирует Руссо возникновение государства как заключение "общественного договора". Но не трудно увидеть под этой рационалистической оболочкой материалистическое ядро. Руссо знает, что развитие разума зависит от страстей, а страсти - от потребностей. Общество возникает и меняет свои формы, по теории Руссо, в результате изменения в способах удовлетворения человеческих потребностей, в материальном производстве. Так, переход к рыболовству и охоте создает семью и оседлость. Так, обработка металлов и земледелие создают частную собственность на землю, неравенство и государственную власть. Дальнейшее развитие государственной власти определяется также материальным моментом-распределением собственности. Из социальных мыслителей XVIII в. Руссо, несомненно, ближе всех подошел к диалектическому и материалистическому пониманию истории.

II

Общий вывод, к которому приходит Руссо в результате своего обзора истории возникновения и развития человеческого общества, глубоко пессимистичен. Человечество переживает те же возрасты, что и отдельный человек: детство, юность, зрелость и старость.

Светлая юность человечества миновала навсегда. Возвращение назад так же невозможно, как невозможна для старика молодость. Прогресс совершенно извратил природу человека. Естественное состояние не может служить идеалом для одряхлевшего цивилизованного человечества. Единственное, к чему надлежит стремиться, это к тому, чтобы разумными мерами смягчить зло, царящее в обществе, по возможности задержать рост этого зла. Основа общественного зла - неравенство. А неравенство возникает: в связи с частной собственностью. Руссо не признает собственности естественным правом; в историческом процессе ее развитие и укрепление имело, по его мнению, самое пагубное значение. И тем не менее, как практический политик, Руссо объявляет частную собственность незыблемой основой общественного порядка. Поскольку возвращение к естественному состоянию невозможно, поскольку мы не хотим разрушить самого общества, должно охранять собственность, не допуская на нее никаких покушений. Это не значит, что правительство должно относиться безразлично к существующему в обществе неравенству. Оно должно защищать бедных и сдерживать богатых. Оно должно бороться против неравенства, но не отнимая богатств у владельцев¹¹, а предупреждая их накопление; не строя приютов для бедных, а мешая становиться бедными¹¹.

Так теоретически аргументирует Руссо умеренность предлагаемых им реформ. Самая существенная из них - налоговая реформа. Существующую во Франции систему налогов Руссо осуждает как систему, разоряющую страну. Налог, обременяющий крестьянина (*taille*), в конечном счете вреден для всего общества. Если налог высок и пропорционален продукту, то крестьянин перестает обрабатывать землю. Вместо налога на земледелие Руссо предлагает в качестве основного прогрессивный налог на имущество. Главный довод Руссо в пользу прогрессивного налога заслуживает внимания, так как он имеет самостоятельное значение и сыграл большую роль во время революции. В имуществе, - говорит Руссо, - надлежит различать две составные части: необходимое и излишек. Необходимое должно быть совершенно свободно от налога. Обложению подлежит только излишек, который в случае острой нужды может быть полностью отобран государством. Кроме того, граждане извлекают из общественного союза неодинаковую выгоду. Все преимущества общества достаются богатым. Богатый, даже когда он мошенник, может быть уверен в безнаказанности. Горе невинному бедняку, если его заподозрят в краже у богатого. Наконец, потери бедняка труднее поправить, чем потери богачей; первый пистоль труднее добыть, чем второй миллион¹².

Тот же характер налогов на излишек должны носить и все прочие налоги. Очень существенным средством в борьбе с неравенством считает Руссо налоги на предметы роскоши в широком смысле этого слова. Высокое обложение продуктов бесполезных производств - безделушек, ливрей, экипажей, зрелищ, профессий тунеядцев - певцов, скоморохов и т.п. - должно обуздать жадность богатых, лишив ее значительного числа объектов. Эти налоги очень удобны для государства, так как их платят добровольно те, кто хочет роскошествовать. И не следует бояться, что от них пострадает индустрия: она лишь перейдет к производству других предметов¹³.

Руссо отнюдь не сторонник принципа *laissez faire*. Если регламентация торговой и промышленной деятельности, как она практикуется феодально-абсолютистским порядком по его мнению, нецелесообразна, то государственное вмешательство вообще необходимо. Государство должно давать торговле и промышленности направление согласно потребностям населения, должно следить за правильным распределением в стране съестных припасов, денег и товаров. В частности, в противоположность мнению физиократов, Руссо защищает государственное регулирование хлебной торговли и организацию общественных хлебных магазинов для предупреждения голода в неурожайные годы¹⁴. Государство должно регулировать в интересах равенства также передачу имущества по наследству. Эта мысль об уравнительных законах о наследовании, впрочем, не развита у Руссо так обстоятельно, как у других сторонников того же направления социальной мысли.

Изложенную программу налоговой реформы Руссо предлагает для Франции, т.е. для государства, уже очень далеко ушедшего по пути неравенства и разложения. Несомненно, гораздо ближе к подлинному общественному идеалу Руссо проект конституции, который он набросал для Корсики, страны, по его взглядам, более молодой, свободной от пороков, вызываемых крайним развитием неравенства. Конечно, Руссо знает, что и корсиканцы далеко ушли от естественного состояния. Но неравенство не достигло еще на Корсике больших размеров, и поэтому с ним и его последствиями там можно вести более решительную и более успешную борьбу¹⁵.

Равенство является в проекте корсиканской конституции основным законом. Однако это не означает отмены частной собственности. Институт собственности сохраняется, государство лишь регламентирует ее в интересах общего блага. Характерно для Руссо, что наибольшую опасность для системы равенства он видит в развитии торговли. Торговля способствует сосредоточению богатств в руках отдельных лиц. Поэтому государство должно стремиться установить в стране порядок, возможно более близкий к натуральному хозяйству. Соответственно с этим и государственное хозяйство строится как хозяйство натуральное. Главный налог взимается в виде натуральных повинностей - барщины и взносов продуктами, в форме продуктов выплачивается и жалованье государственным служащим. Поскольку обмена между отдельными частями страны полностью устранить нельзя, организацию этого обмена берет на себя государство¹⁶.

Но и при отсутствии торговли неравенство может возникнуть в результате скопления земли в одних руках. Для того чтобы ему воспрепятствовать, необходимы аграрные законы и законы о наследовании. В этом вопросе Руссо и в корсиканском проекте очень осторожен. Аграрный закон не есть для него закон о переделе земли, как понимался этот термин во время революции. Принудительный передел земли нарушал бы уже существующее право. Государство должно установить максимум земельной собственности лишь как принцип, регулирующий передвижение собственности на будущее время. Отказ государства в признании дарений и завещаний в пользу тех, у кого уже есть максимум, послужит преградой для дальнейшего накопления земельных богатств. С другой стороны, законы о наследовании должны содействовать уравниванию богатств, уже накопленных. Но чрезмерного дробления земли не следует допускать. Многосемейным гражданам оно грозит обнищанием. Государство должно иметь запасный земельный фонд в своем распоряжении, чтобы выдавать из него в таких случаях дополнительные наделы¹⁷.

Такова максимальная программа- Руссо, - программа, которую он считал возможным провести в жизнь в особо благоприятных условиях. Мелкобуржуазный, экономически реакционный смысл этой корсиканской утопии не подлежит сомнению. Мелкое, по возможности самодовлеющее хозяйство, охраняемое государством от разрушающих его сил экономического развития, - таков социальный идеал Руссо. К капиталистическому прогрессу, столь дорогому физиократам, он относился резко отрицательно. Это приводит его к признанию необходимости весьма далеко идущего вмешательства государства в распределение собственности и в хозяйственную жизнь вообще. В поисках теоретического обоснования для такого вмешательства он приходит к положению, чреватому выводами социалистического характера. В принципе, - утверждает он, - все принадлежит государству, и гражданин обладает долей в общественном достоянии соответственно выполняемым им гражданским обязанностям. Тем не менее, идея общественного, социалистического производства остается ему совершенно чуждой.

Влияние социальной теории Руссо было весьма велико. Его идеи распространялись, развивались и популяризировались в XVIII в. его многочисленными последователями не только в форме теоретических трактатов, но и в форме художественных произведений. Он был непререкаемым авторитетом для таких деятелей революции, как Робеспьер и Сен-Жюст. Но историческое значение учения Руссо о неравенстве и собственности определяется не только значением и ролью его непосредственных учеников в предреволюционной и революционной Франции. Выдвинутые Руссо положения имели гораздо более широкий круг воздействия. Это воздействие проявляется в той или иной мере в самых различных течениях социальной мысли XVIII и начала XIX столетий. Влияние Руссо испытали на себе и революционный коммунист Бабеф, и мирный утопист Фурье, и анархист Годвин. Произведения Руссо в течение многих лет служили орудием борьбы с существующим строем, с царящими в нем неравенством и эксплуатацией.

III

Из представителей школы Руссо в XVIII в. следует остановиться на Госселене. Госселен, как, впрочем, и другие ученики Руссо, не дает в области теории ничего существенно нового. Но его книга "Размышления гражданина" вышла на тридцать с лишним лет позже "Рассуждения о неравенстве", почти накануне революции (1787)¹⁸. Обострение революционных настроений масс поставило в порядок дня вопрос о четких и ясных практических выводах из уравнивательной теории. Самого Руссо уже не было в живых. Существовала намеченная им для Франции умеренная программа реформ, не затрагивавшая существующих отношений собственности. Но к 1787 г. для людей наблюдательных должно уже было стать ясным, что такая программа весьма мало соответствует мечтам и чаяниям наиболее обездоленной части поднимающихся к

революционному действию масс, - в особенности деревенской бедноты. Стремления деревенской бедноты, как и программа Руссо, не выходили за пределы мелкобуржуазного кругозора. Но они были уравнительными в гораздо более прямом и радикальном смысле слова. "Размышления" Госселена и представляют интерес как попытка на основе теории Руссо построить более радикальную уравнительную программу, предвещающую проекты "аграрного закона" (loi agraire) времени революции.

Предложения Госселена идут значительно дальше корсиканского проекта Руссо. Но в отличие от Руссо, Госселен считает их вполне осуществимыми даже во Франции. Индивидуальная собственности, - заявляет Госселен, - не есть изначальное право. Собственность имеет основой потребность. Все люди имеют равное право на вещи, обеспечивающие при помощи труда их благосостояние. Крупная собственность-результат захвата. Действующее право собственности несправедливо и разрушительно для общества. Земля может принадлежать частным лицам лишь как временным владельцам, без права отчуждения, истинным собственником земли является бог. Люди, как братья, должны делить ее между собою равными долями.

Наиболее быстрым и простым способом уничтожить неравенство Госселен считает "обращение всех имуществ в общественную собственность и затем равный раздел их по примеру спартанского законодателя". Но на тот случай, если этот способ покажется слишком опасным как сопряженный с насилием. Госселен предлагает более сложный проект, который должен привести к той же цели более длительным путем. Прежде всего королевские домены, церковные земли, все земли, не обрабатывавшиеся в течение десяти лет, должны быть разбиты на равные участки и распределены между неимущими. Затем государство должно приступить к выкупу для такого же равномерного раздела частновладельческих земель, ежегодно ассигнуя на это соответственные суммы. Наконец, государство должно ввести прогрессивный налог на имущества. С одной стороны, такой налог будет непосредственно содействовать сокращению чрезмерных богатств, с другой - будет давать государству средства для выкупа земли. В результате этих мероприятий уже через несколько лет территория Франции будет распределена равномерно между ее счастливыми обитателями.

Во избежание сосредоточения земли вновь в руках одних и обезземеления других наделы будут неделимы и неотчуждаемы. Участок каждого будет соответствовать потребностям одной семьи. Двух участков никто не сможет иметь. Надел бездетного будет переходить ближайшему безнадельному родственнику. Если, наоборот, в семье много детей, надел отца получает один из них, остальных снабжает наделами государство. При излишке населения государство организует его переселение в Новый Свет. Организации торговли и промышленности Госселен уделяет мало внимания, так как, по его мнению, при земельном равенстве неравенство, возникающее в результате торговой и промышленной деятельности, не может принести существенного вреда.

Проект Госселена носит односторонне аграрный характер, является образцом крестьянской утопии. Это самый радикальный вариант уравнительной программы в дореволюционной Франции.

1 Rousseau. Oeuvres completes, I, 85.

2 Ibid, 81.

3 Ibid., 84-89.

4 Ibid., 83.

5 Ibid., 105.

6 Ibid, 121.

7 Ibid., 105-110.

8 Ibid, 110.

9 Ibid., 121-124.

10 К. Маркс и Ф. Энгельс, т.XIV, 139.

11 Rousseau. Oeuvres completes, III, 291.

12 Ibid., 300-301.

13 Ibid., 303-304.

14 Ibid., 296-297.

15 Rousseau, Oeuvres inedites, publiees par Streckeisen-Moultou, 59-127,

16 Ibid, 100-103.

17 Ibid., 104-118.

18 Gosselin. Reflexions d'un citoyen, adressees aux notables.

См. также: [А.Собуль. Руссо и якобинизм;](#) [Т.Занадворова. Ж.-Ж.Руссо и «сентиментальные революционеры»;](#) [подборка материалов о Руссо и ссылки на некоторые его произведения.](#)

В. П. ВОЛГИН

СОЦИАЛЬНЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИДЕИ ВО ФРАНЦИИ ПЕРЕД РЕВОЛЮЦИЕЙ

М.-Л.: АН СССР. 1940

[Vive Liberta и Век Просвещения, 2010](#)

Глава 3. КРИТИКА ЭКОНОМИЧЕСКОГО ЛИБЕРАЛИЗМА

I

В своей критике общественного неравенства Руссо не был одинок. В 60-х и 70-х годах XVIII в. даже в работах, признающих буржуазные отношения вечными и неизменными, можно найти весьма яркое изображение царящего в обществе неравенства. Очевидно, влияние настроений, питавших мелкобуржуазную критику капиталистических отношений, распространялось весьма широко. Из современников Руссо отрицательное отношение к капитализму с наибольшей последовательностью и резкостью выражает, несомненно, Ленге. Работа Ленге "Теория гражданских законов" получила весьма высокую оценку Маркса.

Ленге (1736-1794), блестящий адвокат, оригинальный и остроумный публицист, пользовался в предреволюционное время большой известностью. Он много писал, и его охотно и много читали. По своей одаренности он может быть поставлен в один ряд с крупнейшими французскими политическими писателями XVIII в.¹ Но его влияние на современников и на последующее развитие общественной мысли совершенно не соответствует его таланту. Его критика остра, но бесплодна; он совершенно не в состоянии найти выход из тупика своих пессимистических рассуждений. Свою полемику против буржуазно-либеральной идеализации физиократов он, по выражению Маркса, "полусерьезно, полуиронически облекает в реакционную оболочку"². Он восхваляет рабство и азиатский деспотизм, защищает иезуитов, идеализирует Тиберию и Нерона. Эти реакционные парадоксы могли развлекать читателей, но, конечно, не могли создать Ленге прочного круга последователей. Морально и политически неустойчивый, Ленге вызывал к себе недоверие в прогрессивных литературных кругах. Не стесняющийся в средствах и опасный полемист, он нажил много врагов и почти совсем не имел друзей. Перед революцией Ленге был вынужден эмигрировать и провел ряд лет за границей. Вернувшись во Францию уже после падения абсолютизма, он был обвинен во время террора в "лести деспотам" и кончил свою жизнь на эшафоте.

Общественная теория Ленге, соприкасающаяся в некоторых пунктах с теорией Руссо, приводит читателя к глубоко безнадежным выводам. Ленге, как и другие современные ему мыслители, начинает историю человечества с естественного состояния. "Естественное состояние не допускает ни судей, ни запрещений, ни собственности"³. Люди связаны друг с другом лишь узами естественных привязанностей. Они ищут себе пропитание, переходя с места на место, и каждый овладевает тем, что ему нужно и чем он может овладеть. Это - первобытная анархия, однако, не чуждая известных элементов общественности. Постепенно, в силу различия естественных условий, возникает разделение труда между группами и различия в образе жизни. Одни занимаются охотой, другие переходят к скотоводству и к обработке земли. Разделение труда создает почву для образования настоящего, политического общества или государства. У земледельцев неизбежно появляется идея индивидуального владения. Но это владение не закреплено никакими законами, никакими общественными соглашениями. Наоборот, условия жизни располагают земледельцев к изолированному существованию, отталкивают их от общения. У охотников должны были обнаружиться первые признаки общества: они объединялись, чтобы легче ловить или убивать свою добычу. Им приходилось устанавливать правила ее деления. Затем воинственные охотники нападают на мирных земледельцев и скотоводов, поработают их и заставляют работать на себя.

Сначала земли оставались попрежнему общими, но вскоре завоеватели во избежание раздоров решили их разделить. С появлением собственности возникает необходимость в законах для ее обеспечения. Так образуется настоящее, политическое общество. "Общество родилось из насилия и собственность из узурпации". "Узурпация, - иронически заявляет Ленге, - вот то средство, при помощи которого бог установил на земле желательные для него порядки". Собственность - гражданское право. Ее можно назвать естественным правом лишь в том смысле, что она является теперь необходимым условием существования человечества. Ею определяются все политические и социальные учреждения, она служит подлинной целью всякого законодательства. "Дух законов есть освящение собственности" - заявляет Ленге⁴. Законы, обеспечивая владение богатых от покушений со стороны бедных, представляют собою "в некотором роде заговор против большинства человеческого рода". Это - укрепления, воздвигнутые для защиты богатства среди неприятельской страны. Законы освящают совершившуюся узурпацию и предупреждают возможность новой узурпации.

Порабощение было первой причиной общества, насилие его первой связью⁵. "Общество - обширная тюрьма, где свободны только те, кто сторожит заключенных"⁶. Рабство навеки остается постоянным фундаментом общества. Сущность общества состоит в том, что богатый освобождается им от труда. Если первой заботой людей было добыть себе пищу, то второй - было изыскание таких средств, которые позволили бы им добывать себе пропитание без труда. Это могло быть достигнуто только присвоением чужого труда. Рабство состоит в принуждении сеять,

не получая жатвы, жертвовать своим благополучием благополучию другого, трудиться, ни на что не надеясь⁷. Богатство и бедность неотделимы от понятия общества. Провидение предоставляет средства к существованию в соответствии с имеющимся на земле числом живых существ. Если одни живут в изобилии, другим неизбежно нехватает. Богатые жиреют за счет того, что они похищают у бедных. Рост богатства неизбежно означает рост числа обездоленных. Чем общество богаче, тем люди несчастнее. Общество за счет трех четвертей своих членов гарантирует счастье, богатство и безделье небольшому числу имущих, о которых оно только и заботится⁸.

Ленге не отрицает "естественных прав" человека. Природа, говорит он, свидетельствует во всех сердцах, что люди рождаются свободными и совершенно равными. Но этого счастливого состояния независимости и равенства не существует с момента образования общества и вернуться к нему нельзя. Основы общественного порядка, связанные с его происхождением, изменить невозможно. Тем более невозможно вырваться из его цепей отдельному человеку. Воспитание, которое дает человеку общество, подавило в нем голос природы, сделало его физически беспомощным. Вернуться к пользованию естественными правами было бы для него гибелью. Да и куда ему бежать от общества: ведь жадность и насилие узурпировали всю землю⁹.

Теорию возникновения общества из договора Ленге считает фантастической, совершенно неправдоподобной сказкой. Невозможно представить, чтобы первобытные люди могли проявить столько разума, предусмотрительности и способности побеждать свои страсти. Добровольное соглашение об образовании общества предполагает в качестве творцов не людей, а какие-то небесные существа. Такой же химерой является и договор между гражданами и носителями власти. Власть имеет тот же источник, то же основание, что и собственность. Этот источник - насилие, освященное затем законами. С этой точки зрения политические законы по существу идентичны законам гражданским.

Договорная теория власти неприемлема для Ленге и по вытекающим из нее практическим выводам. Если власть короля основывается на договоре, то выполнение договора должен кто-то проверять. Но допустить такую проверку - значит открывать дверь спорам о праве проверки и вытекающим из этого бесконечным смутам. Обычно признают суверенов ответственными перед небольшой группой привилегированных. Из такой ответственности происходит лишь то, что монархи вступают в соглашение со знатью, позволяя ей делать в малом масштабе то, что сами монархи делают в большом. Так и было в Европе в XI-XV веках. Затем допустили к участию в представительстве нации третье сословие. Но Ленге в отношении представительства третьего сословия проявляет редкий в литературе XVIII века скептицизм. Представители третьего сословия, - говорит он, - избираются из числа самых богатых; их интерес склоняет их больше к тому, чтобы подавлять народ, чем к тому» чтобы его защищать¹⁰.

Из всех этих рассуждений Ленге делает тот вывод, что наилучшим политическим строем является такой строй, при котором правитель имеет бесспорный авторитет, при котором никто не имеет права требовать от него отчета. В обсуждении недостатков правления больше риска, чем в терпении. Неограниченная власть - логическое следствие происхождения социального порядка, она этот порядок наилучшим образом обеспечивает. Учиться политике надо у народов Азии, так как они сохранили верность первоначальным принципам общественной организации¹¹. Так теория общества приводит Ленге к восхвалению азиатского деспотизма и покорности.

Ленге с гневом и сарказмом обрушивается на тех, кто уверяет, что в современных обществах рабство уже более не существует. Ведь отменяя рабство, вовсе не имели в виду уничтожать богатство и его преимущества. Никто и не думал возвращаться к первоначальному равенству. Отказ богатых от своих преимуществ был только видимостью. В этом отношении все должно было остаться в прежнем виде. Большинство должно было остаться в подчинении у незначительного меньшинства, которое присваивает себе все блага. "Таким образом, рабство оказалось увековеченным, но только под более мягким названием"¹². Современный рабочий - прямой наследник раба. Их цепи сделаны из одного и того же вещества и только различно окрашены. У одних они черные и кажутся массивными; у других они менее мрачного цвета и кажутся легче; но взвесьте их беспристрастно и вы не заметите никакой разницы: и те и другие скованы нуждой¹³. Больше того: в действительности положение рабочих хуже положения рабов. Все, что они выиграли,

Это - преследующий их непрерывно страх голодной смерти, страх, которого не знали их предшественники. При рабстве корыстный интерес хозяина вынуждал его хорошо содержать раба, так как собственнику было выгодно его сохранить. Положение лошадей лучше положения рабочих, так как их пока еще никто не выдумал освобождать. Тень свободы дали рабу лишь затем, чтобы легче его угнетать.

"Ядовитый дар свободы", по мнению Ленге, принесли народу короли, которые старались в борьбе с феодалами привлечь сервов на свою сторону. Освобождение рабов не было вызвано ни требованиями христианства, ни соображениями гуманности. Это было дело расчета, выгоды. Уже вскоре многие из сервов поняли, чем эта свобода им угрожает, и начали протестовать. Но их освобождали вопреки их желанию, освобождали, взимая с них деньги за их свободу, превратив свободу в товар. Так образовался современный порядок. Общество распалось на две части - богатых, являющихся собственниками денег и средств существования, и поденщиков, не имеющих никаких ресурсов. С этих пор рабочие никому более не принадлежат. У них нет более хозяев, а следовательно, нет и покровителей, заинтересованных в том, чтобы их защищать. Они потеряли преимущества рабства, а взамен их приобрели ничтожную и непостоянную плату за упорный труд. Так как они бессильны оказать сопротивление, то на них же возложили государственные повинности. "Самое ужасное в том, что ничтожность заработка поденщика сама вызывает еще большее его понижение. Чем более его гнетет нужда, тем дешевле он продается... То, что ему дают, служит скорее средством отсрочить смерть, чем продлить жизнь"¹⁴. Условия существования рабочих из века в век ухудшаются. В результате свободный труд бесконечно дешевле труда рабского.

Утверждают, что договор собственника с рабочим - свободный договор. Но рабочий не может прожить нескольких дней, не работая. Он не может поэтому настаивать на своих требованиях, и необходимость есть заставляет его идти на условия, диктуемые хозяевами. Свобода рабочего - насмешка.

"Он свободен, говорите вы. Увы, в том-то и состоит его несчастье; ему нет ни до кого дела, но никому нет дела и до него. Когда в нем нуждаются, его нанимают как можно дешевле. Ничтожная плата, которую ему предлагают, еле-еле равняется цене средств существования в течение того дня, который дается им в обмен на эту плату. Над ним ставят надзирателей, которые принуждают его спешить со своей работой. Его подгоняют, его понукают, опасаясь, как бы он не утаил, повинуясь изворотливой и простительной лени, половины своей рабочей силы... Когда он кончает работу, его отпускают, как и приняты, с самым холодным безучастием и не заботясь о том, хватит ли ему, в случае, если он на другой день не найдет никакой работы, тех 20 или 30 су, которые он получил за свой рабочий день. Да, он свободен! Именно потому мне и жаль его. Именно потому его гораздо меньше щадят при работах, на которые его употребляют. Именно потому менее дорожат его жизнью. Рабовладелец ценил своего раба, потому что ему приходилось платить за него деньги. Но рабочий ничего не стоит нанимающему его распутному богачу... Поденщики рождаются, растут и воспитываются для услуг излишеству, не причиняя ему ни малейших издержек, - как дичь, на которую он охотится в своих владениях. Кажется, что богатство, действительно, владеет тем секретом, каким попусту хвастался злополучный Помпей. Ему стоит только топнуть ногой, и из земли вырастут легионы трудолюбивых людей, оспаривающих друг у друга честь служить ему. Если исчезнет один из множества этих батраков..., оставляемая им пустота незаметна. Она тотчас же заполняется сама собой..."¹⁷ Говорят, что у них нет господ, но это - простое злоупотребление словом. У них есть господин и самый ужасный, самый деспотический из всех господ - нужда. Она держит их в самой тяжелой зависимости. Если они не находят себе нанимателя, им грозит голодная смерть. Значит ли это быть свободным?¹⁸

Крики о свободе в декламации против рабства (Ленге имеет в виду, очевидно, "философов"-энциклопедистов и физиократов) напоминают те крики, какие издает хищная птица, пожирая голубя, которого она держит в своих когтях. Таково положение рабочих, создающих изобилие для своих хозяев. Это изобилие возникает, по мнению Ленге, из неоплаченного труда рабочих¹⁹. Рабочие, говорит он, возвращаясь домой после истощающего их труда, приносят с собою лишь часть причитающегося им вознаграждения. Говорят, что изобилие богатых является источником существования наемных рабочих. Это все равно, что утверждать, будто река питает впадающие в нее ручьи, а не наоборот. Бедняку платят лишь после того, как он уже заплатил своим трудом, и при том платят меньше, чем уплатил он. Общий вывод Ленге из этой характеристики положения рабочих парадоксально реакционен: рабство выгоднее для населения, чем свобода.

В произведениях Ленге мы находим не имеющую себе равной в литературе XVIII в. критику капиталистических отношений. Но, как мы уже говорили, он только констатирует общественное зло, не указывая средств к его устранению. Он предчувствует возможность великой социальной революции, восстания неимущих против имущих. Никогда, - говорит он, - лишения не были столь убийственны, никогда Европа не была ближе к всеобщей катастрофе, тем более ужасной, что она будет вызвана отчаянием. Аналогию этой будущей катастрофе Ленге видит в восстаниях рабов в древнем Риме, считая возможным появление нового Спартака, который призовет своих братьев к борьбе за истинную свободу. Но Ленге не ждет от революции ничего хорошего. Общественное зло неизлечимо. Если бедный потребует восстановления своих прав, это приведет к последствиям, еще более ужасным, чем существующее положение. Общий интерес требует, чтобы положение оставалось таким, каково оно есть.

Мудрец может, по мнению Ленге, посоветовать лишь некоторые улучшения. Желание сделать всех людей счастливыми в государстве - такая же ошибка в политике, как поиски философского камня в химии. Приходится с грустью повторить несчастному: "Страдай и умирай в цепях - такова твоя судьба... Будь доволен своей долей, так как тебе не приходится надеяться на другую"²⁰.

Философия должна призывать к терпению, а не к мятежу. Распространение просвещения среди народа опасно. При настоящем состоянии общества у народа есть только руки. "Все потеряно, если он заметит, что у него есть ум".

Реакционные выпады Ленге, даже если их объяснить страстью к парадоксам и к острым полемическим приемам, свидетельствуют в лучшем случае о большой морально-политической неразборчивости этого талантливом писателя. Своеобразный и яркий представитель литературной богемы XVIII в., он не сумел четко определить свое место в идеологической борьбе, предшествовавшей великой буржуазной революции. Тем не менее, Ленге не без основания объявлял себя накануне созыва Генеральных Штатов истолкователем страданий и чаяний наиболее многочисленного, наиболее угнетенного класса общества. Его критика общественных противоречий, - а это основное и единственно оригинальное в его идейном наследстве, - должна была неизбежно отталкивать от него в одинаковой мере и буржуазных идеологов и реакционеров. Хотел того Ленге или не хотел, эта критика классового гнета и эксплуатации будила ненависть к классовому обществу и подготавливала почву для восприятия коммунистических идей.

II

Среди писателей, выступавших против экономического либерализма физиократов, большой интерес представляет фигура Неккера (1732-1804). Принадлежа к буржуазной женеvской семье, Неккер в молодых годах переехал в Париж и сделал здесь блестящую карьеру. К 40-летнему возрасту он составил себе финансовыми операциями большой капитал и стоял уже во главе одного из крупнейших французских банков своего времени. В 1776 г. он был призван к руководству государственными финансами. Его попытки финансовых реформ, при всей их осторожности, вызвали в правящих кругах недовольство, и в 1781 г. Неккер был вынужден выйти в отставку. Новое назначение Неккера министром в 1788 г. как бы символизировало решение правительства пойти на уступки требованиям реформ. Несмотря на то, что реальная программа Неккера была и в эти предреволюционные месяцы весьма умеренна, имя Неккера стало на некоторое время исключительно популярным. Его отставка 11 июля 1789 г. была воспринята как симптом победы крайних реакционных сил; его возвращение к власти после взятия Бастилии было встречено всеобщим ликованием. Дальнейшее развитие революции рассеяло ореол, окружавший имя Неккера, показало его полную неспособность понять требования революционного исторического момента. В 1790 г. Неккер покинул революционную Францию и возвратился в Женеву.

Направленная против физиократов книга Неккера "О законодательстве и торговле хлебом" (*Sur la legislation et le commerce des grains*, 1774) посвящена главным образом вопросу о свободе хлебной торговли. Неккер защищает необходимость государственного регулирования хлебной торговли. Но доказывая этот тезис, он развивает аргументацию общего порядка, подвергая критическому рассмотрению принципиальные основы теории физиократов.

В вопросе об отношении между индустрией и сельским хозяйством Неккер стоит на позициях кольбертизма. Он восхваляет "гений Кольбера" и его "запретительные законы"²¹. Мероприятия Кольбера, по мнению Неккера, содействовали развитию французской промышленности, подъему национального труда и росту национального благосостояния. Промышленность вовсе не соперник сельского хозяйства, а его необходимое дополнение и поощрение. Прогресс сельского хозяйства всегда ведет к росту промышленности, а рост и разнообразие промышленной деятельности двигают вперед сельское хозяйство. При неравенстве земельных владений единственным стимулом, побуждающим владельцев обширных поместий поднимать и расширять свое хозяйство, является возможность обменивать получаемые ими излишки на продукты промышленности²². Неккер не против мер, содействующих развитию сельского хозяйства, но это не должны быть меры, подрывающие развитие промышленности. Расширение сельско-хозяйственного кредита, временное освобождение от налогов, проведение канала, организация мануфактуры в данном районе, понижение ссудного процента, - вот ряд хороших средств поощрения для сельского хозяйства²³. К таким полезным мероприятиям никак не может быть отнесена свобода хлебной торговли. Свободный вывоз зерна за границу неизбежно ведет к повышению хлебных цен. В известных случаях к тому же ведет спекуляция, порождаемая свободным обращением зерна внутри страны. Но национальная промышленность заинтересована в умеренных ценах на средства существования. Повышение цен на предметы потребления толкает к повышению цен на рабочие руки². Повышение заработной платы заставляет промышленность повышать цены на свои продукты; повышение цен на продукты национальной промышленности лишает ее возможности конкурировать с промышленностью иностранной и таким образом наносит ущерб национальному благополучию³. Вывод Неккера таков: для поощрения национального труда регулирование вывоза, хлеба так же необходимо, как и ограничение ввоза продуктов иностранной промышленности.

Этот ряд доводов, для XVIII в. отнюдь не новых, не является, однако, в работе Неккера основным. Неккер считает необходимым подвергнуть критике систему физиократов не только с точки зрения интересов мануфактуры и национального благополучия, но и с точки зрения интересов трудящихся-людей, лишенных собственности. И в этом главный исторический интерес его книги. Социальные учреждения, - рассуждает Неккер, - могут иметь своей целью только благосостояние государства; всякий закон имеет своим источником общее благо. Нарушение этих принципов всегда является результатом насилия или невежества; это проявление деспотизма или ошибки, против которых протестует разум и чувство справедливости. Наследственная собственность есть закон, установленный для счастья человечества. Неккер не считает собственность естественным законом, как считали физиократы. Это-закон социальный, но закон справедливый, заслуживающий всяческого уважения и восхваления. Он подчиняет распоряжение благами земли общему принципу, он дает толчок к развитию промышленности, без него общество стало бы жертвой всех страстей и непрерывных переворотов. В диком состоянии человек должен был силой защищать то, чем он овладел. Социальные законы, гарантируя собственность, освобождают человека от этой необходимости применять силу. С другой стороны, они, конечно, требуют известных жертв. Но таково вечное рабство природы человека: он осужден наслаждаться, принося жертвы и преодолевая препятствия²⁶.

Неккер признает, что общественному благу в наибольшей степени соответствовало бы имущественное равенство. Но осуществление и сохранение такого равенства представляется ему химерой²⁷. В обществе, основанном на собственности, неизбежно есть собственники и есть люди, лишенные собственности. Первые господствуют над вторыми, и эта власть собственников не только вечна, но и непрерывно возрастает. Ибо собственность имеет тенденцию к концентрации, а не к дроблению. Бедные не в состоянии извлекать соответственный доход из земли, которая требует капиталовложения; они не могут защищать себя от произвольного обложения. Они не пользуются прерогативами знатных. Мелкие владения незаметно соединяются в руках богатых, число собственников уменьшается, и они могут диктовать свою волю людям, труд которых они покупают²⁸.

Неккер не видит возможности радикального изменения отношений между собственниками и несобственниками. Но он не идеализирует этих отношений. "Жить сегодня, работать, чтобы жить завтра, вот единственный интерес самого многочисленного класса граждан. Рожденные без собственности, они могут добыть себе пропитание, лишь зарабатывая своими услугами скромную часть от излишков богатого"²⁹. Богатые склонны объяснять нищету народа налогами и сваливают всю вину на правительство. Между тем, эта нищета - их создание, необходимое следствие их прав. Нищета во все времена, во всех странах имеет один и тот же вечный источник. Этот источник - "власть, принадлежащая собственникам, давать в обмен за приятный для них труд возможно меньшую заработную плату, т.е. такую, которая представляет самую строгую необходимость". "Эта власть собственника основывается на том, что их очень немного по сравнению с людьми без собственности, на большой конкуренции среди последних, а главным образом на ужасающем неравенстве условий для людей, которые продают свой труд, чтобы прожить сегодня, и для тех, кто его покупает только для того, чтобы увеличить свою роскошь и свои удобства. Одни всегда будут законодательствовать, другие - всегда будут вынуждены принимать их законы"³⁰. Каково бы ни было распределение налогов, народ, т. е. наиболее многочисленная и наиболее несчастная часть общества, осужден в силу закона собственности получать всегда в обмен за свой труд лишь необходимое. Между тем, именно "несчастливая участь большинства людей, сведенных до уровня самой строгой необходимости, предоставляет богатым излишек всякого рода благ"³¹.

С нищетой связано невежество народов. Если бы собственность была распределена равномерно, всякий работал бы умеренно, и у него оставалось бы время для учения и размышления. При неравенстве богатств обучение закрыто для всех людей, родившихся без собственности. "Человек родившийся без иных средств, кроме своей силы, вынужден посвятить ее служению собственникам с первого же момента ее развития". И так продолжается всю жизнь: этому отдается все время, с восхода солнца до того момента, пока не возникнет необходимость обновить исчерпанную силу посредством сна. Когда же у этих людей время учиться? Невежество народа создано богатыми, и нечего раздражаться, если его чувства и интересы оскорбляют наши понятия о приличии³².

Физиократы убеждены, что просвещение принесет торжество их теории, основанной на общеобязательной очевидности, что ее пониманию мешает только невежество. Неккер решительно отвергает эту рационалистическую иллюзию. Общество составляют различные классы, которые по-разному смотрят на существенные вопросы общественной жизни; внимание людей всегда приковано к их интересам, - даже если они вовсе не хотят быть несправедливыми. Для собственника хлеб-продукт его земли и его забот; он желает распоряжаться им, как всяким другим доходом. Для торговца хлеб-товар, который он хочет покупать и продавать свободно в зависимости только от своей выгоды. Для народа хлеб - необходимый элемент существования; он

чтобы законы обеспечили ему возможность жить своим трудом. И эти три класса борются за свои интересы, выдвигая соответствующие высокие принципы. Земледелец-право собственности, торговец - свободу, народ-человечность³⁴.

Народ не размышляет, им движет только инстинкт. Неккер полагает, что распространение среди народа просвещения вряд ли было бы выгодно для собственников. Народ, ставший способным размышлять об абстрактных истинах, может поставить вопрос о происхождении сословий, об источнике собственности и других неприятных ему учреждений. "Не является ли неравенство знаний необходимым для поддержания всех социальных неравенств, которые его породили?" Очевидно, Неккер отвечает на этот вопрос утвердительно. Но, напугав собственников результатом просвещения народа, он тут же их успокаивает: "Неравенство не исчезнет никогда, и народ на веки-вечные останется таким, каков он есть".

В результате своего анализа общественных отношений Неккер приходит к заключению, которое звучит почти революционно. Обозревая мысленно общество и его отношения, - говорит он, - поражаешься одной общей идеей. "Почти все гражданские учреждения созданы для собственников". Стоит раскрыть свод законов, чтобы убедиться в этой истине. "Можно было бы сказать, что небольшая группа людей, разделив между собою землю, создала законы союза и гарантии против массы, как в лесу строят защиту от диких зверей". Можно смело утверждать, что после установления законов "собственности, правосудия и свободы" почти ничего не было сделано для наиболее многочисленного класса граждан. "Какое значение имеют для нас ваши законы собственности? - могли бы они сказать. - Мы не владеем ничем. Ваши законы правосудия? - Нам нечего защищать. Ваши законы свободы? - Если мы завтра не будем работать, мы умрем"³⁵.

Практические выводы Неккера весьма "скромны". Вся приведенная нами выше аргументация ведет в сущности лишь к доказательству того положения, что государство имеет право и обязанность вмешиваться в экономические отношения в интересах массы населения, Неккер неоднократно возвращается к этой мысли, противопоставляя принцип государственного вмешательства принципу экономической свободы физиократов. Государство может ограничивать и пользование правом собственности и свободу граждан, когда того требует общественное благо. Общественное благо выше права собственности и свободы. Неккер призывает не придавать чрезмерного значения терминам: есть свободы, за которыми скрывается рабство масс, есть ограничения, которые обеспечивают массе применение ее сил и способностей³⁶.

Так приходит Неккер вновь к основному тезису своей книги - к необходимости государственного регулирования хлебной торговли. Государство должно разумной политикой предупреждать такое движение хлебных цен, которое бьет по жизненным интересам масс и грозит опасностями для общественного порядка. Мы уже знаем, что свободный экспорт зерна и свобода спекуляции на внутреннем рынке ведут к повышению хлебных цен. Вопреки мнению физиократов, повышение цен на съестные припасы не сразу, не автоматически ведет к повышению заработной платы³⁷. Собственники, используя первое, оказывают сопротивление второму. Между двумя классами общества начинается глухая, но жестокая борьба. В этой борьбе сильный, конечно, берет верх над слабым, власть собственника над человеком, который живет трудом своих рук, возрастает. Тот, у кого нет резервов, не может спорить; он должен работать, иначе он ставит на карту свою жизнь и жизнь своей семьи³⁸. Нищета лишает бедняка возможности понимать высокие интересы; его идеи вращаются вокруг хлеба, которым он питается, и религии, которая его утешает. Задавленный трудом и нищетой, он спокойно переносит безделие и счастье богатых. Но когда дело идет об основе его существования - о хлебе, народ, - ребенок, которого в обычное время водят на помочах в этом мире неравенства и лишений, - превращается в рычащего льва³⁹.

Неккер всецело стоит на почве буржуазного строя. Он не представляет себе возможности какого-либо иного порядка. Спор его с физиократами - спор между двумя группами внутри буржуазного лагеря. Неккер выражает в своей литературной деятельности, как и в деятельности политической, интересы того привилегированного буржуазного слоя, который сумел приспособиться к феодально-абсолютистскому режиму. Доходы этого слоя, к которому Неккер принадлежал как "финансист" и по своему социальному положению, были в значительной мере связаны с использованием тех особенностей старого порядка и его экономической политики, которые с точки зрения буржуазии как класса являлись препятствием на пути экономического прогресса. В этом - социальная основа протеста Неккера против теории физиократов. Поскольку эта теория давала естественно-правовую идеализацию буржуазного порядка, борьба против нее заставляла Неккера отмечать внутренние противоречия этого порядка. Использование этих противоречий в целях полемики ставило его в выгодное положение защитника бедноты, филантропа, борющегося против социальных несправедливостей. Откровенность, с которой он обнажал зло неравенства, не представлялась ему опасной: в возможность того, что масса сама возьмет в свои руки дело установления порядка в социальных отношениях, он не мог поверить. Самое большее, на что, по его мнению, способна масса, это - стихийное возмущение по поводу дороговизны хлеба (таких возмущений было в XVIII в. немало). Напоминание об этой угрозе он считал с точки зрения интересов существующего строя только полезным.

1 Стоит отметить, что знаменитая речь Базиля о клевете в "Севильском цирюльнике" Бомарше имеет своим прототипом отрывок из одного полемического памфлета Ленге.

2 Маркс. Теории прибавочной стоимости, ч. I, 64, 1922.

3 Linguet. Theorie des loix civiles, I, 350. 1767.

4 Ibid., I, 236.

5 Ibid., I, 302.

6 Ibid., II, 517

7 Ibid., II, 244. B.

8 Ibid, I, 353.

9 Ibid., I; 181-187.

10 Oeuvres de Linguet. I, 89 и след.

11 Theorie de loix civiles, I, 115.

12 Ibid., II, 462.

13 Ibid., II, 510.

14 Ibid., II, 482--183.

15 Ibid., II, 463.

16 Ibid., II, 519.

17 Ibid., II, 466-457.

18 Ibid., II, 470-472.

21 Necker. Sur la legislation et le commerce des grains. Collection des principaux economistes, XV, p.228, 1848.

22 Ibid., 226-227.

23 Ibid., 243.

24 Ibid., 229.

25 Ibid, 254.

26 Ibid., 215, 273, 341.

27 Ibid., 219.

28 Ibid., 271.

29 Ibid., 211.

30 Ibid., 270.

31 Ibid., 272.

32 Ibid., 267.

35 Ibid., 357.

36 Ibid., 272, 276-277.

37 Защищая низкие цены с точки зрения интересов мануфактуры, Неккер доказывал, наоборот, что повышение цен ведет к повышению заработной платы((см. выше, стр.56).

38 Ibid, 242.

39 Ibid.

См. также: **А.Иоаннисян. Коммунистические идеи в годы Великой французской революции; Агония французского абсолютизма (глава из коллективной монографии «Французское Просвещение и Революция»).**

Глава 4. КОММУНИСТИЧЕСКИЕ ИДЕИ И КООПЕРАТИВНЫЕ ПРОЕКТЫ

Хотя французская буржуазия в своей борьбе с феодально-абсолютистским порядком и выступала в качестве защитницы общенародных интересов, хотя малочисленный пролетариат того времени еще не осознал себя как класс, - в бурном идейном брожении, предшествовавшем революции, на ряду с теориями, отражающими настроения различных групп буржуазии, возникают также теории коммунистические, продолжающие традицию Мора и Кампанеллы. Писателей, пропагандирующих коммунистические идеи, в XVIII веке было не много. Но для истории общественных идей они представляют большой интерес. Их появление в обществе, идущем еще только к буржуазной революции, свидетельствует о смутных чувствах недовольства и возмущения, о смутных чаяниях, которые растут в среде пролетариата и предпролетариата.

Одним из самых своеобразных коммунистических произведений XVIII в. является "Завещание" Мелье, относящееся, повидимому, к началу 30-х гг. Бедный сельский священник, вступивший в борьбу с сеньором из-за интересов своей крестьянской паствы и потерпевший в этой борьбе поражение, Мелье написал книгу, насыщенную горьким негодованием и революционным пафосом. В ней он подверг беспощадной критике все основы общественного строя современной ему Франции. Мелье отвергает не только феодальный порядок и монархию, но и частную собственность, как источник всякого неравенства. Он призывает обездоленных объединиться для борьбы с господствующим "человекоубийственным" строем. Его идеал - коммунизм. Но это -

аграрно-общинный коммунизм, близкий к коммунизму средневековых мечтателей о "царстве божием". Идеальное общество Мелье - совокупность крестьянских общин, члены которых совместно владеют землей, совместно ее обрабатывают и совместно и на равных правах пользуются плодами своего труда. Не теория коммунизма, а сочетание коммунистического идеала с призывом к революции придает книге Мелье ее исторический интерес.

Крупнейший теоретик коммунизма в XVIII в. - Морелли. О его происхождении и жизни нет никаких данных. Очевидно, он принадлежит не к верхам французской интеллигенции своего времени, а к ее демократическим - слоям. Лучшие его произведения - утопический роман "Базилиада" и теоретический трактат "Кодекс природы" появились в 1753 и 1755 гг. без имени автора¹. "Кодекс природы", как и следовало ожидать, был встречен хором отрицательных отзывов и ругательств со стороны буржуазных идеологов. Тем не менее, его читали, так как автором долго считали Дидро. Высокую оценку "Кодексу" дал Бабеф, на своем процессе признавший себя учеником автора этого трактата. Лишь в 1841 г. "Кодекс природы" вышел с именем Морелли. В 1845 г. Энгельс, собираясь издавать "Библиотеку социалистов", предполагал начать ее с Морелли.

Теория Морелли может служить образцом рационалистического построения. "В области морали природа одна постоянна и неизменна", - таково основное положение Морелли. Из этих постоянных и неизменных законов человеческой природы выводит он логически коммунизм как соответствующий природе "разумный и естественный порядок"². Существующий порядок противоречит природе и разуму, он установился в результате человеческого невежества. Чтобы победила истина, необходима просвещение разума, рассеивающее мрак невежества. Просвещенный разум не может не принять того, что логически обосновано. Морелли не только не выходит за пределы господствующих в социальной литературе XVIII в. методологических установок, - он применяет их с исключительной последовательностью. Мы уже говорили о том, что рационалистическая естественно-правовая концепция в условиях XVIII в. имела революционное значение как орудие критики господствующих, исторически сложившихся отношений. Морелли использовал это орудие не во имя буржуазного порядка, как физиократы, а во имя коммунизма. Обосновать коммунизм не рационалистически, а исторически, мыслители XVIII в. были, конечно, не в состоянии: исторические силы, ведущие с неизбежностью к торжеству коммунизма, еще лишь зарождались, осознать их значение было в XVIII в. невозможно. Естественно, что у Морелли мы встречаем меньше черт исторического реализма, чем даже у некоторых его современников, стоящих на иных социальных позициях.

Естественный человек для Морелли, - в противоположность теории Руссо, - существо социальное. Он выходит из рук природы безразличным в моральном отношении. Он не имеет ни добродетелей, ни пороков. Но по плану природы он предназначен для общественной жизни. Стимулом к развитию человека является инстинкт самосохранения. Если бы потребности человека находили себе удовлетворение без всякого напряжения его сил, то человек нуждался бы в обществе не более, чем животные. Но природа мудро устроила так, что потребности человека всегда несколько превышают его способности. Чтобы удовлетворить свои потребности, человек должен был искать объединения с себе подобными, ибо недостающую ему силу он мог получить только в совокупных действиях, в общественности. Человек неизбежно должен был стать существом общественным.

Естественный человек не знает частной собственности. Земля составляет неделимое общее владение и плодами ее все имеют равное право пользоваться. Этот естественный коммунизм, с которого начинается жизнь общества, - золотой век в истории человечества. У большинства народов он давно уже отошел в прошлое, о нем сохранились только предания. Но у некоторых народов, - утверждает Морелли, - естественное состояние сохранилось до настоящего времени. Людей, свято чтущих "законы природы", он видит в североамериканских индейцах. Эти племена и сейчас еще считают землю общим достоянием³.

Естественный человек живет в коммунизме, не сознавая, что это наилучший строй из всех для него возможных. В этой несознательности - источник всех последующих бед человечества⁴. До известного момента общество может жить без писаных законов, под руководством естественных чувств и основанных на них обычаев. Единственная власть в нем - натуральная власть отцов семейств. Но естественные чувства ослабевают с ростом населения; патриархальная власть теряет свой авторитет. В поисках новых средств существования, народ часто вынужден переселяться на новые места. Это еще более расшатывает естественные основы общества. Возникает потребность в создании новой власти и законов. Здесь-то и совершается величайшая ошибка в истории человечества. Вместо того, чтобы вновь закрепить законами естественную общность, вместо того, чтобы бороться с ее нарушениями, законодатели санкционировали разрыв общества с природой, установив частную собственность, институт, являющийся источником всех общественных зол⁵.

Пороки развиваются в человеке лишь тогда, когда он порывает с природой. Основой всех пороков является жадность. "Анализируйте тщеславие, фатовство, гордость, честолюбие, хитрость, лицемерие, злодейство... всюду вы получите в конечном результате этот тонкий,

губительный элемент - любостяжание". Но жадность может возникать лишь там, где имеется частный интерес, а частный интерес - лишь там, где существует частная собственность. Общество, основанное на частной собственности, неизбежно порочно. Каково бы ни было правительство, каковы бы ни были законы, человек будет несчастен, пока не подрезаны корни личного интереса, пока не уничтожена частная собственность⁶.

Теория Морелли оптимистична. Он верит в прогресс человеческого общества и в его возвращение к коммунизму. В начале своего исторического пути человек пользовался всеми благами естественного состояния, не размышляя о нем. Только суровая школа истории могла научить людей тому, что коммунистический порядок - наилучший. Чтобы понять, в чем их истинное благо, люди должны были пройти через разные системы общественной организации, через разные формы правления. Опыт просвещает и очищает человеческий разум; в конце концов этот опыт дает торжество в человеческом сознании наставлениям природы. Так через испытания и просвещение человечество подымается от бессознательного коммунизма прошлого к сознательному коммунизму будущего.

Основные принципы этого коммунистического строя будущего Морелли дает в форме "священных" законов, согласных с "намерениями природы". Первый из них отменяет частную собственность; второй обеспечивает каждому гражданину право на существование и право на труд; третий устанавливает обязанность всех граждан принимать участие в общественном труде⁷.

Из этих основных законов логически вытекают законы частные, регулирующие производство и распределение продуктов, определяющие организацию власти и управления.

Все граждане коммунистического общества распределены по производственным корпорациям, многими чертами напоминающими цехи. Корпорация объединяет все мастерские данного производства. Семья не имеет у Морелли значения производственной единицы, - в этом его существенное отличие от его величайшего предшественника - Т.Мора. Организация производства приближается в построении Морелли к типу мануфактуры, характерная для ремесла связь производства с домохозяйством разрывается. В этой эволюции коммунистической мысли от Мора к Морелли нельзя не видеть известного отражения происходящего в экономической жизни процесса зарождения и роста удельного веса мануфактурного производства, ослабления экономических позиций и капиталистического перерождения цехового ремесла.

Ребенок с 10 лет поступает в мастерскую. Здесь он живет и обучается под руководством мастеров данной профессии. С 16 до 20 лет он работает в мастерской в качестве простого рабочего. В 20 лет все граждане, независимо от основной профессии, привлекаются к работе в сельском хозяйстве. Это обязательная общегражданская повинность. Таким образом, противоположности между городом и деревней в государстве Морелли не существует. По достижении 25 лет гражданин покидает сельскохозяйственную корпорацию, если он не пожелает остаться в ней добровольно, и возвращается к работе в том производстве, которому он обучался, уже в качестве мастера. Он может, впрочем, и переменить профессию но в этом случае он остается еще пять лет простым рабочим. После 40 лет гражданин получает полную свободу выбирать себе ту или иную работу по своему вкусу⁸.

Общественное производство соразмеряется с общественными потребностями, подчиняясь, следовательно, известному плану. В зависимости от потребностей общество определяет необходимое число рабочих в каждой профессии. Все продукты производства распределяются между гражданами либо самими производителями их организациями, либо специальными лицами из числа достигших сорокалетнего возраста. Торговля и обмен между гражданами не допускаются. Общим правилом является распределение по потребностям, но когда известного продукта не хватает на всех желающих его получить, выдачи его или сокращаются, или вовсе прекращаются, пока производство не уравнивает предложение со спросом. С другой стороны, применение принципа "каждому по его потребностям" ограничивается законами о роскоши, предписывающими умеренность в потреблении и сурово карающими излишества⁹. Таким образом, теории Морелли присущи черты грубой уравнительности и аскетизма, характерные для его учеников - бабувистов, как и вообще для социальных теорий, сопутствующих первым движениям пролетариата.

Дети получают в идеальном государстве Морелли общественное воспитание. С пяти лет они воспитываются вне семьи и возвращаются в семью к шестнадцати годам. Обучение профессиональное сочетается с морально-политическим образованием. Поэтому мастерские, где это обучение происходит, Морелли называет в то же время - общественными академиями. Лица, выделившиеся своими способностями к наукам, получают специальное образование, не входят ни в одну из городских производственных корпораций, но отнюдь не освобождаются от сельскохозяйственной повинности. Число таких лиц, согласно общему правилу, определяется государством в зависимости от общественной потребности. Тем, кто не попал в эту категорию, разрешается заниматься наукой как определенной профессией лишь по достижении тридцати лет¹⁰.

У более ранних коммунистов - Мора, Кампанеллы, Вераса - люди умственного труда занимают в обществе особое, более или менее привилегированное положение. Именно они, в силу присущих им большей одаренности и больших знаний, естественно выдвигаются в правители государства. Морелли эта идея аристократии ума совершенно чужда. В изображаемой им организации управления он исходит из принципа равенства, применяя его с исключительной прямолинейностью и жесткостью. Всякие выборы представляются ему, повидимому, возможным источником общественного неравенства; с другой стороны, в естественном обществе все должны обладать равными способностями к управлению. Поэтому общественные должности замещаются не путем избрания, а в порядке известной очередности. Каждый отец семейства поочередно исполняет в течение года обязанности начальника низшего общественного деления - трибы, каждый начальник трибы поочередно в течение года управляет городом и т.д.

Несмотря на рационализм, естественный в XVIII в., несмотря на грубую уравнивательность ряда положений, отражающих стихийную ненависть масс пролетариата и предпролетариата к царящему неравенству, книга Морелли имеет большое историческое значение. Используя достижения социальной мысли XVII-XVIII вв., Морелли сумел дать первое по времени, - и для своей эпохи весьма последовательное, - теоретическое обоснование принципов коммунизма. Его голос прозвучал в середине XVIII в. как предвестие неизбежности грядущего раскола в рядах третьего сословия, единого в борьбе с феодализмом. Его произведение является необходимым связующим звеном между утопистами XVI-XVII вв. и революционными коммунистами эпохи революции - Бабефом и его соратниками.

Очень близок к Морелли был в своей социальной теории аббат Мабли (1709-1785). Габриель де Бонно де Мабли происходил из дворянской семьи. Предназначенный для духовной карьеры и имевший возможность достичь в духовной иерархии высоких степеней, Мабли от этой карьеры отказался и посвятил свою жизнь научным занятиям. Человек прямого, независимого и гордого характера, он систематически отказывался от почетных предложений и званий. Так он уклонился от преподавания политики дофину; так он отказался войти в Академию, не желая произнести похвальное слово Ришелье. Он много и усиленно занимался изучением античных авторов и античной истории, и это увлечение античностью отразилось очень сильно на его социальной теории. Несомненно влияние Руссо на формирование социальных идей Мабли; возможно и влияние Морелли. Мабли пользовался в XVIII в. большим авторитетом и как человек, и как мыслитель. Поэтому защита им коммунистических идей, - хотя, как мы увидим, далеко не столь последовательная, как у Морелли, - не мало содействовала их распространению в предреволюционной Франции.

Мабли оставил большое литературное наследство. Он писал много - по преимуществу на морально-политические и исторические темы. Наиболее ярким из его произведений, посвященных вопросам социальной теории, является полемическая работа, направленная против физиократов "Doutes sur l'ordre naturel"¹¹ (1768 г.). Более систематически те же по существу идеи он изложил в диалоге "De la legislation ou principes des loix"¹² (1776). И в той, и в другой работе в одинаковой мере сказывается характерная черта Мабли: он прежде всего - моралист с аскетическим настроением; с моральным критерием подходит он; и к анализу человеческого общества. Морализующие и аскетические тенденции свойственны и школе Руссо, и Морелли. Но у Мабли они сказываются с максимальной отчетливостью. Для него истинная цель политики - социальные добродетели; хорошая политика по существу мало отличается от морали. Мерой счастья общества, - заявляет Мабли, полемизируя с физиократами, - нельзя считать хорошие урожаи; они, конечно, нужны, но главное не в них: важнее их - хорошие граждане¹³. Чем меньше потребностей, тем больше счастья.

Мабли резко расходится не только с физиократами, но и с Руссо в понимании естественного состояния и естественного права. Он согласен с тем, что основным свойством природы человека является себялюбие. Но это - не единственное ее свойство. Рядом с себялюбием творец вложил в человеческую природу социальные качества: сострадание, благодарность, любовь к славе, соревнование. Из совокупного действия этих сил неизбежно вырастает общество. И наоборот - без социальных качеств общество было бы невозможно. Общество - естественная форма жизни человечества; состояние изолированности, которое изображает Руссо как естественное состояние, противоречит, таким образом, основным свойствам человеческой природы¹⁴. Общество и власть возникли раньше собственности, а вовсе не для ее обеспечения.

Из трех основных естественных прав, провозглашенных физиократами, Мабли признает первые два - личную собственность, или свободу, и движимую собственность как право на средства существования. Но из этих двух прав отнюдь не вытекает права земельной собственности, и с точки зрения природы трудно даже понять, как оно могло возникнуть. Природа предназначила людей быть равными¹⁵. В естественном состоянии нет высших и низших, нет тщеславия и жадности. Пока население было редко, люди жили охотой и рыболовством. Они были кочевниками и не знали собственности. Затем рост населения и нужда заставили людей перейти к земледелию. Но культура земли вовсе не требует частной собственности. Наоборот, люди,

руководствуясь своими привычными идеями, должны были соединить свои силы для общего труда; они привыкли смотреть на землю как на общее достояние, все направляло их мысли в сторону коммунизма.

Возникший естественно коммунистический порядок мог с легкостью удовлетворять потребности населения. Более сильные обрабатывали землю, более слабые занимались ремеслами. Продукты труда составляли общее богатство, которое распределяли между гражданами общественные должностные лица. Коммунизм вовсе не мешает изобилию. Вкус к труду может существовать и без собственности. Не следует забывать и о таких стимулах, как любовь к славе и уважению. Но если допустить, что земельная собственность более благоприятствует производству богатств, ей все же следует предпочесть коммунизм: развитие социальных качеств надо предпочесть культуре плодов. Так как для сохранения и развития социальных качеств необходимо равенство, а равенство не может быть обеспечено при частной собственности, то следует прийти к выводу, что только общее владение землей может дать счастье человечеству¹⁶.

Коммунизм - золотой век человечества. Раздел имущества был величайшей глупостью. Возможно, что толчком к нему послужила лень некоторых членов общества и нежелание других содержать лентяев своим трудом. Возможно, что требование раздела было вызвано злоупотреблениями должностных лиц, присваивавших при распределении больше, чем следовало. Надо было искать средство борьбы с этими бедами, не разрушая основ коммунистического строя. Но люди не знали, что частная собственность грозит им еще большими несчастьями, и поэтому пошли на раздел, на установление частной собственности. Их оправдание - в их невежестве. Но невежество не может служить оправданием для современных философов (т.е. физиократов), которые, вместо того чтобы бороться с заблуждениями, превращают их в законы природы¹⁷.

Строй, основанный на частной собственности, - не естественный порядок, как учат физиократы, а, наоборот, нарушение естественного порядка. Разделив землю, люди пошли против велений природы и были за это жестоко наказаны. Частная собственность неизбежно ведет к неравенству имущества, общество распадается на классы, социальные качества превращаются в страсти. На почве неравенства развиваются жадность и тщеславие. В естественном коммунистическом строе социальные качества объединяют людей, при господстве частной собственности страсти их разъединяют. У богатых возникают воображаемые потребности, беднякам не хватает на удовлетворение самых насущных нужд. Рабочий глубоко несчастен среди производимого им изобилия: за свой тяжелый труд он получает лишь плохую пищу, и при том без уверенности, что получит ее завтра¹⁸.

Не подлежит сомнению, что для Мабли идеальным общественным строем является коммунизм¹⁹. Но, в противоположность Морелли, он не верит в возможность возвращения человечества к этому естественному порядку. В этом вопросе позиция Мабли близка к взглядам Руссо: нельзя повернуть назад колесо истории. Но обосновывая эту позицию, Мабли развертывает аргументацию, представляющую большой самостоятельный интерес. Она направлена непосредственно против физиократов, быть может, также и против Морелли; но по существу полемика с физиократами перерастает здесь у Мабли в полемику против рационализма вообще.

Многие думают, - говорит Мабли, - что естественный порядок сразу установится, как только люди узнают, в чем он состоит. Он соответствует природе человека, он является поэтому наилучшим из возможных порядков, и люди, естественно, к нему тяготеют. Все это верно для естественного человека, но совершенно неверно для человека, воспитанного в строе, основанном на неравенстве. В обществе с земельной собственностью, с неравенством ни один порядок не может казаться всем наилучшим. В таком обществе людьми руководят страсти. Общество разделено на классы, а классы имеют враждебные интересы.

Пусть идеал - земельная собственность. Как убедить рабочего, у которого нет ничего и который живет в вечном труде, что это - наилучший порядок, что существование крупных собственников, которые все захватили и живут в изобилии и удовольствиях, - прекрасное установление? Как убедить хлебопашца в том, что ему так же хорошо быть фермером, как и собственником?

Как убедить бедняков, т.е. большинство граждан, в том, что они живут в обществе, которое гарантирует им наибольшую сумму счастья и удовольствий? Где есть богатые есть и бедные: они взаимно необходимы. Прекрасно! Но почему я должен быть доволен своей бедностью в то время как другие, по неизвестной мне причине пользуются богатством? Плебеев ведь не убедила известная басня Менения Агриппы²⁰. То же самое получится, если мы будем доказывать, что идеальный порядок-коммунизм. Все наши доказательства будут бессильны против страстей. Сильные не захотят возвращения к коммунизму из тщеславия, богатые - из жадности. А бедным некогда слушать увещания философов. Да и нет у них теперь и качеств, соответствующих коммунистическому строю: народ потерял чувство равенства.

Льстить себя надеждой, что страсти можно победить силой разума, значит не знать их. Говорить им об общем благе бесцельно. Философы всегда видят человека только с одной стороны: то как животное, которому нужно лишь питаться, то как ангела, который всецело повинуется силе очевидности. Для философов страсти - рабы разума. На самом деле они - душа мира, тираны, господствующие над человеком. В морали и политике нет общеобязательных истин, подобных геометрическим, так как страсти всегда принимают за истину мнение, им благоприятное. Они - наши господа, а не логическая очевидность²¹.

Мабли дает, как мы видим, очень яркую - самую яркую в дореволюционной Франции - формулировку идеи противоречия классовых интересов и их влияния на идеологию. Он критикует рационализм физиократов. Но под флагом рационализма физиократы проповедают буржуазную теорию социальной гармонии. Они идеализируют буржуазный порядок, закрывая глаза на его противоречия. Мабли безжалостно вскрывает эти противоречия. Но силы, способной их разрешить и тем самым создать порядок действительной гармонии, - бесклассовое общество, Мабли в окружающей его действительности не видит. Это приводит его к социальному пессимизму, к отказу от осуществления социального идеала.

Если нельзя вернуться к коммунизму, то это не значит, что следует совершенно отказаться от всякой борьбы с неравенством. Но эту борьбу приходится вести очень осторожно, стараясь не раздражать чрезмерно господствующие страсти. А так как наиболее сильные страсти связаны с частной собственностью, то больше всего надо остерегаться нарушения собственности. Так Мабли, подобно Руссо, приходит к заключению: раз собственность уже установлена, на нее следует смотреть как на основу мира, порядка и безопасности. Не уничтожение собственности, а возможное равенство собственников - такова цель, к которой, по мнению Мабли, можно и должно стремиться при существующих условиях. Но и эту уравнительную программу надо проводить с крайней постепенностью и большой осторожностью.

Выдвигаемая Мабли программа реформ сложилась, несомненно, под влиянием Руссо. Мы находим в ней те же основные требования, что и в корсиканской конституции, выраженные лишь в более умеренной форме. Подобно Руссо, Мабли требует ограничения торговли, как одного из главных источников больших богатств. Самый дух торговли враждебен хорошему правлению. Чем ближе общество к натуральному хозяйству, тем лучше. Даже государственные налоги следовало бы заменить барщиной. Подобно Руссо, Мабли требует законов против роскоши, способствующей развитию жадности. Эти законы должны все регламентировать: мебель, дома, стол, одежду. "Бесполезные искусства", изготовляющие предметы роскоши, должны быть воспрещены. Подобно Руссо, Мабли требует аграрных законов, устанавливающих максимум земли, которым может владеть одно лицо, и законов о наследовании, препятствующих сосредоточению земельных богатств в одних руках и способствующих их дроблению²³.

У Мабли большой вкус к истории. Он сам написал несколько исторических работ [См. С.Искюль. Мабли - историк]. И свою социальную теорию он старается обосновать не только доводами разума, но и историческими примерами. Главная сокровищница, из которой он черпает эти примеры, - идеализированная в коммунистическом или уравнительном смысле античность. Излюбленный античный образец Мабли - Спарта. Ликурговское законодательство было, по его мнению, основано на тех же принципах, которые он сам защищает. Оно не признавало земельной собственности. Участки земли, составлявшей общественное достояние, раздавались во владение гражданам как узурфрукт (во временное пользование). Это, если и не коммунизм, то очень близко к коммунизму. И отсутствие земельной собственности не только не разрушило государство, но, наоборот, обеспечило его существование и процветание в течение шестисот лет. У спартанцев было меньше потребностей, но они были ближе к счастью, чем другие народы. Счастье можно находить в суровых лишениях. Римляне уже не смогли пойти так далеко, как Ликург. Они ограничивали лишь размеры землевладения, установив максимум в 200 арпанов. Это было хорошее средство борьбы против тирании крупных собственников. Но рост богатств в результате войн и обогащения военной добычей привел к тому, что этот закон перестал соблюдаться. Богатство погубило римскую республику. Все богатства мира не спасли Рим от варваров. Однако, если античная история дает Мабли аргументы в пользу равенства, то она дает также аргументы против попыток революционного нарушения уже сложившихся отношений собственности. Требования передела земли и кассации долгов вызывали всегда лишь смуты, всеобщую неуверенность и взаимную ненависть.

Приспособление античности как идеального образца к нуждам современности очень широко распространено во французской литературе XVIII в. Ликурги, Гракхи, Бруты как борцы за равенство и республиканскую свободу пользовались исключительной популярностью накануне революции, еще большей - во время революции. Мабли содействовал этой популярности, пожалуй, в большей степени, чем кто-либо из его современников.

III

Сочетание коммунистической теории с уравнительной программой характерно не только для Мабли. Во Франции XVIII в. гораздо шире распространены неопределенные, полукоммунистические, полууравнительные взгляды, чем последовательный коммунизм, вроде учения Морелли. Интересно, что даже Бабеф, впоследствии вождь коммунистического заговора, в своих дореволюционных произведениях, наряду с положениями коммунистическими ("люди не должны владеть ничем в отдельности, но пользоваться всем сообща"), выдвигает иногда и положения уравнительные (неотчуждаемые равные индивидуальные наделы). Он как будто не замечает в этот период принципиальной разницы между теми и другими. Такая нечеткость, непоследовательность социального мышления является как бы отражением в области идеологии нечеткости той грани, которая отделяет в реальной жизни формирующийся пролетариат от пролетаризирующихся мелкобуржуазных слоев, из которых рекрутируются его первые кадры.

Те же пролетаризирующиеся слои общества составляют социальную базу для разнообразных планов кооперирования населения. Таких планов во Франции XVIII в. было не мало. Среди них есть и проекты элементарных потребительных кооперативов, и проекты производственных коммун, и планы преобразования всего общества на кооперативных началах. С этим течением мысли по преимуществу связано возрождение интереса с середины XVIII в. к остаткам старых крестьянских общин в Оверни, к средневековым сектантским коммунам и т.п. Одним из характерных примеров пропаганды кооперативных идей, опирающейся на исторические примеры, является статья Феге "Моравы", напечатанная в Энциклопедии²⁴.

Феге горячо восхваляет общинные порядки, утвердившиеся у моравских братьев. У них все граждане, объединив свое имущество и силы, работают на общую пользу, причем каждый в то же время удовлетворяет и свои личные интересы; у них царит совершенное равенство, все профессии пользуются одинаковым почетом. Аналогичными принципами руководились, по мнению Феге, лакедемоняне, ессеи, гимнасофисты, народы Парагвая, руководятся и сейчас овернские сельские общины - Китар-Пинон, Арно, Англад и другие. Отправляясь от этих образцов, Феге предлагает свой проект ассоциации, организованной на паевых началах. Ассоциация строго добровольна: каждый ее член может в любой момент выйти из нее и изъять из нее свой пай с причитающимися процентами. В целях поощрения личного интереса каждый получает в личное пользование известный процент с того дохода, который дает ассоциации его труд.

Из довольно обширной литературы, посвященной описанию существующих ассоциаций и защите идеи кооперирования населения, мы остановимся лишь на проектах Ретиф де ла Бретонна, настойчиво пропагандировавшего кооперации в течение ряда лет в своих многочисленных произведениях.

Ретиф де ла Бретонн (1734-1806) происходил из зажиточной крестьянской семьи, предназначался родителями к духовному званию и потому получил начатки классического и богословского образования. В семнадцать лет в жизни Ретифа произошел перелом: отец пришел к заключению о его непригодности к духовной карьере и отдал его в ученики в типографию. В типографии Ретиф провел тринадцать лет: сначала учеником, затем рабочим, наконец, фактором. Выступая на литературное поприще, Ретиф хорошо знал, таким образом, и жизнь крестьянства и жизнь рабочего класса своего времени не по книгам, а по непосредственным личным впечатлениям. Ретиф был исключительно плодовитым писателем и много раз касался в своих произведениях социальных вопросов. В одном из романов Ретифа имеется и последовательно коммунистическая утопия ("Южное открытие"), но эта утопия мало оригинальна и не представляет значительного интереса. Гораздо оригинальнее и показательнее кооперативные проекты Ретифа.

Изображение сельской ассоциации мы находим в романе Ретифа "Развращенный крестьянин"²⁵. Ассоциация организована крестьянами, чтобы предохранить своих детей от нужды, "которую слишком часто испытывают в деревне". В ассоциации общинные начала сочетаются со вниманием к индивидуальным интересам. В ней признается индивидуальная собственность не только на предметы домашнего обихода, одежду и т. п., но и на некоторый участок пахотной земли, виноградника и луга. Домашние животные составляют общинную собственность и находятся лишь в пользовании отдельных крестьян. Но и производство и потребление организованы на общественных началах. Все работы производятся всеми одновременно, причем община наказывает ленивых и поощряет трудолюбивых. В деревне имеется общинная пекарня, общинная столовая, общинная рига, амбары для зерна. Чистый доход после вычета налогов и общинных расходов делится поровну между членами общины. Они в праве употреблять этот личный доход, как им угодно, могут даже покупать землю вне общины или заниматься торговлей.

Не следует думать, что Ретиф ассоциацию считал пригодной только для крестьянства. У него имеется также проект чисто рабочего производственного товарищества, - проект, в котором Ретиф, несомненно, далеко опережает свое время и выступает перед нами как предшественник Бюше и других пропагандистов рабочих ассоциаций первой половины XIX в. Предлагаемый Ретифом план имеет целью организацию на кооперативных началах типографии. Капитал, необходимый для этого, составляется путем выпуска акций, стоимость которых может выплачиваться как сразу, так и в рассрочку, как деньгами, так и работой. Акции распространяются исключительно среди рабочих-типографщиков. На собранный капитал арендуется помещение и покупается оборудование. Рабочие типографии набираются исключительно из числа акционеров. Они получают заработную плату, из которой вычитаются определенные взносы в погашение стоимости их акций, если они еще не выкуплены полностью. Прибыль типографии идет в течение первых шести лет на пополнение капитала предприятия, а затем частью распределяется между акционерами, частью употребляется на поддержку стариков и инвалидов. Управляет фабрикой избранный акционерами комитет, отчитывающийся перед общим собранием акционеров²⁶.

На ряду с такими проектами создания отдельных производственных кооперативов Ретиф дает также своеобразную кооперативную утопию-изображение всеобщей реформы общественных отношений в кооперативном духе. Все граждане, согласно этому плану Ретифа, объединяются в корпорации. Корпорации образуют и крестьяне, и ремесленники, и торговцы, и даже дворяне и духовенство. Все хозяйственные сношения ведутся не отдельными лицами, а корпорациями. Каждая корпорация снабжает другие корпорации производимыми ею предметами. Этот обмен производится на основах безналичного расчета. Каждая корпорация обеспечивает своих членов жилищем одеждой и организует для них общественное питание. Производство остается индивидуальным, но вся продукция поступает в распоряжение корпорации. Корпоративная реформа сопровождается аграрной: все члены сельской общины получают равные наделы. Доходы корпорации, за покрытием общих расходов, распределяются между ее членами сообразно заслугам каждого. Этот личный доход граждан составляет их полную собственность и может ими расходуваться, как им заблагорассудится²⁷.

Изложенные нами проекты Ретифа отнюдь не преследуют цели полной ликвидации неравенства и института частной собственности. Сам Ретиф в проекте рабочей ассоциации указывает в качестве своей задачи превращение рабочих в собственников-акционеров. Но он понимает, что разрешение этой задачи невозможно иначе, как при посредстве их кооперирования. Цель сельской общины по существу та же, хотя формально несколько иная. Крестьяне уже обладают некоторой собственностью, но их собственности угрожает опасность. Ретиф считает, что сохранить ее против разрушительных сил капиталистического развития можно лишь путем объединения крестьян, противопоставив капитализму ассоциацию. Наконец, кооперативная утопия Ретифа стремится примирить классовые противоречия и обеспечить всем необходимые средства существования, не упраздняя классов. Мелкобуржуазные тенденции этих планов Ретифа совершенно ясны. Ретиф, как и другие пропагандисты ассоциаций в XVIII в., отражает настроения, защищает интересы той части мелкобуржуазных масс, которая стояла на грани превращения в пролетариат и чувствовала уже свое бессилие спасти свою собственность единоличными усилиями, а также той части пролетариата, которая еще не могла отрешиться от мечты о возвращении в ряды собственников, хотя и в новых, диктуемых изменившимися социальными условиями, кооперативных формах.

И уравниатели, и кооператоры, исходя из своих общих предпосылок, предлагали ряд конкретных мероприятий, которые они считали непосредственно осуществимыми. Теоретик последовательного коммунизма, Морелли, такой конкретной программы не дает. Мы находим у него схему уже сложившегося коммунистического порядка. Но ответа на вопрос о том, как, какими путями общество перейдет от существующих отношений к отношениям коммунистическим, у него нет. Проблема переходных к коммунизму мероприятий как проблема практическая была поставлена в XVIII в. лишь накануне революции мало известным писателем - Буасселем (1728-1807) в его "Катехизисе человеческого рода", вышедшем в свет уже после открытия Генеральных Штатов.

Буассель решительно выступает против существующего "человекоубийственного, продажного и противообщественного строя". Цель человеческого рода - счастье, т.е. удовлетворение потребностей в их законных границах²⁹. К удовлетворению потребностей стремится каждый. Люди различны по своим физическим и умственным свойствам, но в своем праве на существование они все равны. Природа создала людей социальными, и они всегда тяготели к образованию общества для облегчения своей борьбы за существование. Но своекорыстие и страсти увлекли людей по ложному пути, побудив их: создать собственность. Сильные поработили слабых и установили управляющие нами законы. Собственность- это привилегия исключительного пользования землей, право, позволяющее собственнику делать несобственника своим рабом и заставляющее несобственника соглашаться на это, если он не хочет умереть от голода, жажды и холода³⁰. Собственность лежит в основе всех страданий человечества. Выросшая из своекорыстия, она, в

в свою очередь, содействует развитию этого порока. Она подрывает самые основы общественного договора. Меньшинство умных и ловких преуспевает, большинство беднеет, создавая в то же время для других возможность жить без труда. Для охраны этого порядка умные люди придумали использовать религию: господствующая религия-сумма приемов и учреждений, применяемых для того, чтобы господствовать над глупыми во имя божества³¹.

Буассель убежден, что "золотой век находится не позади нас, а перед нами". Его идеал - общество, в котором отсутствует частная собственность, в котором все принимают участие в общественном труде и получают от общества все необходимое в соответствии с потребностями. Буассель не верит в частичные улучшения. Аграрный закон, т.е. равный раздел земли, не имеет смысла, ибо он не затрагивает корня зла. Необходимо полное упразднение всех носящих индивидуалистический характер учреждений, а также освящающих их религиозных институтов. Общество должно быть построено заново на новых, разумных, чуждых своекорыстия началах.

Теория Буасселя мало оригинальна. Она сложилась под несомненным влиянием Морелли, Мабли и Руссо. Последнего, впрочем, Буассель ценит лишь как критика частной собственности. Ошибка Руссо состоит, по мнению Буасселя, в том, что он считает частную собственность основой всякого общества, не представляя себе общество без собственности. Осуждая собственность, Руссо вынужден поэтому отвергнуть и общественный порядок. В действительности первый собственник был основателем общества лишь в ложном смысле этого слова. Истинное общество еще должно быть основано. Настоящий общественный договор, соответствующий природе и покоящийся на разумных основаниях, обеспечивает людям неисчислимы выгоды. Руссо объяснял возникновение зла, но не указал ни средств против него, ни принципов добра.

Право Буасселя на наше внимание основывается не на том новом, что он внес в теорию коммунизма, а на том, что он выдвинул идею некоего промежуточного порядка между существующим строем и торжеством коммунизма. Само собою разумеется, что Буассель весьма далек от понимания экономического и политического характера промежуточного периода. Для него как для рационалиста основная задача этого периода состоит в перевоспитании людей. Воспитание - одна из главных опор существующего строя. Оно ослепляет людей, заставляет их уважать учреждения, которые являются причиной переживаемых ими бед, внушает представление о вечности этих учреждений. Для установления коммунизма необходимо раньше людей соответственно перевоспитать, развив в них альтруистические чувства. Система учреждений социального воспитания занимает поэтому центральное место среди мероприятий, подготовляющих коммунизм.

Но пока таким образом воспитываются новые поколения, старые социальные отношения постепенно меняются. Общество, ставящее своей целью коммунизм, не может оставить в неприкосновенности - в ожидании лучшего будущего - все зло настоящего. Общество должно карать злоупотребления собственностью. Так как продукты сельского хозяйства и промышленности составляют фонд, обеспечивающий существование общества, то распоряжение ими нельзя предоставить произволу собственника. На собственников общество должно смотреть как на хранителей общественного достояния. В известных случаях, - например, когда собственник оставляет без обработки землю, - это пренебрежение общественными интересами общество будет карать, передавая собственность коммуне. Собственники должны быть обложены тяжелым налогом, который должен дать средства для организации системы воспитания и новых социальных учреждений. Как налог, так и возможность конфискации имущества в случае нарушения предъявляемых обществом требований, - будут содействовать ослаблению собственнических чувств. Наконец, общество должно признать право граждан на существование и в осуществление этого права организовать общественные мастерские во всех отраслях производства. Так постепенно совокупное действие нового воспитания и новых социальных установлений приведет в конце концов к полному торжеству коммунистического порядка.

При общей характеристике развития общественной мысли во Франции XVIII в. необходимо обратить должное внимание на коммунистическое и кооперативное течение. Факт их существования вскрывает зачатки глубоких внутренних противоречий в среде третьего сословия, готовящегося к штурму твердынь феодально-абсолютистского порядка. Но не надо забывать, что круг влияния этих течений был в XVIII в. очень ограничен. Буржуазия занимала в третьем сословии доминирующее положение не только экономически, но и идейно. Большое влияние имели теории, отражавшие интересы и настроения растущих капиталистических верхов, с одной стороны, и мелкобуржуазной массы, - с другой. В соответствии с этим в области социальной идеологии основными являются два направления-физиократы и школа Руссо. Борьба этих направлений продолжается и во время революции. Учение физиократов нашло свое отражение в "Декларации прав человека и гражданина" 1789 г., провозгласившей собственность естественным правом человека. Учение физиократов лежало в основе экономической политики жирондистов, противопоставлявших требованиям плебейских масс принцип "экономической свободы". Учение Руссо вдохновляло якобинцев в эпоху Конвента, из него исходил Робеспьер в своем проекте "Декларации прав"; влияние Руссо сказывается в социальных мероприятиях якобинского

революционного правительства. Коммунистические тенденции нашли яркое выражение лишь в конце революции - в программе заговора Бабефа.

1 Code de la nature, цитир. по изд. в Collection des economistes, 1910.

2 Code, 23.

3 Ibid., 23.

4 Ibid., 64.

5 Ibid., 34-35.

6 Ibid., 48.

7 Ibid., 85-86.

8 Ibid., 90, 92, 103-104.

9 Ibid., 80, 90, 102, 103.

10 Ibid., 104-106.

11 «Сомнения по поводу естественного состояния».

12 "О законодательстве или принципы закона"

13 Mably. Doutes sur l'ordre naturel. Oeuvres competes, XI, 28; De la legislation. Oeuvres, IX, 9-10.

14 Ibid., IX, 56-57.

15 Ibid., IX, 57-58.

16 Ibid., IX, 62.

17 Ibid., IX, 63-64.

18 Ibid, IX, 26-51 и др.

19 Ibid, IX, 55.

20 Имеется в виду басня, в которой путем аналогии между отдельными общественными группами и частями человеческого организма доказывается неизбежность классового деления общества.

21 Ibid, IX, 76-84, XI, 37-48.

23 Ibid., IX, 112-121.

24 Encyclopedie, X, 1765, "Moraves", 704 и !а.

25 R 61 i f de la Bretonne. Le paysan perverti ou les dangers de la ville, IV, 191 и сл., 1776.

26 Le Thesmographe, 510 и сл. 1789. - - Ю Аду

27 Иоаннисян Абг., Ретиф де ла Бретонн, вступительная статья к русскому изданию "Decouverte australe" - "Южное открытие". М.-Л. 1936.

28 Ibid., 103.

29 Boissel. Catechisme du genre homme, 82.

30 Ibid., 93.

См. также: [А.Иоаннисян. Коммунистические идеи в годы Великой французской революции;](#)
[Л.Морщикина. "Южное открытие" Ретифа де ла Бретона;](#) [Б.Поршнева. Жан Мелье.](#)

Глава 5. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ И «ПРОСВЕЩЕННЫЙ АБСОЛЮТИЗМ»

Официальной политической доктриной французского абсолютизма была в XVIII в. сложившаяся еще со времени Ришелье теория неограниченной королевской власти, получаемой королями непосредственно от бога. Власть короля на земле подобна власти бога на небе; король - живой образ бога, его представитель. Воля короля не имеет других границ, кроме присущего ему сознания долга. Индивид, подданный, обязан беспрекословно повиноваться. Интересы подданного всецело подчинены, как высшему принципу, благу государства. Индивид может противопоставить этому принципу в случае столкновения с ним лишь "молитвы и терпение". Божественная по своему происхождению, олицетворяющая мощь государства, королевская власть по существу является властью деспотической, хотя ее теоретики этого слова и избегают. "Только в одной моей особе пребывает королевская власть, - заявлял Людовик XV парламенту в 1766 г., - только от меня существуют и пользуются властью палаты; только мне одному, беспредельно и независимо, принадлежит законодательная власть; весь общественный порядок во всем его объеме исходит от меня"¹.

Симптомы протеста против этой системы освященного религией деспотизма проявляются во французской политической литературе даже в пору наивысшего подъема абсолютной монархии - в царствование Людовика XIV. Оппозиционная литература этого времени вспоминает о положениях, сформулированных еще в XVI в. так называемыми монархомахами. Эти положения резко расходятся с господствующей политической теорией и как бы намечают те новые пути, на которые французская политическая мысль решительно вступит во второй половине XVIII в. Здесь есть уже и представление о легальной монархии, связанной законами, и идея ограничения королевской власти, и защита прав личности, и, наконец, учение о народном суверенитете и о возникновении власти из договора. Но все эти положения даны в элементарной форме, без глубокого обоснования и без должного раскрытия всех вытекающих из них выводов. К тому же они связаны с

с идеализацией старых, отживших форм сословной монархии, с аристократическими тенденциями. Оппозиционные писатели времени Людовика XIV и в этом отношении примыкают к традиции, идущей от монархомахов. Тем не менее, историческое значение этих предшественников, расшатывавших своей критикой стройное и казавшееся неприступным здание абсолютизма и подготавливавших почву для восприятия новых, буржуазных политических идей, не следует преуменьшать.

Аристократическая оппозиция абсолютизму, - критика режима, установившегося со времени Ришелье и достигшего своего полного расцвета при Людовике XIV, с точки зрения интересов привилегированных сословий, - не отмирает и в XVIII в. Эта оппозиция находит свое наиболее яркое выражение не в теоретической литературе, а в борьбе парламентов против правительства, в связанных с этой борьбой записках и ремонстрациях. Теория, развиваемая сторонниками парламентов, есть теория ограничения монархии аристократической корпорацией. Записка 1730 г. именуется парламент "сенатом нации", а его членов - "самодержавными блюстителями законов государства". Записка 1732 г. утверждает, что "король не может создавать законы без содействия парламента, он должен выслушивать отказы и возражения парламента". Регистрация закона парламентом есть необходимое условие его действительности. Эти права парламентов обосновываются тем, что имеются "неизменные законы", столь же древние, как и монархия. Парламент обязан их охранять.

Парламенты на всем протяжении XVIII в. выступали в качестве решительных противников самых скромных буржуазных реформ, самых осторожных попыток ограничения привилегий высших сословий феодального общества. Их социально-политический идеал - феодальная монархия, но монархия, какой она была до Ришелье. И тем не менее, в обоснование своих притязаний парламенты приводят иногда доводы, которые могли быть использованы и прогрессивной, буржуазной политической мыслью. Парламент признает необходимым, чтобы голос народа тем или иным способом доходил до короля. Парламент рассматривает себя как единственный орган, способный выполнить эту функцию, после того как Генеральные Штаты прекратили свое существование. Парламент иногда отходит в полемике с правительством от позиций божественного права короля и приближается к теории ее договорного происхождения. Политическая идеология парламентской аристократии испытывает во второй половине XVIII в. известное влияние со стороны развивающейся буржуазной мысли. Но, с другой стороны, совершенно бесспорно влияние парламентских теорий на буржуазную политическую мысль XVIII в. на ранних этапах ее развития.

Еще большее значение для развития французской буржуазной мысли XVIII в. имело влияние английской политической литературы. В Англии политические теории, соответствующие интересам буржуазии, сложились на столетие раньше, чем во Франции. В многочисленных трактатах и памфлетах времени английской буржуазной революции конституционные, республиканские и демократические идеи нашли достаточно яркое выражение. Нельзя себе представить, чтобы при широких культурных связях между Англией и Францией эти идеи вовсе не проникали во Францию в XVII в. Надо думать, что не случайным совпадением является, например, тот факт, что пропаганду демократического устройства мы находим в XVII в. в утопическом романе Вераса - французского писателя, ряд лет проведенного в Англии.

Но если влияние английских революционных идей первой половины XVII в. находило лишь слабое и косвенное выражение во французской литературе, то гораздо более сильным и непосредственным было влияние английских буржуазных политических мыслителей конца столетия, в первую очередь весьма популярного во Франции в XVII в. Локка. В своих трактатах о гражданском управлении (1689) Локк лишь систематизировал достижения английской политической мысли XVII в., "очистив" их, в интересах буржуазии, от революционно-демократических тенденций. Но во Франции XVII в., в абсолютной монархии, основанной на "божественном праве" королей, распространение его идей имело большое революционизирующее значение. Учение о естественном праве и о неотчуждаемых естественных правах личности, о народном суверенитете и о договорном происхождении государства; о законодательной власти и о народном представительстве; наконец, о законности восстания против тиранов-все эти положения системы Локка находились в самом резком противоречии с господствовавшим во Франции режимом и с его теорией. Эти идеи - в различных сочетаниях, с различными выводами - мы найдем и во французской оппозиционной и революционной литературе XVIII в.

Абсолютная монархия, соответствующая потребностям определенной стадии в развитии феодального общества, неизбежно разлагается с его разложением. "Абсолютная монархия XVII и XVIII веков... уравнивает друг против друга дворянство и буржуазию"², она возникает тогда, когда буржуазия еще недостаточно сильна, чтобы взять власть в свои руки. То соотношение классовых сил, на которое монархия опирается, отходит в прошлое с развитием капиталистических отношений, с упадком феодального дворянства и с ростом социального значения буржуазии. Из политической формы, содействующей развитию производительных сил, она превращается в препятствие, которое необходимо устранить, чтобы буржуазное общество

могло свободно жить и развиваться. Социальная база монархии суживается, ее авторитет падает. Враждебные абсолютизму силы растут, одновременно растут и новые представления о государстве и о его формах, соответствующих новым общественным потребностям. Процесс создания этих новых политических представлений - процесс сложный, находящий свое завершение лишь в эпоху революции, которая подвергает политические идеи строгой практической проверке в огне напряженной классово-борьбы.

Недовольство внутренней и внешней политикой монархии было широко развито во Франции уже к концу "великого царствования" Людовика XIV, доведшего страну до крайнего истощения. Оно углубилось и обострилось в результате бездарного и беспутного управления регента и Людовика XV. Недовольство охватывало не только неимущие слои общества, но и буржуазию, толкая ее в сторону враждебных абсолютизму идей. Однако было бы совершенно не верно представлять победу новых понятий о государстве над старыми абсолютистскими принципами легкой и быстрой. Новым теориям противостояла не только сила монархической традиции, но и тяга верхних слоев буржуазии к компромиссу с абсолютизмом. Сознание невозможности такого компромисса, сознание того, что выходом из тупика, в который попало государство, может быть только ликвидация абсолютизма, - распространялось медленно и постепенно и окончательно восторжествовало над традиционными взглядами лишь в последнее десятилетие перед революцией.

Весьма характерно для политических настроений французской буржуазии, что еще в 60 и 70-х гг. XVIII в. влиятельная группа буржуазных писателей, провозвестники буржуазной политической экономии-физиократы, выступает с настойчивой и убежденной защитой абсолютизма. Политическая доктрина физиократов значительно отличается от доктрины официальной. Это-теория "просвещенного" буржуазного абсолютизма, или, - как его иначе называют физиократы, - "легального деспотизма".

Идеи "просвещенного абсолютизма" имели, несомненно, распространение задолго до возникновения физиократической школы. Черты соответственного политического настроения можно найти уже в XVI в. - в "Государстве" Бодена. Они получили в начале XVIII в. достаточно четкое выражение в вышедшей в 1734 г. книге Дюбо "Критическая история установления французской монархии". Дюбо доказывает исконность монархической власти. Он стремится обосновать ее законность не доводами "божественного права", а доводами историческими. Французская монархия для него - законная и естественная наследница власти римской империи. Так называемые феодальные "вольности" - узурпация власти. Подобно монархии, исконна и буржуазия, с которой королевская власть всегда была тесно связана. Основным политический вывод из исторических рассуждений Дюбо: необходимо укрепление союза короля с буржуазией, необходима сильная королевская власть, чтобы противостоять притязаниям феодализма.

На тех же политических и исторических позициях - стоит д'Аржансон в своих "Размышлениях о старинном и современном управлении Францией" (1737 г.). Как и Дюбо, д'Аржансон считает феодализм узурпацией. Он восхваляет капетингов, освободивших рабов и оттеснивших "чудовищный феодальный режим". Он - решительный противник привилегий дворянства, он защищает идею принудительного выкупа сеньориальных прав и равенства в обложении. Он против притязаний знати на участие в управлении, против дворянства мантии и парламентов. Деспотизм он ненавидит; но возвращение к феодальным порядкам было бы еще худшим злом. Прогрессивные реформы могло бы осуществить лишь просвещенное и твердое правительство - сильный король, не стесненный - ни парламентами, ни Генеральными Штатами.

Д'Аржансон против идеализации английских учреждений, создавшихся случайно, а не по разумному плану. - Разделение властей ведет не к их равновесию, а к их борьбе; обсуждающие собрания раздробляют власть и ослабляют ее. Но сильная неограниченная монархия отнюдь не должна быть оторвана от народа. Д'Аржансон. считает, что эта связь может быть осуществлена путем восстановления старинных коммунальных вольностей в новой форме муниципалитетов. Муниципалитеты должны участвовать в распределении налогов, должны иметь право инициативы в административных законах. Королевская власть, опираясь на муниципалитеты, но не ограниченная ими, станет народной, живой, прогрессивной³.

Идеализация "просвещенного монарха" нашла свое отражение также в многочисленных политических произведениях и исторических трудах Вольтера, несмотря на высказываемые им иногда симпатии к английской конституции. Не без основания А.Сорель называет "Dictionnaire philosophique" программой просвещенного абсолютизма⁴. Даже Мабли - впоследствии проповедник "республиканской монархии" - выступает в 1740 г. в качестве защитника абсолютизма. Подобно Дюбо и д'Аржансону, он противопоставляет монархию феодализму. История Франции для него - история прогресса монархии. Варварские вольности и феодализм - века беспорядка и жестокостей. Монархия среди классов общества представляет идею справедливости. Влияние концепции "просвещенного абсолютизма" было, очевидно, очень широко. Буржуазия пришла к сознанию непримиримости своих интересов с феодальным порядком раньше, чем она поняла, что для устранения феодализма необходима политическая свобода.

Физиократы примыкают, таким образом, к весьма распространенным политическим идеям. "Но они дают теорию "просвещенного абсолютизма" в наиболее разработанной, наиболее последовательной форме. Для изучения абсолютистских тенденций буржуазной общественной мысли XVIII в. их политическая теория поэтому очень удобна.

Свою политическую систему, как и свою систему экономическую, физиократы строят рационалистически, исходя из положений естественного права. Идея "божественного" происхождения королевской власти им совершенно чужда. Общество, по их учению, как мы уже говорили, имеет своей задачей обеспечение естественных прав человека-собственности и свободы. Но свобода для физиократов - прежде всего экономическая свобода, - право использовать собственность с возможно большей полнотой. Следовательно, все общественные учреждения-законы и власть - созданы в конечном счете, для того, чтобы консолидировать собственность. Власть в системе физиократов есть лишь "жандарм частной собственности"⁵. Чтобы выполнить эту функцию, суверенная власть должна быть единой и высшей по отношению ко всем индивидам, составляющим общество, по отношению ко всем несправедливым начинаниям частных интересов⁶. Лучшая форма правления - та, при которой все интересы различных групп населения как бы соединяются, не сливаясь, в едином центре. Это - правление одного человека, который в своих личных интересах покровительствует всем интересам. Одно лицо, монарх, ничего не может выиграть, управляя плохо; наоборот, его собственный интерес требует, чтобы он управлял хорошо.

К народу, к массе физиократы относятся в высшей степени пренебрежительно. Невозможно, чтобы законодательствовала толпа. Народ, находящийся во власти невежества и предрассудков, не в состоянии видеть дальше своего носа. Всякий кантон видит государственный интерес в интересах кантона, всякая профессия - в интересах профессии. Таким образом, свободное соревнование интересов, столь благотворное по мнению физиократов в области экономической, оказывается вредным в области политической. Смысл этого противоречия в теории становится понятен, если мы от "философии": общества обратимся к его реальной жизни. Буржуазия, интересы которой объективно выражают, физиократы, чувствует себя к середине XVIII века экономически уже достаточно сильной для "свободы". Но она далеко еще не была так уверена в своей политической мощи, в своей способности политически подчинить все "интересы" своим классовым интересам.

Народ, по мнению физиократов, не в состоянии подняться от действий к причинам, не может понять существующей между ними связи. Народ неустойчив в своих мнениях, его суждения - всегда продукт впечатлений минуты⁷. Противоречивость интересов между различными частями народа при народном законодательстве не исчезает. Она ведет к тому, что в народе образуются ассоциации и партии, объединенные этими частными интересами. Более сильная партия господствует и поработывает более слабую. Нация утрачивает свое единство⁸.

Эти соображения исключают возможность не только республиканской формы правления, но и ограничения власти монарха народным представительством. Монарх, о котором мечтают физиократы, - монарх неограниченный. Сверх того, он обязательно монарх наследственный. Для избираемого монарха суверенитет лишь узурпация. Он всегда будет стараться извлечь из суверенитета как можно больше выгод для себя и своей семьи. Монарх наследственный - "прирожденный собственник суверенитета", его интересы поэтому те же, что интересы всех прочих собственников, т.е., с точки зрения физиократов, нации. Он не может вредить нации, не вредя себе самому. Богатство нации - его могущество. Монарх должен соединять в своих руках и законодательную и исполнительную власть. Их разделение ведет к их борьбе, пагубной для нации, и к бессилию власти, которая по своему существу не может быть разделена⁹. Разделение власти и вредно и не осуществимо.

Физиократы различают легальный деспотизм и деспотизм произвола, - различие, характерное для всей буржуазной политической мысли XVIII в. и восходящее своими корнями к теориям монархомахов, которые также делят монархов на две группы - *politice regentes* и *tyranice regentes*. Монархи, которые отдаются произволу, уничтожают свое достоинство и предают свои собственные интересы. Легальным деспотизм является в том случае, когда он руководится в своей деятельности неизменными законами, справедливость и необходимость которых всегда очевидна. Повеление, именуемое политическими законами, должно быть лишь реализацией самоочевидных естественных законов социального порядка. Имеются в виду, конечно, естественные законы, открытые физиократической школой¹⁰. Законодательные функции монарха, таким образом, в системе физиократов весьма ограничены. После того, как декларированы естественные законы, ему в этой области, с точки зрения физиократов, почти нечего делать. Весьма характерен анекдот о беседе Кенэ с дофином по поводу обязанностей короля. Дофин будто бы говорил Кенэ о тяжести этих обязанностей. "Я этого не нахожу, - возразил Кенэ. "А чтобы вы делали, если бы вы были королем?" - спросил дофин. "Я не делал бы ничего", - ответил Кенэ. Но ограниченная пределами установления и обеспечения естественных законов, воля суверена

должна быть всегда строго выполняема, как только она становится известной. Это - деспотизм, но он основан на том, что и власть очевидности над умом человека деспотична.

Соответствие повелений монарха естественным законам диктуется, как мы видели, его собственными интересами. Но ведь монарх может их неправильно понимать. В чем гарантия того, что его субъективная воля совпадет с объективной "очевидностью"? Старые теоретики абсолютизма могли бы ответить на этот вопрос ссылкой на особый дар монарха, связанный с божественным происхождением его власти. Физиократы как рационалисты вместо божественного происхождения вынуждены искать каких-то иных гарантий должной направленности воли монарха. Эти поиски приводят их иногда к положениям, противоречащим общим установкам их теории. Мы видели, что они - решительные сторонники единства власти, что они решительно отвергают принцип разделения власти. Мы знаем, что уже предшественник физиократов д'Аржансон, защищая идею "просвещенного абсолютизма", выступал против парламентской аристократии и ее притязаний. Тем более интересно, что в своем стремлении поставить преграды превращению легального деспотизма в деспотизм произвола Дюпон вынужден обратиться к идее независимости судебной власти от суверена. Только такая независимость может обеспечить святость законов. Судебная власть должна не только решать на основании положительных законов вопросы, касающиеся жизни, чести и имущества граждан. Она должна судить самые положительные законы с точки зрения законов справедливости, служащих основой социального порядка. Таким образом, судебная система является охраной естественного права от покушений со стороны монарха. Такое понимание прав судебной власти удовлетворило бы самого крайнего сторонника разделения властей, самого решительного защитника парламентов в их споре с королевской властью.

Если эта идеализация парламентских притязаний сближает физиократов с реакционной, аристократической оппозицией абсолютистскому режиму, то их учение об общественном мнении и его политической роли намечает возможность перехода от позиций "легального деспотизма" на позиции буржуазной ограниченной монархии. Общая социальная сила (*force publique*), - рассуждает Мерсье де ла Ривьер, - образуется из соединения сил индивидуальных, а последнее предполагает соединение частных волей, следовательно, соединение мнений. Идея господства общественной силы над мнением - идея, извращающая их действительное соотношение. В действительности общественная сила обязана и своей властью, и самым своим существованием соединению мнений¹¹. Устойчивость власти дается устойчивостью мнений. Однако» придавая такое большое значение мнению, физиократы разумеют не любое простое мнение, но мнение просвещенное, выражающее принципы, бесспорные в силу их очевидности. Если перевести эти абстрактные рассуждения на язык конкретных отношений, физиократы, несомненно, имеют в виду монарха, управляющего согласно принципам их теории, проводящего их буржуазную программу, опирающегося на их "просвещенные" мнения.

Как бы ограничительно ни толковали физиократы понятие общественного мнения, теорию происхождения общественной силы из соединения частных мнений было не легко согласовать с "легальным деспотизмом". И наоборот, исходя из этой теории, было естественно притти к идее планомерной и постоянной организации соединения частных мнений и их воздействия на государственную власть, т.е. к идее народного представительства. По мере обострения антагонизма между абсолютной монархией и третьим сословием, к концу 70-х гг. многие физиократы проделывают эту эволюцию. Как некоторый промежуточный этап между "легальным деспотизмом" и конституционализмом, очень характерен проект организации муниципалитетов, составленный во второй половине 70-х гг." Дюпон де Немуром с согласия Тюрго и представляющий собой развитие мыслей, высказанных уже раньше д'Аржансоном¹². Записка Дюпона представляет большой исторический интерес: аналогичные проекты возникали в XIX и; в XX вв. во многих странах (в том числе и в России) перед падением абсолютизма.

По замыслу Дюпона и Тюрго система муниципалитетов должна организовать нацию, организовать ее общественное мнение как опору для монархии. Низшую ступень в системе муниципалитетов должны составлять деревенские и городские муниципалитеты. В выборах членов деревенских муниципалитетов принимают участие исключительно собственники, поденщики объявляются людьми, У не связанными с приходом, и потому лишаются избирательных прав. Собственник, получающий 600 ливров дохода, имеет один голос; собственники, получающие меньший доход, для реализации своих избирательных прав объединяются в группы в соответствии с этим цензом¹³. В городах избирателями являются лица, обладающие собственностью, оцененной в 15000 ливров¹⁴. Первичные муниципалитеты посылают по одному делегату (за исключением больших городов и Парижа, которые получают больше представителей) в окружной муниципалитет; окружные - по одному делегату в провинциальный; провинциальные - по одному делегату в национальный муниципалитет¹⁵. В задачи муниципалитетов входит распределение налогов, организация общественных работ, помощь бедным.

Национальный муниципалитет не есть парламент, он не обладает законодательной властью. Его права по существу уже прав старого сословного представительства - Генеральных Штатов, но все же он ставит рядом с королевской властью некоторую независимую от нее организацию, построенную на началах избрания. Это - несомненная брешь в системе "легального деспотизма". В проекте есть еще одна черта, которую необходимо подчеркнуть. Представительство построено в нем на чисто буржуазных началах, на имущественном цензе. Граждане различаются лишь по признаку обладания собственностью того или иного размера. Представители привилегированных сословий не только не составляют отдельных сословных курий, но и в самом процессе выборов привилегированные голосуют вместе с третьим сословием, никак из него не выделяясь. Значение идеи бессословности представительства в проекте, составленном больше чем за десять лет до революции, можно оценить должным образом, вспомнив, сколько споров и борьбы вызвал Вопрос о соединении сословий в единое национальное собрание в 1789 г. Естественно, что проект не получил никакого движения.

Физиократы не только по-новому, рационалистически, обосновывают необходимость абсолютной монархии. Они возлагают на эту политическую систему, выросшую на базе феодальных отношений, совершенно новую задачу, - задачу перестройки общества в интересах буржуазии, на буржуазных началах. "Легальный деспотизм" должен осуществить буржуазную свободу. Это не только экономическая свобода, о которой мы уже говорили. Это - также свобода мысли и совести, как необходимое условие просвещения мнений и торжества буржуазной "очевидности", "Легальный деспотизм" должен осуществить также буржуазное равенство, "равенство, как условие буржуазного существования"¹⁶. Это не фактическое равенство, конечно, а равенство граждан перед законом, предполагающее отмену привилегий высших сословий, их сословных прав и преимуществ. "Разделение общества на различные сословия, - говорил Кенэ, - влияет разрушительно на общий интерес нации"¹⁷. "Справедливость и равенство прав - таковы основные устои, на которых буржуа XVIII и XIX столетий хотел построить свое общественное здание на развалинах феодальных несправедливостей, неравенства и привилегий"¹⁸.

Физиократы считали себя очень трезвыми политиками. Осуществление их программы не требовало как будто никаких насильственных переворотов, не требовало даже никаких существенных изменений в установившейся политической системе. Но именно потому эта программа была программой наивно утопической, и жизнь еще задолго до революции это доказала. Реформаторские попытки Тюрго и его падение, несомненно, послужили в этом отношении весьма внушительным уроком.

1 Рокен. Движение общественной мысли во Франции, 274, 1902.

2 К.Маркс и Ф.Энгельс, т.XVI, ч.I, стр.147.

3 Mathiez. La place de Montesquieu, Annales historiques de la Revolution francaise, 2, 1930.

4 А.Сорель. Европа и французская революция. 1, 80, 1892. ch.XVIII.

5 Mathiez. Les doctrines politiques des physiocrates. Annales historiques de la Revolution francaise, № 75, 1935.

6 Quesnay. Maximes generales. Collection des principaux economistes. Physiocrates 1, 81, 1846.

7 Mercier de la Riviere. L'ordre naturel, H. See. Les idees politiques au XVIII siecle, 168.

8 Ibid., ch. XVI; H.See. 1. c.164.

9 Mercier de la Riviere. L'ordre naturel. Collection des. principaux economistes. Physiocrates, 11, 627-628; 624-625.

10 Mercier de la Riviere. L'ordre naturel. Collection des principaux economistes. Physiocrates, II, 628; Dupont de Nemours. Origine et progres d'une science nouvelle, ibid., I, 348.

11 Mercier de la Riviere, ch.VIII; H.See. 1. c.171.

12 Oeuvres de Turgot, t.2 (в изд. "Collection des principaux economistes, 1844), 502-550.

13 Ibid, 510-514.

14 Ibid., 530.

15 Ibid, 534; 538; 540.

16 К.Маркс и Ф.Энгельс, XIV,

17 Quesnay. Maximes generales. Collection des principaux economistes. Physiocrates, I, 81.

18 К.Маркс и Ф.Энгельс, XVI, 1, 179.

См. также: **И.Берго. Парламенты и политическая борьба во Франции накануне Великой французской революции; И.Берго. Парламентская оппозиция абсолютизму и попытки реформ в 1749-1776 гг.;**

Агония французского абсолютизма (глава из коллективной монографии «Французское Просвещение и Революция»); Э.Эйзенштейн. Кто выступил в 1788 году? (комментарии к книге Ж.Лефевра «Начало Французской революции»). Перевод с англ., коммент. **Д.Бовыкина и Н.Корнопелевой**

Глава 6. ТЕОРИЯ ОГРАНИЧЕННОЙ МОНАРХИИ

Идея ограничения королевской власти, несмотря на пример Англии, несмотря на распространение английской политической литературы, находит лишь слабые отклики во Франции первой половины XVIII в. Четкой и последовательной защиты конституционной теории у писателей этого периода нет. На этих первых этапах своего развития конституционная теория причудливо сплетается с теорией просвещенного абсолютизма. Мы уже указывали на пример Вольтера, восхвалявшего и просвещенную монархию и английскую свободу. Процесс расчленения политических понятий, процесс уяснения в буржуазной идеологии проблемы политического будущего Франции и в дальнейшем шел очень медленно. Весьма показательно, что даже в 70-х гг. появлялись книги, специально посвященные политике и не дававшие определенного решения этой проблемы.

Для буржуазных оппозиционных кругов XVIII в. авторитетнейшим политическим мыслителем был, несомненно, Монтескье. Буржуазная конституционная мысль Франции считает его своим родоначальником; и действительно, его "Дух законов" сыграл большую роль в распространении и популяризации во Франции умеренных конституционных идей.

Де-Секонда де Монтескье барон де ла Бред (1689- 1755) принадлежал к богатой и влиятельной семье юга Франции, к старой парламентской аристократии. Двадцати семи лет от роду он получил уже пост президента парламента в Бордо. Через десять лет он сложил с себя эти обязанности и три года провел в путешествиях по Италии, Австрии, Венгрии, Швейцарии, Голландии и Англии. Еще будучи президентом парламента, Монтескье отдавал свои досуги научным занятиям. Его интересы были очень широки: он занимался и физикой, и нравственной философией, и историей. В путешествиях он ревностно собирал материал, характеризующий общественную и политическую жизнь современных ему государств. По возвращении на родину он жил частью в замке Бред, возле Бордо, частью - в Париже. Не пренебрегая ни хозяйством, ни удовольствиями светской жизни, Монтескье не прерывал и своей научной и литературной работы. Литературное наследие Монтескье весьма разнообразно. В 1721 г. он издал "Персидские письма", смелую и острую, но не глубокую сатиру на общественные нравы, церковь и государство своего времени. Вслед за "Персидскими письмами" в 20-х гг. появились легкомысленный "Temple de Guide" и "Путешествие в Пафос". Через семь лет после "Пафоса" вышла в свет историческая работа Монтескье "О причинах величия и падения римлян". Наконец, в 1748 г. был напечатан основной труд Монтескье "Дух законов", представляющий собой как бы свод накопленного им в течение многих лет научного материала и итог его исторических и политических размышлений.

"Дух законов" - это громадное собрание афоризмов, иногда очень тонких и остроумных, зачастую противоречивых. Афоризмы сгруппированы по книгам, разбитым на большое количество глав; некоторые главы являются самостоятельными небольшими этюдами, другие - состоят из одного предложения. Тематика глав исключительно разнообразна: рядом с главами, посвященными большим и важным проблемам теории государства, мы находим в книге такие, как глава о покаянии, о выбрасывании детей, о совершеннолети франкских королей, о естественной стыдливости и т. п. Связь между главами не всегда можно уловить; в некоторых случаях автор, приводя тот или иной пример для пояснения своей мысли, увлекается историческим или техническим сюжетом и дает длиннейший экскурс, не имеющий уже никакого, отношения к основной мысли (вроде экскурса о кораблестроении и о греческой торговле в книге двадцать первой). В общем материал книги, несмотря на обилие подразделений, классифицирован весьма нечетко. Монтескье менее всего обладал даром систематического мышления. Не удивительно, что исследователи Монтескье приходили к самым различным выводам по вопросу о том, в чем следует видеть центральную руководящую идею "Духа законов". Вероятнее всего, что такой объединяющей идеи просто не существует.

В предисловии к "Духу законов" Монтескье заявляет, что он видит свою задачу не в критике существующих у разных народностей разнообразных порядков, а в их объяснении. При всей пестроте социальных установлений их возникновение не вызвано ни произволом, ни случайностью. Все движения мира совершаются по неизменным законам. "Законы, - говорит Монтескье, - суть необходимые отношения, вытекающие из природы вещей". История любого народа является как бы частным случаем применения общих начал. Задача исследователя состоит в том, чтобы открыть эти общие начала, которым сами собой подчиняются все частные случаи¹.

Идея всеобщей закономерности, которой подчинены как явления природы, так и явления общественной жизни, формулирована Монтескье с исключительной для XVIII в. четкостью. По своему замыслу - открыть общие законы социальной жизни, - Монтескье, несомненно, опережает свое время. Однако свое понимание закона как неизменно установленного отношения он не в состоянии провести последовательно. Под влиянием господствующей естественно-правовой теории Монтескье придает социальному закону значение не только необходимого отношения, но и

нормы естественного права. Люди, - говорит он, - создают себе сами законы, но у них есть также такие законы, которые не ими созданы. Это - законы природы, предшествующие установлению положительных законов. И в качестве примера Монтескье приводит "отношения справедливости, существовавшие раньше, чем санкционировавшие их законы"². Совершенно ясно, что здесь отношения, неизменно и необходимо устанавливающиеся между людьми в силу природы вещей, приобретают характер моральных норм общежития, характер отношений, которые должны существовать в общежитии. Различия между этими двумя пониманиями "закона природы" Монтескье не видит и употребляет этот термин в дальнейшем то в том, то в другом его значении.

"Законы природы", управляющие обществом, вытекают из устройства человеческого существа, - утверждает далее Монтескье в полном согласии с теоретиками естественного права. "Устройство человеческого существа"- это как будто только конкретизация в применении к обществу ранее данной формулы "природа вещей". Но это новое положение существенно изменяет методологическую установку. Под человеческим существом Монтескье, как и другие его современники, понимает не общественного человека, каким его знает история, а человека внеисторического, абстрактного, каким он был предположительно до образования общества. А отсюда следует тот вывод, что для открытия общественных законов надо изучать "естественное состояние", а не исторические факты³. Открытые таким образом общие начала должны быть затем приложены к частным случаям. Признав необходимым такой путь исследования, Монтескье сам однако на этот путь не вступает, обращаясь к изучению исторического материала. Естественное состояние занимает очень мало места в его труде. Естественнo-правовая дедукция мало соответствовала научным вкусам Монтескье. В центре его интереса - конкретная история человеческих обществ. Но пути естественнo-правовой доктрины, несомненно, не мало помешали ему в осуществлении его основного намерения - раскрытия социальной закономерности.

Выходя из естественного состояния, люди отказываются от своей естественной независимости, чтобы жить под властью государственных законов; они отказываются от естественной общности, чтобы жить под властью гражданских законов, т.е. частной собственности⁴. Законы - же творятся разумом. "Закон, говоря вообще, есть разум человеческий", поскольку он управляет народами земли. Законы каждого народа должны быть частными случаями применения этого разума. Но условия существования и характеры народов разнообразны. Отсюда разнообразие законов и форм правления. Лишь изредка законы одного народа могут быть пригодны для другого⁵. Это положение о необходимом разнообразии законов является одним из основных положений теории Монтескье. Признавая общие предпосылки теории естественного права, он отрицает возможность построения на их основе универсальной системы "естественных законов". В каждом отдельном случае, - утверждает Монтескье, - наиболее естественными будут те законы, которые соответствуют характеру данного народа. Законы нельзя оценивать, исходя только из общих принципов; при такой оценке должны быть принимаемы во внимание также частные обстоятельства.

Отказ от абсолютных критериев, внимание к обстановке, в которой возникают те или иные законы и формы правления, признание закономерности существования различных государственных форм и их зависимости от условий существования и народного характера, - все эти черты теории Монтескье были плодотворны в научном отношении, толкая мысль к изучению исторической конкретности во всем ее живом многообразии. Но в теоретической позиции Монтескье есть слабое место. Формы правления, государственные установления, законы изображаются им как явления закономерно расположенные в пространстве. Это, так сказать, географическая закономерность. Закономерности их смены во времени Монтескье не устанавливает. Конечно, Монтескье знает и отмечает исторические смены государственных форм. На основании опыта античных республик он говорит о превращении республик в деспотии, под влиянием впечатлений современности он указывает на опасность перерождения монархий в деспотии. "Реки бегут смешаться с морем, монархии стремятся раствориться в деспотизме". Но эти переходы - результат разложения основной формы. Никаких перспектив дальнейшего развития они не открывают. Диалектики исторического процесса Монтескье не понимает. Каждая государственная форма мыслится им как некая индивидуальность, закономерно в определенных условиях возникающая и закономерно в определенных условиях погибающая. Но мысль о том, что эти формы связаны друг с другом как явления, соответствующие последовательным стадиям развития человеческого общества, Монтескье совершенно чужда.

Среди факторов, определяющих характер народов, а следовательно, и их законы, Монтескье выдвигает на первый план факторы физические: климат, устройство поверхности, почву. Как ни наивны иногда представления Монтескье о влиянии этих факторов, самая идея связи социальных явлений с материальной, географической средой была в его время передовой идеей не только по отношению к теологическому мировоззрению, но и по отношению к рационалистическим концепциям, выводившим социальное бытие из a priori данных "естественных свойств" человека.

Климату Монтескье придает особенно большое значение. "Если справедливо, - говорит он, - что характер ума и страсти сердца чрезвычайно различны в различных климатах, то законы должны соответствовать и различию этих страстей, и различию этих характеров". Холодный климат образует крепких и мужественных людей, жаркий климат - расслабленных и малодушных⁶. Не надо удивляться, что малодушие южных народов почти всегда приводило их к рабству, а мужество северных народов всегда удерживало их в свободном состоянии. "Рабство политическое... не меньше гражданского и домашнего зависит от природы климата". Климатом обусловлены рабство женщины, многоженство, деспотизм в одних странах, в других - свобода, единобрачие, республика. С климатом связаны и религиозные представления: религия, не соответствующая климату страны, не может в ней удержаться. Климат вызывает в различных странах различные потребности, различия в потребностях обуславливают различия в образе жизни, а различия в образе жизни - различия в законах. Власть климата, - заявляет Монтескье, - сильнее всех властей⁷. Иногда создается впечатление, что климат является для Монтескье основным, всеопределяющим фактором. Этому противоречит, однако, ряд мест, где Монтескье ставит климат в один ряд с другими факторами и оговаривает ограниченность его влияния.

Устройство поверхности определяет размеры государств, а с их размерами необходимо связана и определенная форма государства. Республика пригодна для небольших территорий, монархия - для средних, деспотия - для обширных. Обширные равнины Азии являются предпосылкой для создания больших государств, следовательно, государств деспотических. Если бы деспотизм не господствовал в азиатских государствах, то они неизбежно распались бы на более мелкие единицы, а это было бы несовместимо с естественным разделением страны. В Европе, наоборот, естественное разделение территории ведет к образованию средних государств, следовательно, монархий, основанных на законе; европейское государство, лишённое такого правления, приходит в упадок⁸.

Не меньшее значение имеет почва. В странах с почвой, подходящей для земледелия, естественно устанавливается дух зависимости. Народы, не возделывающие земли, пользуются большой свободой. Поселяне, обрабатывающие землю, слишком поглощены своей работой и потому менее ревнивы к своей свободе. Плодородные долины к тому же труднее защищать, а после того, как они покорены, сломленный дух свободы не может вернуться. У горных народов меньше объектов вожделения и защищать эти объекты легче. Поэтому в менее плодородной Аттике было народное правление, в более плодородном Лакедемоне - аристократическое. И в Афинах горцы стояли за демократию, жители равнин - за знать. Бесплодие почвы заставляет заниматься людей промыслами, делает их воздержанными, закаленными в труде, мужественными, способными к войне. Им приходится бороться за удовлетворение своих потребностей, а для этого они нуждаются в свободе. Таковы народы севера. Наоборот, народы юга легко получают все от природы; имея возможность обходиться без богатств, они обходятся и без свободы⁹.

Анализ природных факторов приводит Монтескье к проблеме производства и его влияния на характер и правление народа. Почва воздействует на социальную жизнь лишь в той мере, в какой с ней связан тот или иной вид труда, направленного на удовлетворение человеческих потребностей. Зависимость, несвобода характерна для обществ земледельческих, свобода - для промышленных. Этот ряд мыслей приводит Монтескье к замечательной формулировке: "Законы находятся в очень тесном соотношении с теми способами, посредством которых различные народы добывают себе средства к существованию" (XVIII, 8)¹⁰. Но Монтескье не понимает всего значения высказанной им здесь мысли. Она не получает в "Духе законов" дальнейшего развития, остается гениальной догадкой, весьма мало влияющей на ход рассуждений автора.

Дух народа определяется" не только природными факторами. После того как у народа создались известные социальные нормы, они в свою очередь являются силами, воздействующими на его дух. "Многие вещи управляют людьми: климат, религия, законы, правила правления, примеры прошлого, нравы, обычаи, и - как результат этого - образуется дух народа". Природные факторы имеют наибольшее значение на ранних ступенях развития общества. Природа и климат властвуют над дикарями. В дальнейшем выдвигаются на первое место факторы социальные, причем у отдельных народов они играют различную по значению роль. Так, в Китае господствуют обычаи, в Японии - законы, в Лакедемоне - нравы, в Риме - правила правления и традиции старины¹¹. Но какой бы фактор ни был главенствующим, между ними должна существовать известная гармония. Нравы, обычаи, религия, законы, формы правления - тесно связаны с климатом. Нравы, обычаи, религия, законы непосредственно взаимно связаны друг с другом. Так, деспотизм предполагает рабство женщины, монархия, основанная на законах, - ее свободу. Так, деспотизму соответствует магометанство, монархии - христианство.

Социологические взгляды Монтескье не лишены оригинальных черт. Для их обоснования им привлечен большой конкретный материал. Но не надо забывать, что теория влияния географических условий на общественную жизнь и на государство, - теория, восходящая своими корнями еще к Гиппократу (IV в. до н. э.), - была в XVI в. четко сформулирована Боденом в его "Государстве", конечно, хорошо известном Монтескье. Все, что Монтескье говорит о влиянии на характер народов климата, почвы и устройства поверхности, представляет собой лишь развитие положений, выдвинутых Боденом. У Бодена заимствовал Монтескье даже некоторые детали. Таковы его рассуждения о характерах горцев и жителей долин, о связи между природными условиями, производством и умственным и нравственным развитием народов.

Теория многообразия политических форм и взаимозависимости факторов, образующих народный дух, приводит к весьма важному практическому выводу о роли законодателя. Когда Солон спросили, - рассказывает Монтескье, - дал ли он афинянам лучшие из всех законов, Солон ответил: "я дал им лучшие из тех, какие они могли вынести". В этом рассказе четко выражено отношение Монтескье к возможностям законодательства и его пределам. Монтескье не чуждо вытекающее из естественно-правовой теории представление о законодательстве как о какой-то независимой силе, руководящейся в своей деятельности общими принципами. Он допускает даже возможность конфликта между этими общими принципами и факторами, определяющими характер народа. Так, в известных случаях законодатель во имя общих принципов и опираясь на моральные факторы может бороться даже с влиянием климата, поощряя, например, людей к земледелию¹². Но это - исключение. Основным руководящим правилом для законодателя является возможное приспособление к народному духу. Надо помнить, что в теории Монтескье нет смены низших общественных форм высшими. Задача законодателя тем самым сводится к частным исправлениям в пределах, данных определенной установившейся системой социальных и политических отношений и духом народа как ее основой. Даже к исправлениям, "когда они могут затронуть какую-либо из сторон народного характера, Монтескье рекомендует относиться с большой осторожностью. "Не все следует исправлять" - таково название одной из глав "Духа законов

Если трудно говорить о единой руководящей идее "Духа законов", то есть все основания говорить о проникающем все его части политическом настроении. Это настроение можно назвать, в подражание Монтескье, духом компромисса. Эта склонность к компромиссу во что бы то ни стало, к компромиссу с любыми существующими социальными и политическими формами, как бы плохи ни были эти формы с точки зрения признаваемых теоретически "общих принципов", - характерная черта Монтескье. Монтескье следует признать величайшим представителем, - быть может, единственным действительно крупным представителем, - теории политического компромисса. "Благо политическое, как и благо нравственное, всегда находится между двумя пределами", - говорит Монтескье. "Люди всегда почти лучше уживаются с серединой, чем с крайностями". Поэтому умеренность должна быть всегда духом законодателя. Монтескье утверждает, что доказательству этого положения посвящена в сущности вся его книга. И с этим утверждением нельзя не согласиться¹⁴.

Любопытнейшим образчиком принципиальной, если можно так выразиться, компромиссности рассуждений Монтескье является книга "Духа законов", посвященная рабству. Монтескье сразу же заявляет, что рабство "дурно по самой своей природе". Но рабство существует. И законы должны поэтому стремиться вовсе не к тому, чтобы его тем или иным способом ликвидировать. Нет, задача законодателя по отношению к рабству двояка: он должен стараться, с одной стороны, очистить рабство от злоупотреблений, с другой стороны, обеспечить общество от связанных с рабством опасностей. Монтескье не сомневается в том, что возможно "очищенное", упорядоченное рабство. Надо лишь его соответственным образом нормировать. И Монтескье начинает серьезно обсуждать частные вопросы такого нормирования. В результате он приходит к выводам, поражающим своей бессодержательностью, вроде указания, что в государствах с умеренным правлением важно не иметь слишком большого, количества рабов. Готовность Монтескье идти на любое приспособление к существующему злу поистине безгранична. Резкие перемены ненавистны ему больше, чем это зло. Этот принципиальный противник рабства считает нужным предупредить, что "большое количество освобождений" опасно, их не следует делать одновременно и в силу общего закона¹⁵.

Рассуждения о духе народа, об определяющих его факторах, о разнообразии социальных и политических форм образуют теоретическую основу для вывода о необходимости приспособления законодателя к установившимся у данного народа отношениям. Это положение составляет, с другой стороны, не высказываемую, но все время подразумеваемую предпосылку исследования отдельных политических форм. Анализируя эти формы, Монтескье лишь в виде исключения дает им оценку с точки зрения общих принципов. Его внимание привлекает не вопрос о том, какая из этих форм лучше, а вопрос о том, как, - принимая определенную форму за данную, - достичь в ее пределах наилучших результатов. Именно поэтому в колоссальном материале, собранном в книге Монтескье, легко найти аргументы в защиту весьма различных политических систем:

демократической республики, ограниченной монархии английского типа, абсолютизма, опирающегося на привилегированные сословия.

II

Монтескье различает три основных формы правления: республику, монархию и деспотию. Республиканское правление может быть демократическим, - если правит народ; аристократическим, - если правят немногие. Отличительная черта монархии состоит в том, что в ней правит одно лицо, но посредством установленных неизменных законов. Наконец, деспотия - это правление, в котором все движется волей и произволом одного лица вне всяких законов и правил¹⁶.

Не подлежит никакому сомнению отрицательное отношение Монтескье к деспотизму, хотя в ряде случаев он, в согласии со своей общей установкой, указывает и для деспотического правления наиболее целесообразные частные мероприятия. Единственным движущим принципом в деспотии является страх. Нельзя говорить без ужаса об этом чудовищном правлении. Самая большая опасность для монархии или республики - ее падение к деспотизму". "Когда дикари Луизианы хотят сорвать плод с дерева, они срубают дерево под корень и срывают плод. Таково деспотическое правление". Деспотизм тем более страшен, что его устойчивость и его разрушительная сила очень велики: против деспотизма не устоят никакие нравы и климаты¹⁷.

Гораздо сложнее отношение Монтескье к республике и монархии. И ту, и другую форму, в противопоставлении деспотии, он именует иногда "умеренными правлениями", что, как мы знаем, является в его устах оценкой положительной. И в той, и в другой форме он находит ряд черт, которые заслуживают, по его мнению, одобрения. Переход от республики к монархии и наоборот, с его точки зрения, не представляет опасности для государства.

Материал для характеристики республиканского правления Монтескье черпает почти исключительно из античной истории. Из двух разновидностей республики он явно предпочитает республику демократическую или народное правление. Надо, однако, при этом иметь в виду, что "демократия" Монтескье, как и демократия его античных образцов, понятие весьма относительное. Подлинной демократии Монтескье боится. "Даже при народном правлении, - говорит он, - власть не должна находиться в руках низшего слоя населения"¹⁸. Но, с другой стороны, аристократия ведет к злой тирании. Она устанавливает самые пагубные различия между гражданами. Аристократия тем лучше, чем больше она приближается к демократии. Чтобы создать противовес ее пагубным последствиям, необходимо тем или иным способом привлечь к делу управления "народ". Впрочем, и в аристократии, по мнению Монтескье, возможно такое же счастье, как в демократии, если в ней неравенство смягчается духом умеренности¹⁹.

Каждая форма правления имеет свой движущий принцип. Принципом народного правления является политическая добродетель-любовь к законам и отечеству, готовность жертвовать собой в его интересах. Без такого высокого двигателя народное правление не может существовать. Условием существования политического равенства является равенство имущественное. "Любовь к демократии есть любовь к равенству". Поэтому в демократиях необходимы уравнивательные законы. Монтескье сочувственно говорит о законах, регламентирующих в духе равенства дарения и наследования. В качестве примера мероприятий, вполне соответствующих духу республиканского правления, он указывает на законы Ликурга, на "Государство" Платона, на деятельность иезуитов в Парагвае²⁰. Но, с другой стороны, он высказывается решительно, как и следовало ожидать, против мер, насильственно и сразу уравнивающих имущества: против конфискаций, аграрных законов и т.п. Такие меры, по Монтескье, причиняют бесчисленные бедствия. Недопустима в республике роскошь частных лиц, ибо она развивает частные интересы в ущерб общественным. В демократиях роскошь уместна лишь в общественной жизни, в частной - должна царить умеренность. Утрата духа равенства приводит к разложению принципа демократии. Но здесь, как и везде у Монтескье, политическое благо лежит между двумя пределами. Равенство, доведенное до крайности, также уничтожает демократию, приводя неизбежно к деспотизму одного²¹.

Исходя из опыта классической древности, Монтескье утверждает, что республиканская форма правления возможна лишь в государствах небольшого размера. "Республика по своей природе требует небольшой территории, иначе она не удержится". Но Монтескье изучал не только античность; он хорошо знал и высоко ценил строй современных ему республик - Швейцарии и Нидерландов. Он нашел в их организации средство противодействия этой "природной" слабости республики. Это средство - федеративное устройство. "Люди в конце концов были бы вынуждены жить всегда под властью одного, - говорит Монтескье, - если бы они не изобрели известного строя, который со всеми внутренними достоинствами республиканского правления совмещает внешнюю силу монархического. Я имею в виду республику федеративную"²².

Симпатии Монтескье к умеренно-демократической республике бесспорны. Но это - симпатии платонические. Республика может существовать лишь там, где господствуют "героические добродетели древних". Таких добродетелей нельзя и требовать от современных людей. Следовательно, республика для них невозможна. И мысль Монтескье в поисках возможного

политического блага покидает области героического прошлого, чтобы найти это возможное благо в политической действительности настоящего.

В настоящем, в государствах современной Монтескье Европы, господствующей политической формой является монархия. Политические добродетели не случайно так редки в этих монархических государствах. В монархии трудно народу быть добродетельным, - говорит Монтескье. Добродетели нет даже в непосредственном окружении монарха; трудно представить, чтобы низшие были честны там, где бесчестны высшие. Для монархии, характерно, что она совершает великие дела возможно меньшим участием добродетели. Утверждение и сохранение монархического правления не требует большого запаса честности. Основным двигателем является в монархии не добродетель, но честь (в особом ее понимании). Опираясь на эту силу, государство может существовать, независимо от любви к отечеству, независимо от любви к истинной славе. Под честью Монтескье понимает "предрассудки каждого лица и каждого положения", - предрассудки, связанные с чинами, родовитостью дворянства и т.п. "С философской точки зрения, - подчеркивает он, - эта честь, двигающая (в монархиях) всеми частями государственного тела, есть ложная честь"²³.

В моральном отношении монархия стоит в иерархии Монтескье, несомненно, ниже республики. Некоторые главы, посвященные монархии в "Духе законов", написаны почти в сатирических тонах, напоминающих "Персидские письма". Такова, например, характеристика придворных нравов: "честолюбивая праздность, низкое высокомерие, желание обогащаться без труда, отвращение к правде, лесть, измена, вероломство, неисполнение всех своих обязанностей, презрение к долгу гражданина, страх, внушаемый добродетелью государя, надежда, возложенная на его пороки и, что хуже всего, вечное издевательство над добродетелью, - вот, полагаю я, черты характера большинства придворных, отмеченные всюду и во все времена"²⁴. Монтескье не закрывает глаз на пороки монархического порядка. Но он считает, что во Франции монархия разлагается, перерождаясь в деспотию, что эта опасность вообще угрожает монархии. И отвращение к деспотизму - при общих тенденциях Монтескье к компромиссу с существующим - служит для него оправданием известной идеализации тех черт монархического строя, которые придают, по его мнению, монархии ее специфический характер, которые охраняют монархию от превращения в деспотию. В действительности эта идеализация имеет, конечно, более глубокие социальные корни.

По определению Монтескье, признаком, отличающим монархию от деспотий, является управление посредством неизменных основных законов, исключающих возможность произвола. Это подчинение государя основным законам предполагает существование постоянных "посредствующих каналов, по которым движется власть" или иначе - "посредствующих властей"²⁵. Если таких властей не существует, если в государстве действует лишь капризная воля одного, в нем не может быть ничего устойчивого, следовательно, никаких основных законов. Наиболее естественной из посредствующих властей Монтескье считает власть дворянства. Дворянство теснейшим образом связано с монархией. "Нет монарха, нет и дворянства; нет дворянства, нет и монарха. Но есть деспот"²⁶. Второй посредствующей властью является власть духовенства, имеющая особенное значение в монархиях, склоняющихся к деспотизму. Таким образом, теория посредствующих властей обосновывает у Монтескье необходимость в монархии привилегий господствующих сословий феодального общества. Дворянство и духовенство представляются ему противовесом возможному деспотизму. Отмена или ослабление сословных привилегий служит всегда симптомом разложения монархии. С этой точки зрения политическая практика последних французских королей представляется Монтескье пагубной для монархических устоев. "Монархия погибает, - говорит он, - когда государь, относя все единственно к себе, сводит государство к своей столице, столицу к своему двору, а свой двор - к своей особе"²⁷. Читателям Монтескье не трудно было догадаться, что в этом замечании имеется в виду "великолепное царствование" Людовика XIV.

Существование посредствующих властей, однако, не вполне обеспечивает прочность монархического правления. Сословные привилегии составляют преграду для произвола. Они создают нужную почву для развития чести, предполагающей существование преимуществ и различий. Но привилегированные сословия не могут быть силой, охраняющей законы. Знати свойственно невежество, презрение к гражданской власти. Поэтому для охраны законов в монархии должны существовать особые политические коллегии, обнародывающие законы и напоминающие о законах, уже существующих. Эти коллегии должны быть несменяемыми и действовать непрерывно. Это - не исполнители мгновенных проявлений воли государя, но блюстители основных законов. Ясно, что Монтескье имеет в виду систему парламентов и защищает самое широкое толкование их полномочий²⁸. В связи с этой защитой роли парламента как организации, в известной мере независимой от воли монарха, становится понятным одно положение Монтескье, до сих пор смущающее некоторых исследователей. Монтескье доказывает, что в монархии полезна практика продажи и наследственности должностей. Эта практика придает отправлению государственных функций более устойчивый и постоянный характер, делает их

более свободными от воздействия "мгновенных проявлений воли". Все рассуждения Монтескье проникнуты органическим недоверием к монарху, способному ежеминутно превратиться в деспота. При продаже должностей воля монарха корректируется случайностью. Но бояться ее не следует: случай, - говорит Монтескье, - доставит лучших покупателей, чем выбор государя²⁹.

Концепция монархии Монтескье весьма близка к идеям аристократической оппозиции XVII и начала XVIII в. Она отражает, несомненно, аристократические и парламентские традиции той среды, к которой Монтескье принадлежит по своему происхождению и воспитанию. В отрывке о парламенте он довольно точно воспроизводит аргументацию, весьма распространенную в парламентских кругах первой половины XVIII в., - аргументацию, нашедшую свое выражение в ряде исходивших из этих кругов документов. Парламентские традиции сказываются также весьма ярко в исторических взглядах Монтескье. Монтескье совершенно не согласен с историческим построением Дюбо и д'Аржансона. Романистической теории возникновения королевской власти из власти римских императоров Монтескье противопоставляет теорию германского ее происхождения: первые короли - простые военные вожди франков. Они нуждались в войнах и компенсировали их землями, отнятыми у покоренных. Сеньориальные права - вознаграждение за освобождение сервов и за уступленные им земли, которые раньше принадлежали знати. Таким образом, в системе феодализма нет узурпации. Наоборот, по мнению Монтескье, узурпацией скорее следует считать рост королевской юстиции, поскольку в феодальные времена законным могло быть лишь то, что устанавливалось по соглашению между королем и его вассалами. Оправдывает Монтескье исторически - наряду с сеньориальной юстицией - также и налоговые привилегии дворянства: завоеватели-франки, естественно, должны были быть свободны от налогов.

Но было бы ошибочно думать, что монархия представляется Монтескье политической формой, единственно возможной и наиболее желательной в больших государствах современной ему Европы. Если республика для этого поклонника приспособления к существующему - прекрасная утопия, то монархия, даже обставленная всеми гарантиями против деспотизма, - лишь один из мыслимых видов компромисса с действительностью. Монтескье знает лучшую форму политического строя, пригодного для современных народов. Пригодность ее доказана тем, что она уже осуществлена, по мнению Монтескье, в одной из соседних с Францией стран - в Англии. Эту форму Монтескье называет республикой, скрывающейся под обликом монархии.

Рассуждения об Англии и английском строе составляют лишь очень небольшую часть сложной и громоздкой по построению книги Монтескье. Эта часть написана под несомненным влиянием английских политических мыслителей - и особенно под влиянием торийского теоретика Болинброка. Но вряд ли подлежит сомнению, что именно этим рассуждениям обязан "Дух законов" своей популярностью в предреволюционную эпоху и в первый период революции.

Для уяснения государственного строя Англии Монтескье вводит новое понятие-понятие специфической цели государства. Такая специфическая цель каждого государства, очевидно, связана с характером народа и образующими его факторами. Это вытекает из всей совокупности представлений Монтескье об общественных отношениях. Но Монтескье на этом вопросе специально не останавливается. Он приводит лишь ряд примеров: целью Рима было увеличение пределов государства, целью Лакедемона - война, Китая - общественное спокойствие и т.д. Непосредственной целью государственного устройства Англии является политическая свобода³⁰.

Политическая свобода отнюдь не означает возможности делать все, что хочется. В обществе, где есть законы, свобода есть право делать все, что дозволено законами. Если бы каждый гражданин мог делать то, что законами запрещено, то свободы у него не было бы, так как то же самое могли бы делать и другие граждане. Политическая свобода возможна лишь там, где нет нарушающих ее злоупотреблений властью. А чтобы не было возможности злоупотреблять властью, "необходим такой порядок вещей, при котором различные власти могли бы сдерживать друг друга"³¹.

"В каждом государстве есть три рода власти: власть законодательная, власть исполнительная и власть судебная. Если власть законодательная и власть исполнительная соединены, то свободы не будет, так как обладающее этими властями лицо или учреждение сможет издавать тиранические законы, чтобы так же тиранически их применять. Точно так же не будет свободы, если одна из этих властей соединена с судебной. Когда судья является в то же время законодателем, это ведет к произволу, когда судья является исполнителем, он может легко стать угнетателем. Если все три власти соединены в одном лице, то все погибло: такое соединение составляет характерную черту деспотизма"³².

В свободном государстве каждый человек должен управлять собою сам. Но это невозможно в больших странах и неудобно в малых. Поэтому система прямого законодательства народа заменяется системой законодательства представителей. Так как люди лучше знают интересы своего города, чем интересы других городов, то выборы представителей наиболее целесообразно производить не от всего населения страны, а от каждого города в отдельности. Представители должны иметь от избирателей только одну общую инструкцию, а не испрашивать от них инструкции по каждому вопросу. Монтескье знает, что в некоторых странах выборы производятся

по сословиям (Голландия), но явно предпочитает общесословные выборы по округам. Право подавать голос в своем округе, - говорит Монтескье, - должно принадлежать всем гражданам. Но мы уже знаем относительность демократизма Монтескье: за этим утверждением тотчас же следует оговорка: "исключая тех, положение которых так низко, что на них смотрят как на людей, неспособных иметь свою собственную волю". Что это за категория бесправных, Монтескье точно не определяет. Собрание представителей отнюдь не должно руководить исполнительной властью. Оно образуется лишь для того, чтобы издавать законы и наблюдать за их исполнением³³.

Народное представительство, изображаемое Монтескье, это - английская палата общин. Но Монтескье считает также совершенно необходимым существование палаты лордов. Дворянство, благородные, если исходить из предпосылок Монтескье, как будто не должны иметь в "свободном государстве" того значения, какое они имеют в чистой монархии. Однако из той сочувственной характеристики, которую Монтескье дает палате лордов, явствует, что какими-либо интересами благородных он вообще не склонен жертвовать. И здесь, как и во всех других случаях, он является последовательным сторонником компромисса. Он одобряет английскую двухпалатную систему как разумное согласование "народных" интересов с привилегиями благородных, которые, по его мнению, обеспечены наличием верхней палаты.

Во всяком государстве, - рассуждает Монтескье, - есть люди, отличающиеся преимуществами рождения, богатства или почестей. Если бы они пользовались лишь тем же голосом, что и остальные, свобода превратилась бы для них в рабство, так как большая часть решений была бы направлена против них. Их прерогативы сами по себе ненавистны и в свободном государстве должны находиться в постоянной опасности. Во избежание уничтожения этих прерогатив Монтескье и считает нужным, чтобы благородные обладали известными преимуществами в издании законов. Из них должно быть составлено особое собрание, которое должно иметь право отменять решения народного представительства. Это собрание должно быть наследственным по самому существу своих задач. В изъятие из общего правила оно должно обладать в известных случаях судебной властью. Люди знатные всегда возбуждают к себе зависть. Они должны быть судимы, во избежание несправедливости суда, судьями, равными себе. Это требование может быть осуществлено, если благородных будет судить не обыкновенный суд, а та часть законодательного собрания, которая составлена из благородных³⁴.

Исполнительная власть должна быть сосредоточена в руках одного лица-монарха. Она должна действовать быстро, а это всегда лучше исполняется одним, чем многими. Монтескье высказывается против системы, при которой исполнительная власть вручается известному числу лиц, принадлежащих к составу законодательного собрания, т.е. против системы ответственного парламентского правительства. Это было бы, с его точки зрения, вредным соединением исполнительной власти с законодательной. Исполнительная власть должна обладать правом отмены решений власти законодательной (право veto), так как иначе законодательная власть может предоставить себе любые права и уничтожить все другие власти. Исполнительная власть созывает и распускает законодательное собрание; если бы законодательное собрание само себя распускало, то оно, замыслив захватить в свои руки власть исполнительную, могло бы вовсе себя не распустить. Здесь Монтескье имеет в виду, очевидно, опыт Долгого Парламента и стремится, вслед за английскими политическими мыслителями, обосновать английскую практику необходимостью предупредить повторений" такого случая в будущем³⁵.

Законодательная власть не должна иметь права вмешиваться в действия власти исполнительной и их приостанавливать. Монтескье старается уверить читателя, вопреки очевидности, что исполнительную власть незачем ограничивать, ибо "границы действий исполнительной власти заключаются в ее собственной природе". Законодательное собрание может лишь проверять, как исполняются созданные им законы. Но если даже при такой проверке оно придет к отрицательному выводу по отношению к исполнительной власти, - оно не в праве судить монарха за действия исполнительной власти. Личность монарха священна, она охраняет государство от тирании собрания, и свобода погибла бы, если бы собрание стало судить монарха. Судить и наказывать собрание должно в таких случаях министров, подающих монарху дурные советы. Но судебное преследование - исключительная мера воздействия на исполнительную власть. В распоряжении законодательного собрания есть другие средства влияния на нее. Это - ежегодно вотируемые постановления о налогах и о военных силах. Для сохранения свободы необходимо, чтобы такие постановления никогда не издавались более, чем на год³⁶.

Судебная власть не должна передаваться в руки постоянно действующего органа. Она должна принадлежать лицам из народа, привлекаемым по установленному законом порядку для отправления судебных функций. В случае важных обвинений преступник должен иметь право избрания или хотя бы отвода своих судей. Судьи должны быть людьми одного положения с обвиняемым, чтобы он не считал, что его судьи склонны его притеснять. Судебной власти Монтескье уделяет меньше внимания, чем законодательной и исполнительной: в известном смысле, - говорит он, - это как бы совсем не власть³⁷.

Учение о разделении властей завершается у Монтескье положением об их равновесии. Власти взаимно сдерживают друг друга: исполнительная - своим правом veto, законодательная - своим правом разрешать налоги и определять контингент армии и своим контролем. Предоставленные самим себе, три власти должны были бы в результате притти в состояние покоя и бездействия, но это не тревожит Монтескье. Жизнь своим движением заставит их двигаться³⁸. А так как они при данном их соотношении не могут двигаться друг против друга, то они будут двигаться в согласии друг с другом.

Монтескье дает, конечно, не точное, стилизованное изображение английской конституции XVIII в., - при том стилизованное в реакционно-торийском духе. В то время, когда он писал "Дух законов", английский король вовсе не был таким неограниченным руководителем исполнительной власти, каким он изображен у Монтескье; исполнительная власть - кабинет - вовсе не была независимой от законодательной власти-парламента. Но не надо забывать, что в плане Монтескье глава, носящая название "Государственные законы Англии", имела целью не столько точное описание английских политических порядков, сколько выяснение того соотношения политических сил, которое самому Монтескье представлялось в наибольшей степени обеспечивающим гражданам политическую свободу и вытекающие из нее блага. Английская конституция была известна Монтескье и по личным наблюдениям и по работам английских писателей, также стилизовавших ее соответственно своим политическим симпатиям. Она из всех существовавших в его время конституций в наибольшей мере отвечала его собственным политическим настроениям. Ее изображение было для него весьма удобным способом пропаганды. Но, пользуясь этим способом, он считал себя в праве дать изображаемому объекту свое толкование, осветить одни и оставить в тени другие его части. Не случайно основные положения этой главы даны Монтескье не в форме рассказа о том, что есть в Англии, а в форме выяснения того, что должно быть в свободном государстве³⁹.

Строй, существующий в Англии, ведет, по мнению Монтескье, к целому ряду политических, моральных и социальных последствий. Для того, чтобы пользоваться свободой, и для того, чтобы ее сохранять, необходимо, чтобы каждый гражданин мог говорить то, что думает. Поэтому в Англии существует свобода слова и свобода печати. "В свободной стране очень часто бывает безразлично, хорошо или дурно рассуждают люди; важно лишь, чтобы они рассуждали, так как от этого происходит свобода, обеспечивающая от дурных последствий этих рассуждений". Политическая свобода предполагает, что каждый гражданин руководствуется своей собственной волей и своим собственным разумом. Отсюда вытекает с неизбежностью религиозная свобода. Часть граждан проникается равнодушием к религии; другая часть, в своем религиозном рвении, создает множество сект. Англичане относились бы нетерпимо лишь к той религии, которую пытались бы у них водворить при помощи рабства (имеется в виду, конечно, католицизм). Свобода не уничтожает сословных делений; но она сближает людей различных сословий; люди знатные в этой стране ближе к народу, чем в других странах. Людей в свободном государстве ценят не за их внешние свойства, а за их действительные качества. А такими Монтескье признает - и это следует подчеркнуть - только два: личное достоинство и богатство⁴⁰.

Особого внимания заслуживает та связь, которую Монтескье устанавливает между политической свободой и хозяйственным развитием Англии. Наличие такой связи отнюдь не означает, что хозяйство всецело объясняется политическим строем. Монтескье предупреждает против такого толкования его мысли. Другой фактор, климат, остается и в данном случае фактором основным. Но свобода, несомненно, способствует развитию промышленности и торговли. Свобода, при островном положении Англии, обеспечивает ей мир и довольство; мир и довольство освобождают народ от предрассудков и направляют его ум к торгово-промышленной деятельности. Наличие естественного сырья ведет к созданию промышленных заведений, использующих этот дар природы и производящих изделия высокой ценности. В стране создается множество излишних для нее товаров, и народ, нуждаясь и сам в большом количестве товаров, которые он не может производить по условиям климата, неизбежно развивает большую торговлю⁴¹.

Торговле Монтескье придает большее значение, чем промышленности. В его время, когда капитал выступал преимущественно в форме торгового капитала, это предпочтение вполне понятно. Монтескье знает, конечно, как осуждали торговлю античные авторитеты. Платон жаловался, - вспоминает он, - что торговля развращает чистые нравы. Монтескье соглашается, что развиваемая торговлей расчетливость противоположна высокой добродетели, учащей людей поступаться собственными интересами в пользу других. Но в реальной действительности торговле предшествуют не чистые, а варварские нравы, разбойничество, и торговля очищает и смягчает эти варварские нравы⁴². Если нравы сделались менее свирепы, то это - результат торговли. Везде, где есть торговля, нравы кротки. "Естественное действие торговли - склонять людей к миру". Торговля развивает чувство строгой справедливости, дух воздержания и бережливости. Торговля исправляет нас от пагубных предрассудков. Торговля создает богатства, но богатство, возникающее в торговле, по мнению Монтескье, не представляет такой социальной опасности, как

как богатство земельное. Торговля ведет к роскоши, а роскошь к усовершенствованию искусств. И наоборот, разрушение торговли всегда ведет к вредным для народа последствиям. Монтескье не высказывается в пользу полной свободы торговли, он оправдывает известную ее регламентацию. Но он - решительный противник торговых привилегий и монополий, ведущих неизбежно к хозяйственному упадку, противник "разрушающей торговлю" откупной системы⁴³. В общем, если исключить некоторые оговорки частного характера, рассуждения Монтескье о торговле представляют собой ее подлинную морально-политическую реабилитацию.

Очень характерны замечания Монтескье о религии. По существу он относится к религии глубоко безразлично. Она имеет для него значение лишь как известный, полезный или вредный, социальный фактор, стоящий в одном ряду с политикой и торговлей. Он, несомненно сам принадлежит к числу тех равнодушных, которые, по его словам, именно в силу своего равнодушия примыкают к господствующему вероисповеданию. Не стоит и опасно вводить религиозные новшества, но к религиям, уже существующим в государстве, необходимо, по его мнению, относиться с полной терпимостью. Монтескье откровенно заявляет, что для него более важно воздействие религии на нравы, чем вопрос о том, истинна она или нет. "Самые священные догматы вредны, если они не связаны с общественными началами, самые ложные полезны, если они с последними в согласии"⁴⁴. Даже вопрос о существовании бога Монтескье трактует с точки зрения его социального значения. Монтескье не интересуется философскими доказательствами бытия божия. Но он твердо знает, как и Вольтер, что существование бога нужно для социального порядка. "Вера в существование бога, - заявляет он, - весьма полезна"⁴⁵.

Социальный генезис и социальный смысл политической теории Монтескье достаточно ясны. Монтескье - несомненный сторонник буржуазных свобод. Провозгласив идеи религиозной терпимости, свободы слова и свободы печати, ограниченного народного представительства, Монтескье формулировал основные положения буржуазного "правопорядка". Восхваление исторической роли торговли и идеализация промышленного развития Англии составляют дополнительные черты, характеризующие буржуазные социальные симпатии Монтескье. Его отношение к религии весьма близко к утилитаристской трактовке проблемы религии, трактовке, характерной для буржуазных настроений XVIII в.

Но теория Монтескье, как мы уже не раз указывали, есть теория компромисса. Тенденция к компромиссу с существующим порядком проходит красной нитью через весь труд Монтескье. Не случайно в качестве примера наиболее целесообразной политической организации он берет английскую конституцию, сложившуюся в результате компромисса между верхами буржуазии и землевладельческой аристократией. Монтескье хотел бы, чтобы буржуазные "свободы" осуществились не путем подавления высшего класса феодального общества, а путем соглашения с ним, с наименьшим для него ущербом. Теория Монтескье носит на себе отпечаток настроений дворянина, нежелающего расстаться с привилегиями своего сословия. Но она отвечала также, - при всей своей компромиссности, - определенному моменту в развитии политических настроений французской буржуазии. "Дух законов" появился раньше основных работ физиократической школы. Но его влияние на развитие буржуазного политического самосознания было более длительным и более прочным.

Для определенного слоя буржуазии, тесно связанного своими частными экономическими интересами с монархией и дворянским землевладением, изображение политических порядков Англии в "Духе законов" сохранило значение политического идеала вплоть до времени революции. Доказательством этого являются такие проекты, как проект конституции, внесенный в Учредительное собрание Мунье. Но задачи, стоявшие перед буржуазией как классом, требовали иных решений. Монтескье был большим авторитетом для руководящих деятелей Учредительного собрания. Теория разделения властей и их равновесия, как принципиальная основа системы конституционной монархии, была для большинства Учредительного собрания бесспорной политической догмой и была проведена весьма последовательно в конституции 1791 г. Однако, и Учредительное собрание должно было отказаться от сохранения преимуществ дворянства, от верхней палаты и от абсолютного veto короля. Дальнейшее развитие революции сделало неизбежной решительную ломку всех традиционных форм, т.е. как раз тот метод государственного преобразования, который противоречил всем установкам политической теории Монтескье. Революция должна была пойти значительно дальше его умеренной конституционной программы.

III

В истории дальнейшего развития теории конституционной монархии во Франции XVIII в. одно из самых значительных мест принадлежит "Энциклопедии". В статьях "Энциклопедии" по политическим вопросам можно отметить известные оттенки мнений, неизбежные в большом авторском коллективе, далеко не однородном по своим воззрениям. Известно, что энциклопедисты были вынуждены иногда - из цензурных соображений - прикрывать свои подлинные взгляды изъятием "благонамеренных" мыслей. Известно, наконец, что над многими статьями "Энциклопедии" серьезно поработал цензорский карандаш издателя. Тем не менее, у основной группы авторов "Энциклопедии", писавших на политические темы, - Дидро, д'Аламбера, де Жокюра

- была совершенно определенная политическая концепция, которую они стремились внушить читателям и которая, несомненно, до читателей доходила. Во многом близкая теории Монтескье, которого энциклопедисты высоко ценили и часто цитировали, эта концепция представляет все же совершенно самостоятельный интерес. Энциклопедисты не только популяризируют идеи ограничения королевской власти и народного представительства, но в ряде пунктов дают им новое обоснование и делают из них новые выводы.

Монтескье мало останавливался на общих вопросах естественного права, естественного состояния и возникновения человеческого общества. Его больше интересовала конкретная история конкретных человеческих обществ. Было бы неправильно считать, что энциклопедистам этот интерес к конкретному совершенно чужд; мы увидим в дальнейшем, как много внимания уделяли они истории политических учреждений Франции. Но, во всяком случае, общая теория государства занимает в "Энциклопедии" относительно гораздо больше места, чем в "Духе законов".

Основным понятием политической теории энциклопедистов является, конечно, "природа" человека. Это понятие мы уже не раз встречали у изучаемых нами социальных и политических писателей XVIII в. У энциклопедистов свойственное общественной мысли XVIII в. понимание "природы" дано в типической форме. При всех ошибках разума, при всех извращениях чувства и воли в человеке можно выделить его естественное существо, с его нормальными потребностями и стремлениями. Это естественное в человеке, эта его истинная природа соединена в общественном человеке с чертами вторичного происхождения, с чертами, приданными человеку социальными отношениями. Но она все же всегда присутствует и служит основой того, что есть общего в человеческих установлениях. Общее, природное в человеке предшествует обществу, но оно остается и в обществе, ибо конституция человека со вступлением в общество не меняется. Состояние человечества, в котором оно живет, повинуюсь лишь своей природе, есть естественное состояние.

Естественное состояние есть некоторая абстракция, как и естественный человек. Однако эта абстракция имеет тенденцию превратиться у энциклопедистов в характеристику определенного периода в жизни человечества - ее дообщественного периода. В "Энциклопедии" можно найти не мало мест, восхваляющих первобытные нравы, невинность первобытного состояния, противопоставляющих простые добродетели первобытного человека порокам цивилизованных обществ⁴⁶. Но есть и попытки более реалистической и более исторической трактовки первобытного человечества. Так, Дидро считает, что и первобытному человеку свойственны ошибки и пороки. Человек-совокупность тенденций, способных к нормальному развитию и к извращению. Такие извращения возможны и в первобытном состоянии⁴⁷.

Характерными признаками естественного состояния как состояния, соответствующего природе человека, являются свобода и равенство⁴⁸. Но свобода сопряжена с постоянным страхом перед возможным насилием, а равенство сопряжено с изолированностью, с отсутствием взаимных связей. Иными словами, - свобода и равенство естественного состояния представляют собою понятия, весьма бедные конкретным содержанием. Они важны для теории лишь как известные принципы, из которых следуют выводы по отношению к состоянию общественности.

Переход человека к общественному состоянию обусловлен естественными причинами - тою же природой человека, хотя иногда в "Энциклопедии" можно встретить и деистические формулировки. "Люди созданы, чтобы жить в обществе, - говорит Дидро, - способности человека, его естественные склонности, его слабости, его потребности являются доказательством намерений творца"⁴⁹. По существу энциклопедисты выводят образование общества из присущего человеку инстинкта общественности и из личного интереса. Общественным инстинктом объясняет возникновение общества де Жокур. У естественных людей одна и та же природа, одни и те же потребности, люди не могут обойтись без взаимной помощи, им свойственны известные моральные законы еще до образования общества⁵⁰. "Общественность" как свойство человека предшествует даже семье, - этой первой общественной ячейке. Дидро отрицает наличие моральных законов в естественном состоянии. Признавая тождество потребностей и чувств, он более склонен к теории, личного интереса. Общества возникают в результате разумного расчета, выгоды. Личные интересы часто разделяют людей. Но размышление о возможности взаимной помощи для удовлетворения потребностей, в конце концов, приводит людей к идее общества. Размышление дает перевес общему над частным. "В обществе человек находит удовлетворение большей части своих потребностей"⁵¹. Эту утилитаристическую теорию общества разделяет также и д'Аламбер.

В переходе от естественного состояния к общественному нет внезапности. Это - длительный процесс, завершением которого является договор, образующий власть. Следует подчеркнуть, что у энциклопедистов договор не создает общество, а придает лишь ему определенную организационную форму, создает правительство. В соответствии с этим договор заключается не между индивидуумами, входящими в общество, как у Руссо, а между народом и тем, кому народ вручает власть. Поскольку по природе люди свободны и равны, власть не может исходить от

природы, она может быть создана либо путем насилия, либо путем договора⁵². Договор, таким образом, является необходимым логическим дополнением теории естественного состояния.

При заключении договора не происходит полного отчуждения личности государству. Люди соглашаются потерять некоторую долю (*in reu*) своей свободы и своего равенства; цель законодателя - отняв у людей возможно меньше равенства и свободы, дать им возможно больше обеспеченности и счастья⁵³. Существуют неотъемлемые права граждан, права, логически предшествующие договору; их должна уважать всякая власть. Точно так же люди, заключая договор, не отказываются в пользу государства от своего имущества: они лишь уступают часть его в виде налога, чтобы обеспечить свое пользование остальным; у государства нет неограниченной власти над имуществом граждан. Власть, вытекающая из соглашения, предполагает условия, которые делают ее применение законным и ограничивают ее пределы. Носит ли договор формальный характер или нет, - безразлично: он всегда предполагается как основа суверенитета.

Суверен не может употребить свою власть на то, чтобы уничтожить самый акт, дающий ему существование. Нарушение договора - акт тиранический, превращающий законную власть в деспотизм. Оно восстанавливает свободу народа заключить новый договор, с кем он пожелает. Всякая власть, ограничена законами природы и государства, ибо "без закона нет власти и нет закона, который давал бы неограниченную власть". Власть не есть собственность того или иного лица. Управление - общественное благо, которое принадлежит народу как полноправному собственнику, даже когда оно наследственно в пределах одной семьи. Не государство принадлежит правителю, а правитель - государству. Он обязался по отношению к народу управлять, как народ обязался повиноваться ему согласно закону. Высший несет обязанности перед низшим, как низший перед высшим. Произвольное употребление власти разрушает общество⁵⁴.

По существу Дидро стоит на позиции народного суверенитета, хотя иногда, как мы видели, он применяет термин "суверен" к правителю. Интересно, что не желая открыто выступить против теории божественного происхождения власти, Дидро пытается истолковать ее в новом смысле. Государь-образ бога на земле, - утверждала официальная доктрина. Государь - лицо, в котором народ пожелал (*ils ont voulu*) видеть образ бога на земле, - утверждает Дидро, превращая таким образом "божественное происхождение" в своеобразный политический миф.

Народное происхождение всякой власти вовсе не обязывает энциклопедистов к признанию необходимости демократического порядка. Власть может быть передана по договору на краткий срок, как это было в Римской республике, пожизненно одному лицу (в Польше), определенной семье (в Англии). Следуя за Монтескье, энциклопедисты утверждают, что конкретные формы договора зависят от внешней среды (климата), от нравов и предрассудков народа. Законы каждой нации - частный случай приложения человеческого разума к конкретным условиям. Не существует правления лучшего для всех. Повторяя данную Монтескье схему форм правления, энциклопедисты к одной лишь из них относятся безоговорочно отрицательно. Эта форма-деспотизм. Дидро считает, что деспотизм плох даже и тогда, когда это- деспотизм просвещенного монарха. Добрый, справедливый и просвещенный деспот в конечном счете еще опаснее: он приучает народ любить и почитать повелителя; и народ переносит эти чувства на его преемника, как бы зол и туп последний ни был. Деспотизм не есть форма правления, основанная на договоре. Деспотизм всегда опирается на насилие, хотя бы это насилие и было прикрываемо не имеющими юридической силы традициями или воображаемым божественным происхождением. При деспотизме у граждан нет отечества⁵⁵.

Если формы правления зависят от конкретных условий, то, очевидно, приведенная выше общая теория возникновения власти не может дать непосредственного ответа о наилучшей форме правления для данной страны. Чтобы получить такой ответ, необходимо знать конкретную историю этой страны. Иными словами, политические требования должны быть обоснованы не только логически, с точки зрения природы человека, но и исторически. Исторические статьи "Энциклопедии", несомненно, стремятся дать такое историческое обоснование политическим требованиям либеральной буржуазии середины XVIII в. В политических построениях энциклопедистов; абстрактная, естественно-правовая аргументация дополняется аргументацией исторической.

В вопросе о происхождении французского государства энциклопедисты примыкают не к романистической теории Дюбо, обосновывающей абсолютную монархию, а к германистической схеме, разделявшейся большинством французских историков этого времени, в том числе и Монтескье. Первоначальное франкское общество - чистая демократия. Франкская монархия, как и всякое организованное государство (деспотия - не есть организованное государство), покоилась на основных законах, в существе своем представляющих соглашение между народом и властью. Власть монарха была ограничена. Право завоевания принадлежало при покорении Галлии не королевской власти, но всему коллективу завоевателей; в результате завоевания победители-франки стали говорить от имени всего народа. Таково историческое происхождение прав

дворянства. Старая монархия опиралась на знать, функции которой призывали ее представлять нацию.

Но в дальнейшем знать мало-помалу утратила свои функции, а следовательно, и свои исторические права. Выросло значение торговли и промышленности. Смягчились нравы. Современное государство не есть государство, организованное исключительно для войны; Дворянство не является более единственным классом, призванным защищать государство. Его престиж падает, его привилегии не уважают. Его претензии представлять нацию кажутся теперь уже ничем не оправданными.

Основные законы - конститутивный признак, законной власти, но способ применения основных законов должен изменяться вместе с изменениями в жизни общества. В современной большой стране, - говорит де Жокур, - "наилучшей формой монархии представляется наследственная ограниченная монархия; независимо от ее устойчивости, законодательный корпус состоит из двух частей, сдерживающих одна другую взаимной властью помешать"⁵⁶. "Ни один человек, - рассуждает Дидро, - как бы ни был он просвещен, не способен управлять целой нацией без совета и без помощи". Нация должна быть представлена перед монархом, какой-то орган должен говорить от ее имени. Эту роль не могут уже выполнять ни знать, ни парламент. "Ни одно сословие в государстве не может иметь способность или волю знать нужды других". Ни одно сословие не должно угнетать другое, а это неизбежно произошло бы, если бы одно сословие имело исключительное право решать за всех⁵⁷.

Необходимо, чтобы все граждане могли выражать свои пожелания без беспорядка, чтобы они имели представителей, т.е. граждан, более просвещенных, чем другие, более заинтересованных в общественном деле. В совете нации все должны быть выслушанными, так как все принимают участие в образовании и сохранении государства. Не следует однако на основании этих слов Дидро изображать его как сторонника последовательной демократии. Дидро высказывается против "химеры абсолютного равенства", которую он считает характерной для демократии. Прямое народовластие он признает невозможным в большом государстве; но и в защищаемой им системе народного представительства, очевидно, нет полного равноправия между гражданами. В числе требований, которые он предъявляет к народному представителю, имеется и требование, чтобы "владение привязывало его к родине". Очевидно, лица, лишённые владения, не могут быть и представителями.

Ограниченная монархия, которую проповедают энциклопедисты, есть, согласно их исторической концепции - прямая наследница старой монархии. Они считают нужным подчеркнуть, что по своему историческому происхождению французская монархия не есть деспотия, что она связана основными законами. Но монархия легко вырождается в деспотию: это они знают, как знал это и Монтескье. Как и Монтескье, они, хотя и с большой осторожностью, стараются внушить читателям посредством многочисленных намеков, что вырождение монархии имеет место в современной им Франции. И они стремятся доказать, что историческая традиция - на их стороне, а не на стороне их противников, идеологов абсолютной монархии "божьей милостью", прикрывающих насилие и произвол юридическими и религиозными фикциями. Они стремятся доказать, что их политическая концепция-вывод не только из общей теории государства, но и из истории Франции.

"Энциклопедия" в большой степени способствовала распространению во Франции конституционных идей. Ряд положений выгодно отличает теорию энциклопедистов от теории Монтескье. Мы находим в ней идею народного суверенитета, идею неотчуждаемых прав личности, она решительно отменяет притязания старых привилегированных сословий, хотя и признает, что в свое время эти притязания были обоснованы. Но отсутствие последовательных демократических выводов из идеи народного суверенитета но умеренность политической программы энциклопедистов, их тенденция не разрывать связи с исторической традицией французской монархии, их взгляд на власть как на некую самостоятельную силу, находящуюся с народом в договорных отношениях, - все эти черты, характерные для настроений политически сознательной буржуазии середины XVIII в., не могли не отталкивать от этой теории последовательных революционеров 1789-1793 гг. Можно признать известное влияние политического учения энциклопедистов на умеренные буржуазные группировки Учредительного и Законодательного собраний. На следующем этапе буржуазной революции, в пору ее наивысшего подъема, эта теория должна была представляться безнадежно устарелой и вредной для дела революции. "Эта секта, - говорил об энциклопедистах Робеспьер в годы якобинской диктатуры, - не стояла в политике на высоте народных прав".

1 Montesquieu. Oeuvres completes. III, 83, 89, Paris 1876.

2 *ibid.*, III, 91.

3 *ibid.*, III, 94.

4 *ibid.*, V, 219.

5 *ibid.*, III, 99-100.

- 6 Ibid., IV, 145, 146-147.
7 Ibid., IV, 239, 223-224; 209-210 etc., 456-457.
8 Ibid., t.III, 332; t. IV, 249-250.
9 Ibid, t.IV, 253-255, 259.
10 Ibid., IV, 264.
11 Ibid., IV, 307.
12 Ibid., IV, 155-156.
13 Ibid., IV, 310 (XIX, VI). Qu'il ne faut pas tout corriger.
14 Ibid., V, 379.
15 Ibid, IV, 174, 190, 193, 204.
16 Ibid., III, 101.
17 Ibid., III, 136, 197, 313.
18 Ibid, IV, 204.
19 Ibid., III, 103, 182.
20 Ibid., III, 153-157; 166. Представление о иезуитском государстве в Парагвае, как о государстве коммунистическом было весьма широко распространено в XVIII в.
21 Ibid., III, 301.
22 Ibid., III, 337-339.
23 Ibid., III, 131, 132,
24 Ibid., III, 129.
25 Ibid., III, 114.
26 Ibid., III, 115.
27 Ibid., III, 309-310.
28 Ibid., III, 117.
29 Ibid., III, 217.
30 Ibid., IV, 6.
31 Ibid., IV, 4, 5.
32 Ibid, IV; 78.
33 Ibid., IV, 11-13.
34 Ibid., IV, 13-15, 18.
35 Ibid., IV, 15-16.
36 Ibid., IV, 17, 20-21.
37 Ibid., IV, 14.
38 Ibid., IV, 20.
39 "La puissance executive doit etre"... ibid., XIV, 15; "le corps representant ne doit pas etre"... ibid., 13; "le corps des nobles doit etre"... ibid., 14.
40 Ibid., IV, 346, 351-353.
41 Ibid, IV, 347-348.
42 Ibid., IV, 361, 362.
43 Ibid., IV, 388, 402.
44 Ibid., V, 145.
45 Ibid., V, in.
46 R.Hubert. Les sciences sociales dans l'Encyclopedie. 170-171.
47 Ibid., 172-173.
48 Encyclopedic, I, 1751, "Autorite politique", 898 и сл.
49 Ibid., XV, 1765. "Societe". 252 и сл.
50 Ibid., VI, 1755, "Etat de nature", "Etat moral", 17 И С
51 Ibid., XV, 1765, "Societe", 252 и сл.
52 Ibid., V, 1755, "Droit naturel", 131 и сл.
53 Ibid., IX, 1765, "Ugustateur", 367 и сл.
54 Ibid., I, 1751, "Autorite politique"; XV, 1765, "Societe".
55 Ibid., XII, 1765, "Patrie", 178 а с.
56 Encyclopedic, X, 1765, "Monarchie Knutee", 637; представительство мешает королю стать деспотом, король мешает представительству превратиться в олигархию.
57 Ibid., XIV, 1765, "Representants", 193.
См. также: подборки материалов о [Монтескье](#) и о [Дидро](#).

В. П. ВОЛГИН

СОЦИАЛЬНЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИДЕИ ВО ФРАНЦИИ ПЕРЕД РЕВОЛЮЦИЕЙ

М.-Л.: АН СССР. 1940

Vive Liberta и Век Просвещения, 2010

Глава 7. ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

Исходным пунктом радикального, республиканского и демократического течения во французской политической мысли XVIII в. следует считать политический трактат Руссо "Общественный договор".

"Общественный договор" был опубликован в 1762 г. Характерно, что эта книга, которой суждено было стать политическим евангелием для революционных демократов эпохи революции, сначала привлекла к себе несравненно меньше внимания, чем другие произведения Руссо. До революции "Общественный договор" переиздавался лишь два раза - в 1772 и в 1782 гг., за годы 1789-1793-шесть раз. По данным Морне, обследовавшего каталоги частных библиотек дореволюционного времени¹, из пятисот библиотек 178 содержали произведения Вольтера, 126 - "Новую Элоизу" Руссо, 78 - Энциклопедию, 67 - "Рассуждения о неравенстве" и лишь одна - "Общественный договор". В предреволюционное время в публицистике мало ссылок на Руссо как на политического мыслителя.

Руссо отнюдь не был склонен подчеркивать противоположность своей теории теориям Монтескье или энциклопедистов. Он высоко ценил "Дух законов". В "Общественном договоре" мы находим ряд сочувственных ссылок на Монтескье, еще больше положений, несомненно взятых у Монтескье, хотя его имя при этом и не упоминается. Руссо считает, что он поставил и решил задачу, которую мог бы поставить, но не поставил Монтескье. Монтескье изучал положительное право установленных правительств, свою цель Руссо видит в исследовании принципов правительства. "Общественный договор" отличается, таким образом, от "Духа законов" по своей теме. Но ни сам Руссо, ни его современники, дореволюционные публицисты, отнюдь не считали, что "Дух закона" и "Общественный договор" выражают две резко различные между собою политические установки. Вплоть до 80-х гг. XVIII в. политический радикализм не выделяется четко в общем потоке буржуазной оппозиционной литературы. Революционно-демократические тенденции переплетаются у отдельных авторов с тенденциями умеренно конституционными, как тенденции конституционные переплетаются с концепцией просвещенного абсолютизма. Полное размежевание революционно-демократического и либерально-буржуазного направлений происходит только в процессе революции. Лишь во время революции получает и "Общественный договор" значение основного документа республиканской политической философии. "Великие истины, развитые в "Общественном договоре", как ни очевидны, как ни просты представляются они нам сейчас, - говорил Лаканаль при перенесении праха Руссо в Пантеон, - произвели в свое время мало впечатления. Их недостаточно поняли, чтобы ими воспользоваться или их бояться... В известном смысле революция объяснила нам "Общественный договор". Тем не менее, появление "Общественного договора" было, несомненно, симптомом резких сдвигов, которые произошли к 60-м гг. XVIII в. в политических настроениях, симптомом пробуждения к политической жизни новых, более демократических пластов французского непривилегированного общества.

В "Общественном договоре" почти совершенно отсутствуют черты исторического реализма. В этом отношении. "Общественный договор" значительно отличается от "Происхождения неравенства". Это - абстрактное, строго рационалистическое рассуждение. Все его положения выводятся дедуктивно из основных определений; исторические примеры имеют характер иллюстративный. Политический трактат Руссо примыкает к длинному ряду естественно-правовых построений XVII-XVIII вв. Последнее из предшествовавших "Общественному договору" произведений этого рода - "Принципы политического права" женева ученого Бюламаки (1751) - было, без сомнения, хорошо известно Руссо и оказало на формирование его политических идей непосредственное влияние. Ставя перед собой задачу выяснения и исследования принципов политического права, Руссо понимает под этим отнюдь не исследование закономерностей исторической действительности, определяющей конкретные, исторически существующие формы права. Принципы политического права - это принципы "законного и надежного правления"². Иными словами, Руссо интересуется не то, что есть, а то, что должно быть. Система "Общественного договора" - не обобщение существующего, не философия истории а идеал, облеченный в одежды естественно-правовой теории. Противоречие между этим политическим идеалом и политической действительностью Руссо прекрасно понимает. Мы видели, как резко характеризует он существующие общественные отношения в "Происхождении неравенства". В "Общественном договоре" Руссо более сдержан, но по существу его отношение к существующему порядку, несмотря на все смягчающие оговорки, остается тем же. "Человек рожден свободным, а он всюду в оковах", - с этого положения начинается Руссо первую книгу своего исследования. Заканчивает он эту книгу противопоставлением общественного договора фактическим законам неравенства³.

Общественный строй не есть нечто, данное человеку природой, - утверждает Руссо. Если это так, если нормы общественного порядка не могут быть выведены непосредственно из природы, то возникает вопрос, что же лежит в их основе. Ни один человек не имеет естественной власти над себе подобным. Свобода - следствие природы человека, она должна сохранять силу и в

общественных условиях. Власть не может, поэтому, основываться на так называемом праве сильнейшего. Самый термин "право сильнейшего" страдает внутренним противоречием. Сила-это физическая мощь, и из ее проявлений не может быть выведено никакого права. Силе приходится повиноваться, но когда нас заставляют повиноваться силой, незачем уже прибавлять к этой силе слово право; оно в этом случае ничего не означает. Когда разбойник нападает на меня в лесу и отбирает кошелек, - пистолет, который он держит, есть власть. Мы повинемся ему, но не потому, что обязаны повиноваться. Мы обязаны повиноваться только законной власти. Так как основанием законной власти не может быть ни природа, ни сила, то остается притти к заключению, что таким основанием является соглашение, договор⁴. Народ становится народом лишь в результате договора, лишь этот акт создает общество. Одно лицо может подчинить себе множество других лиц и господствовать над ними. Это будет скопление людей, в котором можно различить господина и рабов. Но такое скопление людей нельзя считать ни народом, ни ассоциацией, ни политическим телом⁵.

Общественный договор - необходимое условие законной власти, необходимая предпосылка нормальной политической системы. Но в то же время для Руссо заключение договора есть определенный момент исторического развития, момент, отмечающий переход из естественного состояния в состояние гражданское. Эта теория договорного происхождения гражданского общества, - теория характерная для естественно-правовых учений, при всем различии их понимания основного договора, - в "Происхождении неравенства" стоит в центре внимания автора. В "Общественном договоре" она занимает подчиненное положение, понятие договора как политической нормы оттесняет на второй план понятие договора как исторической гипотезы. В связи с этим изменением основного интереса Руссо происходит, однако, любопытное изменение в исторической оценке договора. В "Происхождении неравенства" договор является результатом обмана, актом, закрепляющим неравенство, дающим новую силу богатым, подчиняющим человеческий род труду, рабству и нищете. Такую характеристику договора было трудно согласовать с системой, в которой договор кладется в основу всех политических норм. Не удивительно, что Руссо подчеркивает в своем политическом трактате другие стороны первоначального договора, дает ему иное освещение. В связи с этим иное освещение получает и переход от естественного состояния к общественному.

В естественном состоянии человек противопоставляет враждебной ему среде только свои индивидуальные силы. Но наступает момент, когда этих индивидуальных сил оказывается уже не достаточно для преодоления препятствий, вредящих существованию людей. Тогда естественное состояние не может уже более сохраняться: род человеческий погиб бы, если бы не изменил образа своего существования". Люди оказываются вынужденными соединить свои силы, образовать сумму сил, которая могла бы, повинаясь единому двигателю, обеспечить жизнь человечества⁶. Это соединение сил и достигается путем общественного договора. Таким образом, переход в гражданское состояние спасает род человеческий от гибели. Но это еще не все, что может сказать Руссо в защиту договора и гражданского состояния. Договор производит в человеке замечательные превращения. Его поступки приобретают впервые нравственный характер. Справедливость заменяет место инстинкта, голос долга - место физического импульса, право - место вождения. Человек теряет естественную свободу и безграничное право на все, что его прельщает; он выигрывает гражданскую свободу и право собственности на все, чем он владеет. Наконец, человек получает моральную свободу: ибо подчиняться своим вождениям есть рабство; повиноваться закону, предписанному себе самому, есть свобода. Человек должен был бы без конца благословлять тот счастливый момент, когда он вышел из естественного состояния, когда он из тупого и ограниченного животного превратился в разумное существо и человека⁷. Эта реабилитация гражданского состояния не превращает, конечно, Руссо в апологета существующих общественных отношений. Он попрежнему признает, что человек в гражданском состоянии зачастую бывает низведен ниже того положения, из которого он вышел (т.е. ниже положения человека в естественном состоянии). Но в новой теории Руссо, в отличие от старой, факты этого рода относятся целиком за счет злоупотреблений гражданского состояния, но не его существа, задача, которую должен разрешить общественный договор, дана у Руссо как задача, вытекающая из некоторых гипотетических потребностей определенного исторического момента. Но его условия формулированы так, что в них уже содержатся основные положения нормального, с точки зрения Руссо, политического порядка: "найти форму ассоциации, которая всеми общими силами охраняет и защищает личность и имущество каждого своего члена и в которой каждый, соединяясь со всеми, повинуетя все-таки только себе самому и остается таким же свободным, как раньше"⁹. Этими положениями определяется природа и содержание общественного договора. Хотя они и не выражены нигде формально, они, - "утверждает Руссо, - всегда молчаливо признаются. С их нарушением каждый вновь вступает в свои первоначальные права, возвращает себе свою естественную свободу. Сущность общественного договора сводится к следующему: "каждый из нас отдает свою личность в общее владение и всю свою силу подчиняет верховному

распоряжению общей воли; и в общем организме мы получаем каждый член, как неразрывную часть целого"¹⁰.

Каждое лицо отчуждается в пользу общины целиком со всеми его правами. Но, отдавая себя целиком всем, человек не отдает себя никому. Эквивалент того, что личность теряет, уступая общине право над собой, она получает как член общины; в виде прав общины над всеми другими. В результате рождается моральный и коллективный организм, имеющий свое я, свою жизнь и волю. Это и есть гражданская община или республика. Верховная власть не есть нечто отличное от гражданской общины; это та же община в активном состоянии"¹¹.

Верховная власть по существу своему не ограничена. Никакое решение не может обязать ее по отношению к ней же, ибо она тождественна с народным организмом. Не может быть никакого основного закона, связывающего народный организм. Народ в праве отменить даже X общественный договор. Но, конечно, нарушение акта, составляющего его основу, т.е. общественного договора, уничтожает и самый народный организм, С другой стороны, нет никакой нужды в гарантиях, защищающих подданных от верховной власти. Невозможно, чтобы политическое тело пожелало вредить своим членам. Наоборот, необходимы гарантии, обеспечивающие выполнение подданными их обязательств по отношению к верховной власти, так как у индивидуума есть частные интересы, которые могут не совпадать с интересами общины. Поэтому общественный договор молчаливо предусматривает, что верховная власть принуждает подчиниться общей воле гражданина, который отказывается ей повиноваться. "Это означает, - говорит Руссо, - лишь то, что его заставят быть свободным"¹².

"Общественный договор дает политическому телу неограниченную власть над всеми его членами". Эта власть распространяется и на самую жизнь гражданина. Жизнь в гражданском состоянии не есть уже простой дар природы, она - условный дар государства. Целью общественного договора является сохранение жизни договаривающихся. Но если вы хотите сохранить свою жизнь при помощи других, то вы должны быть готовы также и отдать ее за других, когда это понадобится. Если гражданину говорят: для государства необходимо, чтобы ты умер, - он должен умереть. Возможность смертной казни преступников имеет в основе аналогичное рассуждение. Чтобы не стать самой жертвой убийцы, люди при заключении общественного договора соглашались умереть, если станут убийцами. Кроме того, человек, совершив преступление, тем самым нарушил общественный договор, он перестал быть членом общины, как бы объявив ей войну, в таком случае, "сохранение государства несовместимо с сохранением его жизни"¹³.

Отдавая себя целиком общине, индивидуум тем самым отдает ей и принадлежащее ему имущество. В противоположность теории энциклопедистов, Руссо утверждает, что в силу общественного договора государство является хозяином всего имущества всех своих членов. Но, принимая имущество частных лиц, государство не отнимает его у них, а обеспечивает за ним законное владение. Только государство превращает захват в право, а пользование - в собственность. Право собственности - создание государства; и оно всегда подчинено верховному праву на все земли, которое остается общиной. Руссо заканчивает этот ряд рассуждений о собственности выводом, еще раз свидетельствующим об его отказе от позиции, которую он занимал в отношении гражданского состояния в "Происхождении неравенства". "Основной договор, - утверждает Руссо, - отнюдь не разрушает естественного равенства. Наоборот, он замещает физическое неравенство природы моральным и законным равенством. Если люди могут быть неравны по силе и по уму, то они становятся равными по договору и праву"¹⁴.

Целью государства является общее благо; направлять государство может поэтому только общая воля, которая никогда не может быть отчуждаема. Верховный властелин, являющийся коллективным существом, может быть представлен только самим собою, он никому не может передоверить свою волю. Всякое передоверие означало бы замену общей воли частной. А частная воля не может в течение длительного периода совпадать с общей, так как она неизбежно стремится к преимуществам, тогда как общая воля стремится к равенству. Народ, передающий свою волю кому-либо, обещающий кому-либо слепо повиноваться, уничтожает себя как народ. "Как только появляется повелитель, нет больше верховного властелина, и тем самым политический организм разрушен"¹⁵.

Отрицая возможность передоверия воли верховного властелина-народа, Руссо последовательно приходит к отрицанию идеи народного представительства. В нормальном Государстве граждане всегда отдают предпочтение общественным делам перед частными; каждый гражданин "летит" на собрание. Упадок интереса к общественным делам есть симптом охлаждения патриотизма, роста влияния частных интересов, роста богатств, вообще - разложения государства. Тогда-то и изобретается народное представительство, национальные собрания депутатов. Граждане утрачивают сознание гражданского долга. Вместо того, чтобы идти на войну, они нанимают солдат, вместо того, чтобы самим законодательствовать, они выбирают депутатов; солдат, чтобы поработить отечество, депутатов, чтобы его продать. Закон, утвержденный представителями и не утвержденный народом, - не закон. "Английский народ считает себя

свободным и очень ошибается; он свободен только во время выборов членов парламента; как только они избраны, он - раб, он - ничто"¹⁶.

Воля суверена или общая воля может быть выражена, таким образом, только при помощи непосредственного решения всей совокупности граждан. Но общая воля не есть простая сумма частных желаний, не есть воля всех. Воля всех отражает частные интересы. Для пояснения того, как из воли всех получается общая воля, отражающая общий интерес, Руссо прибегает к математическому сравнению. Отнимите, говорит он, от суммы частных желаний плюсы и минусы, которые взаимно уничтожаются, и в сумме разностей получается общая воля¹⁷. Как происходит этот мистический процесс элиминации частных интересов, почему в конце концов из большого числа различий получается общая воля, - остается неясным. На практике для выявления общей воли Руссо предлагает простой и общераспространенный способ решения вопросов путем голосования. Единогласие необходимо, по его мнению, лишь в одном случае - при заключении общественного договора. Для решения всех остальных вопросов достаточно простого большинства. Однако, по мнению Руссо, в здоровом народном организме, где всеобщая воля преобладает над частными интересами, в собраниях царит согласие и единодушие. Долгие споры и разногласия свидетельствуют об упадке государства, о росте частных интересов. Наконец, когда граждане превращаются в рабов, народ перестает обсуждать, он лишь обожает или проклинает - вновь устанавливается единогласие¹⁸.

Для того чтобы из соединения частных стремлений получилась действительно общая воля, необходимо, чтобы каждый гражданин входил в эту сумму со своими желаниями как отдельный индивидуум. Лучше всего, чтобы граждане перед вынесением решения не имели между собою никакого общения. Объединения граждан, стоящие между сувереном и индивидуумами, вредны. При наличии союзов между гражданами множество мелких индивидуальных различий заменяется небольшим числом более крупных различий. Их сложение, по мнению Руссо, не приводит к взаимному уничтожению, и получается менее всеобщий результат. Так, в своем гипертрофированном индивидуализме Руссо приходит к принципиальному отрицанию системы политических партий¹⁹, сходясь в этом с физиократами. С точки зрения Руссо это, несомненно, вполне последовательно. Для него борьба "частных интересов" не есть сила, определяющая "общую волю", это - препятствие, которое должно быть устранено, чтобы "общая воля" получила свою реализацию. Следовательно, политические партии, объединяющие частные интересы, не содействуют, а противодействуют выявлению общей воли. Само собой разумеется, что в основе всего этого рассуждения лежит совершенно утопическое представление о политической жизни. В этой утопии подлинное содержание политической жизни классового общества - борьба интересов - путем некоторой математической манипуляции приводится к нулю; его место занимает абстрактная общая воля, объединяющая всех, каково бы ни было различие их реальных стремлений.

Целью общей воли является общее благо. Всякое законодательство должно стремиться к этой цели. Общее благо в первую очередь выражается в двух вещах - в свободе и в равенстве. Свобода и равенство должны быть, следовательно, руководящими принципами хорошего законодательства²⁰. Однако из этого не следует, что законодательство должно быть одинаковым для разных стран. Наоборот, оно должно приспособляться к местному положению и к характеру обитателей каждой страны. Законодательная система неизбежно содержит ряд правил, общих для всех, но наряду с этим в ней должны быть особенности, делающие ее пригодной именно для данного народа. Следуя в этом вопросе за Монтескье, Руссо указывает в виде примера, что для еврейского и арабского законодательств специфической является забота о религии, для карфагенского - торговля, для спартанского - война, для римского - добродетель²¹.

Таковы основные требования, предъявляемые к хорошему законодательству. Но Руссо не считает, что хорошее законодательство возможно в любой стране, при любых условиях. Он принимает теорию климата Монтескье, разумея под климатом природные условия вообще.

Развивая мысль о влиянии климата, Руссо дает ей своеобразную и интересную экономико-материалистическую интерпретацию. Гражданская община как коллективный организм потребляет, но ничего сама не производит. Она получает все потребляемое ею посредством труда своих членов. Следовательно, для того, чтобы она существовала, этот труд должен давать больше того, что необходимо для самих трудящихся. Государство существует на излишек производимого гражданами; а этот излишек различен в разных странах и зависит от природных условий²². Там, где продукты земли не оправдывают затраченного труда, могут жить только дикари. Где труд дает лишь необходимое, могут жить варвары, но гражданский порядок там невозможен. Таким образом, самое существование общества, основанного на общественном договоре, мыслимо лишь при наличии, определенных экономических предпосылок.

Помимо условий географических, возможности законодательства ограничены также условиями историческими. Рассуждение об исторических условиях - одно из немногих мест в "Общественном договоре", где сквозь толщу рационалистических рассуждений пробивается струя исторической диалектики, столь сильной в других произведениях Руссо. Каждое общество, - говорит Руссо, - переживает жизненные периоды, аналогичные возрастам у индивидуума, - мы знаем уже эту теорию по "Происхождению неравенства". Политический организм начинает умирать со дня своего рождения и в себе самом носит причины своего разрушения. Этот процесс неизбежен. Наилучше устроенная конституция может лишь продлить жизнь государства, но не может спасти его от смерти. На различных ступенях своего развития народ не одинаково способен к усвоению хороших законов. Наиболее восприимчивы народы в своей молодости. Чем ближе к старости, тем более они неисправимы. Изменять установившиеся обычаи и укоренившиеся предрассудки - бесполезное и опасное дело²³.

К этому ряду пессимистических мыслей Руссо возвращается неоднократно. Тем более интересно, что в "Общественном договоре" он делает попытку найти и для старых народов выход к "хорошему" законодательству. Этот выход он открывает в революции. Уже в "Происхождении неравенства" Руссо оправдывает революцию, как законный способ борьбы против деспотизма, нарушившего общественный договор: с нарушением договора люди получают вновь свою естественную свободу²⁴. В "Общественном договоре" он оценивает революцию не с точки зрения причин, ее вызывающих, а с точки зрения ее возможных результатов, и приходит к положительному выводу. Революции производят на народы такое же действие, как кризисы, связанные с болезнью, на отдельных лиц. Государство, охваченное гражданскими войнами, как бы возрождается и, вырвавшись из объятий смерти, вновь приобретает силу молодости. В такие моменты государство, забыв о предрассудках, может усвоить хорошие законы. В качестве примеров Руссо указывает не только Спарту времен Ликурга или Рим времен Тарквиниев, но и более достоверные и близкие по времени перевороты в Голландии и Швеции²⁵. Историческое оправдание революции в "Общественном договоре", несомненно, сыграло свою роль в революционном воспитании радикальной части французской буржуазии.

Руссо считает верховную власть неделимой. Она принадлежит суверену-народу и может принадлежать только ему. С этой точки зрения он критикует теорию разделения власти Монтескье. Но это отнюдь не значит, что он объединяет законодательную власть с исполнительной. У него понятие верховной власти целиком отождествляется с понятием законодательной власти. Верховная власть или общая воля принимает решения, имеющие всеобщее значение. Именно такие решения называются районами. Но политическое тело должно обладать как волей, так и силой. Последняя есть власть исполнительная. Ее действия не имеют всеобщего значения они состоят из отдельных актов, которые не входят в компетенцию верховной власти. Агент общественной силы, приводящий ее в действие согласно общим решениям общественной воли, - такова исполнительная власть. Ее нельзя смешивать с верховным властелином, по отношению к которому она является простым исполнителем. Отправление исполнительной власти называется правительством; человек или орган, на который она возложена, называется государем или магистратом. Акт, которым учреждается правительство, не есть договор между народом и государем. В этом вопросе Руссо резко расходится с энциклопедистами. Немыслим договор, в котором одна сторона обязуется повелевать, а другая повиноваться. Есть лишь один договор - договор, образующий гражданскую общину. Всякий договор, который ограничивал бы верховную власть народа, уничтожил бы основной общественный договор. Носители исполнительной власти не начальники народа, а его чиновники; он может назначать и сменять их, когда ему угодно; их функции основываются не на договоре, а на повиновении долгу, возложенному на них государством²⁶.

Формы правления для Руссо - лишь формы организации исполнительной власти. Верховная власть принадлежит народу при любой форме правления. Но народ может вручить исполнительную власть большей части народа, или небольшому числу людей, или одному человеку. В первом случае мы имеем демократию, во втором - аристократию, в третьем - монархию. Руссо утверждает, что каждая из этих форм может быть наилучшей при одних условиях и наихудшей при других. Для государства при данных отношениях может быть хорошей только одна форма правления, но при изменении этих отношений изменяется и наилучшая для этого государства форма правления. Народ в праве всегда отменить существующую форму и учредить новую²⁷. К числу условий, определяющих форму правления, Руссо относит климат, размеры государства, плотность его населения. Так, в странах с богатой плодородной почвой наиболее целесообразна монархия; в странах со средним избытком - свободный строй. Так, демократия подходит для не больших государств, аристократия - для средних, монархия - для больших. Однако Руссо, как и Монтескье, знает способ соединения могущества большого государства с гражданским строем небольшого - эту проблему разрешает федеративная система²⁸.

Отказываясь от абсолютной оценки форм правления, Руссо, тем не менее, не скрывает своих собственных политических симпатий.

Демократию в точном смысле слова он считает невозможной. Она "никогда не существовала и никогда не будет существовать". Народ создает законы; нецелесообразно, чтобы он же их и исполнял. Нельзя себе представить, что народ все время собран для отправления функций исполнительной власти. К тому же занятие правительственными делами может отвлечь внимание народа как законодателя от общих целей. Демократический способ правления пригоден не для людей, а для богов²⁹. Монархия - самая мощная форма правления. В ней «все пружины государственного механизма сосредоточены в одной руке. Но за то ни при какой другой форме частная воля не обладает такой большой силой. Частная воля может легко все себе подчинить и направить силу администрации во вред государству. Монархи никогда не довольствуются той властью, которую дает им любовь народа. Они всегда отдают предпочтение принципу, который приносит им непосредственную пользу. Поэтому они стремятся не к тому, чтобы народ был цветущим и грозным, а к тому, чтобы он был слаб и беден, чтобы он не мог им противостоять. Главный недостаток монархии состоит в том, что при ней возвышаются обычно плуты, проныры и интриганы, которые, достигнув своими происками высоких должностей, сразу же обнаруживают перед обществом свою глупость. Народ при выборе ошибается гораздо реже, чем монарх, и обычно выбирает просвещенных и умных людей. "Человек с настоящими достоинствами почти так же редок в министерстве, как дурак во главе республиканского правительства"³⁰. При выборной монархии в управлении нет последовательности, а выборы сопровождаются опасными смутами. При монархии наследственной всегда есть риск, что во главе правления окажутся дети, изверги или идиоты. Обычно сторонники монархии исходят из предположения, что монарх именно таков, каким он должен быть. Но это значит сознательно обманывать себя. "Чтобы узнать, что представляет собой эта форма правления, ее надо рассмотреть, имея в виду ограниченных и дурных государей, так как такими они вступают на престол или такими их делает престол"³¹.

На ряду с суждениями, подобными выше приведенным, у Руссо можно найти целый ряд смягчающих оговорок. Тем не менее, его отрицательное отношение к монархии совершенно бесспорно. Во всяком случае, для развития политической мысли предреволюционной Франции резко отрицательные оценки Руссо имели несравненно большее значение, чем его почтительные и явно неискренние заявления, приравнивающие приказания монархов общей воле на том весьма сомнительном основании, что "всеобщее молчание необходимо предполагает народное согласие"³². Положения подобного рода должны были восприниматься как своеобразная защитная маскировка, искусно прикрывающая подлинные тенденции автора. А эти тенденции были, несомненно, республиканскими.

Наилучшей формой правления Руссо считает ту, при которой должностные лица избираются народом. Общественное уважение создается честностью, просвещением, опытом. Поэтому народное избрание гарантирует мудрость правительства. А управление мудрых есть, несомненно, наилучшее и наиболее естественное управление. Такое управление Руссо называет выборной аристократией. Он знает, конечно, и другие виды аристократии: патриархальную и наследственную. Патриархальная, или власть старейших, годится только для первобытных народов; наследственная, при которой власть переходит от одного к другому в пределах богатых, патрицианских фамилий, - наихудшая форма правления. Выборная аристократия есть аристократия в настоящем смысле слова, т.е. правление лучших³⁴.

Правительство, даже избранное народом, осуществляет исполнительную власть в пределах существующих законов. Правительство получает свое существование от верховного властелина-народа. Господствующей волей правительства как органа подчиненного, должна быть всеобщая воля, т.е. закон. Когда правительство управляет государством не по законам, оно захватывает верховную власть. А захват правительством верховной власти есть нарушение общественного договора и разрушение государства. В подобных случаях граждане возвращаются к своей естественной свободе. Они могут быть вынуждены повиноваться; но они уже не обязаны повиноваться. Правительства имеют как бы естественную тенденцию к узурпации. Под предлогом охраны общественного спокойствия им очень легко расширить свои права и страхом наказаний заставить народ молчать, чтобы затем истолковать это молчание в пользу своей узурпации. Так опровергает Руссо свое собственное заявление о "всеобщем молчании" как своеобразном изъятии общей воли.

Чтобы противодействовать опасности захвата верховной власти правителями, Руссо рекомендует установить законом определенные сроки для особых периодических народных собраний, - сроки, которых никто не мог бы отменить и отложить. Во время деятельности народных собраний исполнительная власть вообще прекращает свое существование: где есть представляемый, т.е. народ, там нет представителя, т.е. правительства. Но указанные периодические собрания имеют по отношению к форме правления учредительные функции. На каждом таком собрании должны быть прежде всего поставлены два вопроса; угодно ли верховному властителю сохранить существующую форму правления? Угодно ли народу оставить заведывание ею в руках тех, на кого оно возложено в данное время?³⁵

Таким образом, Руссо стремится поставить исполнительную власть в условия, которые затруднили бы для нее вторжение в сферу компетенции народа-законодателя. Тем не менее, он признает, что бывают исторические моменты, когда исполнительной власти могут быть предоставлены полномочия управлять, не считаясь с законами, и приостанавливать на время деятельность верховной власти народа. В эпоху кризисов, - рассуждает Руссо, - когда дело идет о спасении отечества, недостаточная гибкость законов может явиться причиной гибели государства. В таких случаях строгое соблюдение всех форм, требующих слишком большого времени, было бы недопустимо. Если опасность так велика, что законы служат препятствием для спасения от этой опасности, то необходимо избрание достойного лица, которое заставляет смолкнуть все законы. Первое желание народа - предотвратить гибель государства. Поэтому чрезвычайные права такого диктатора не стоят в противоречии со всеобщей волей. Диктатура должна, однако, устанавливаться на определенный, по возможности короткий срок. Если диктатура остается в силе после того, как вызвавшая ее опасность миновала, она становится бесполезной, и возникает новая опасность - ее превращения в тиранию³⁶.

Идеальное государство Руссо имеет свою санкцию в свободном разумном соглашении индивидуумов, движимых общим интересом. Основы этого государства, казалось бы, не нуждаются в санкции религиозной. Все частные интересы при образовании общей воли взаимно уничтожаются, всеобщая воля естественно складывается из волей индивидуальных без вмешательства внешних сил. Построение Руссо не предполагает необходимости иных мотивов у индивидуума, кроме мотивов рациональных. Однако убеждение в их достаточности для преодоления частных интересов, очевидно, не было у Руссо совершенно неизменным. Во всяком случае, в заключительной главе "Общественного договора" он считает необходимым для прочности государства ввести дополнительно мотивы религиозные. Законы сверх той силы, которую они извлекают из них самих, должны иметь еще и другую силу. Эту силу и дает им религия. Руссо опровергает Бейля, доказывавшего, что религия бесполезна для государственного организма. Наоборот, нет, по его мнению, ни одного государства, основой которого не служила бы религия. "Государство чрезвычайно заинтересовано в том, чтобы каждый гражданин исповедовал религию, которая заставляет его любить свой долг"³⁷.

Христианство не может быть такой религией. Для Конституции государства христианство скорее вредно. Римское христианство, т.е. католицизм, дает людям два закона, возлагает на них противоречивые обязанности по отношению к светской и духовной власти, нарушает единство общества. Чистое христианство евангелия также непригодно для общественной жизни. "Общество настоящих христиан не было бы обществом людей". Родина христианина не от мира сего; ему свойственно безразличие к делам мира. Он благословляет карающего господя, когда его государство разрушается. "Христианская республика" невозможна. Настоящие христиане созданы для рабства. Дух христианства благоприятствует тирании, и она всегда им пользуется³⁸.

Для государства догмы религии представляют интерес лишь постольку, поскольку они имеют отношение, к морали и обязанностям граждан. Другой мир не подлежит компетенции верховной власти, ее не касается судьба ее подданных в будущей жизни. Но догмы, от которых зависит общественное поведение, без которых нельзя быть хорошим гражданином, - должны устанавливаться верховной властью. Их совокупность составляет "гражданскую религию". Эти догмы очень просты: существование всемогущего, разумного, благодетельного и заботливого божества, будущая жизнь, блаженство праведных, наказание злых, святость общественного договора и законов. Во всем остальном каждый может держаться какого угодно мнения. Но того, кто не верит в положения гражданской религии, государство в праве изгнать - не как неверующего, но как антиобщественного человека. Того же, кто публично заявляет, что он верит, а ведет себя так, как неверующий, - государство должно предать смерти, ибо он солгал перед законами³⁹.

Политическая теория Руссо представляет крайнее выражение радикализма XVIII в. Идеи общественного договора и народного суверенитета проведены в ней с исключительной последовательностью. Именно в той форме какую им придал Руссо, эти идеи были усвоены подлинными республиканцами эпохи революции - якобинцами. Теоретические основы их политических воззрений формировались под преимущественным влиянием "Общественного договора". Не менее бесспорно влияние на них Руссо и в вопросах практической политики. У Руссо черпали они аргументы в пользу выборности должностных лиц; но у Руссо же находили они доводы и в пользу революционной диктатуры. У Руссо, в его учении о верховном праве государства на имущество граждан, находили они теоретическое обоснование своих социальных мероприятий: борьбы со спекуляцией, государственного регулирования цен, принудительных займов и т.п. Наконец, Руссо вдохновлял Робеспьера в его борьбе с "атеистами" и в организации культа "Верховного существа". Для Робеспьера Руссо был "гений свободы", "истинный друг человечества". Политические идеи Руссо сыграли в XVIII в. крупнейшую революционную роль. В развитии республиканской и демократической мысли "Общественный договор" является весьма значительным этапом.

Историческая роль "Общественного договора" и характерные особенности его построения в равной мере обусловлены социальным генезисом политической философии Руссо. В "Общественном договоре", при всем своеобразии построения этого трактата, Руссо остается тем же идеологом мелкой буржуазии, каким мы знаем его по "Происхождению неравенства" и по другим работам. Отражая политические настроения мелкой буржуазии предреволюционной эпохи, Руссо создал политическую концепцию, в которой он достиг предела теоретического радикализма для политической мысли, не выходящей за грани буржуазного кругозора.

В течение первого периода революции французская буржуазия делала ряд попыток разрешения стоящих перед нею исторических задач на путях компромисса. В этот период влияние Руссо как политического мыслителя было невелико. Для отношения либеральной буржуазии к политическим идеям Руссо характерна вышедшая в 1788 г. книга де Сталь "Письма о Руссо". Книга полна похвал Руссо, но как политика де Сталь ценит его невысоко. Сопоставляя Руссо с Монтескье, автор подчеркивает реализм Монтескье и "умозрительность" Руссо. Она отдает предпочтение первому, ибо несовершенная, но возможная система полезнее безупречного плана, построенного в воображении и не считающегося с реальными отношениями. В "Декларации прав" 1789 г. (ст.2) и в Конституции 1791 г. мы находим, конечно, принцип народного суверенитета, но без республиканских и демократических выводов. Мы находим также понимание закона как выражения общей воли. Но мы знаем, что в общей форме эти принципы признавали и энциклопедисты. В написанных по предложению французской Академии похвальных словах Руссо политические идеи Руссо либо вовсе игнорируются, либо признаются противоречивыми и непрактичными. В 1791 г. Мерсье, горячий поклонник Руссо, отмечает, что "Общественный договор" читали меньше других книг Руссо, но теперь над ним начинают размышлять⁴⁰. Но задачи буржуазной революции могли быть разрешены во Франции лишь путем радикальной ломки всех старых форм. Попытки компромисса с монархией были обречены на неудачу. После того как подымающаяся все выше революционная волна смела сторонников компромисса, после того как теории компромисса были дискредитированы ходом революционных событий, "Общественный договор" Руссо, естественно, должен был стать и действительно стал теоретическим знаменем революции.

Руссо не смог подняться до исторического обоснования демократического идеала. Несмотря на гениальные проблески диалектического и материалистического понимания общественных явлений, Руссо строит свою аполитическую систему строго рационалистическим методом, господствующим в буржуазной общественной науке его времени. В результате получается некая политическая утопия, резко противостоящая реально существующему политическому порядку и потому оказывающаяся в эпоху революции великолепным орудием борьбы с этим порядком. Эта утопия, при всем радикализме предлагаемых ею политических форм, покоится, однако, на очень неустойчивом основании. Государство, изображаемое Руссо в "Общественном договоре", строится в классовом обществе, где существуют противоречия классовых интересов, - "частных интересов", по терминологии Руссо. Руссо, как мы знаем, не мечтает о полном уничтожении классов. Он стремится лишь к установлению в обществе некоторого относительного равенства, к "ограничению богатства" при сохранении частной собственности. Но противоречия интересов могут исчезнуть только с исчезновением классов. Идея взаимного уничтожения интересов, очищающего путь всеобщей воле, есть прикрытая математической формулировкой мелкобуржуазная идея примирения классовых противоречий.

Столь же мелкобуржуазна по своему социальному генезису идея гражданской религии. Общество Руссо, если отрешиться от политических форм, совершенно аморфно; оно не знает никаких общественных организаций, оно - простая совокупность индивидуумов. Это-представление, в полной мере соответствующее психологии независимого товаропроизводителя. Но индивидуумы, не связанные ни узами классовой солидарности, ни единством политических целей, даже не имеющие права совещаться друг с другом, в то же время, вопреки "частным интересам", образуют единое политическое тело с единой волей. Вполне естественно стремление скрепить это, лишенное внутренней связи сооружение цементом религиозных стимулов. В бесклассовом обществе религиозная санкция совершенно излишня; для пролетариата система "гражданской религии" так же чужда, как и система религии "откровения". Для мелкобуржуазной индивидуалистической утопии гражданская религия необходима как противовес сохраняющим свою силу капиталистическим тенденциям, непрерывно угрожающим самому существованию мелкобуржуазной демократии, как узда для богатых и утешение для бедных. Закономерность религиозной санкции в системе Руссо была наглядно и убедительно подтверждена религиозной политикой робеспьеровского Комитета общественного спасения.

III

Среди дореволюционных политических писателей большим авторитетом пользовался в последние десятилетия перед революцией и в первые годы революции уже известный нам аббат Мабли. Современники ставят его имя рядом с именами Монтескье и Руссо. И, действительно, Мабли внес в складывающуюся политическую идеологию буржуазии ряд новых черт. Теоретические основы политической системы Мабли позволяют сблизить его со школой Руссо. Однако политические взгляды Мабли сложились у него, повидимому, совершенно независимо от влияния Руссо. Во всяком случае, они изложены с достаточной полнотой в произведении, написанном в: 1758 г., т.е. за несколько лет до выхода в свет "Общественного договора" ("О правах и обязанностях гражданина").

Единственным источником верховной власти для Мабли, как и для Руссо, является народ. Но мы знаем уже из изложения социальных взглядов Мабли⁴¹, что общественный порядок не отделяется у него от естественного порядка резкой гранью, какой служит в учении Руссо общественный договор. Люди предназначены природой к общественной жизни. Единственной целью, ради которой они образуют общественный союз, является их благо. Общественный порядок отнюдь не отменяет естественных прав человека-свободы и равенства; их не в праве отнять никакая власть. Лишение человека его естественных прав противоречит той цели, для которой люди вступили в общество. Функции общественной власти аналогичны функциям разума в человеке. Разумное начало в человеке нередко уступает влечению страстей. Правительства создаются для укрепления разумного начала. Законы должны служить уздой и руководителями страстей⁴². Из этого следует, что правительства должны действовать сообразно требованиям разума, имея в виду обеспечение естественных прав и счастья граждан. Если же правительство принимает меры неразумные, вредные, то каждый гражданин в праве требовать его изменения. Это не только неотъемлемое право, но и долг гражданина. Неповиновение ведет к смутам; но слепое повиновение ведет к рабству⁴³. Был бы совершенно бессмысленным договор, отдающий народ полностью во власть правителя; такой договор не может связывать разумное существо. Такого договора никогда не было. Первоначально народы давали своим вождям лишь временную и мало определенную власть. Они повиновались вождям, отнюдь не считая себя ниже их. Лишь постепенно эти вожди узурпировали абсолютную власть⁴⁴.

Законодательная власть, естественно, принадлежит суверенному народу. Передача ее в руки монарха или аристократии всегда ведет к превращению законодательства в орудие личных страстей. Но защищая законодательную власть народа, Мабли, в отличие от Руссо, не считает целесообразной систему прямого народного законодательства. Интересно, что он отвергает эту систему не из-за технических неудобств, но по соображениям существа дела. История Греции, - заявляет Мабли, - учит тому, что демократия капризна, неустойчива и тиранична. Масса, сама создавая законы, склонна относиться к ним с известным презрением, так как она знает, как влияют на их принятие интриги, сговоры, борьба партий, опрометчивость решений. Поэтому Мабли защищает идею народного представительства. Органом, законодательствующим от имени народа, должно быть собрание избранных народом представителей, которое способно выносить продуманные решения. Деятельность этого представительного собрания должна быть обставлена рядом строго соблюдаемых формальностей⁴⁵. Каждый депутат должен быть связан обязательным для него мандатом избирателей, которые во всякое время могут дезавуировать своего представителя.

Несмотря на то, что принцип равенства Мабли ставит впереди принципа свободы, несмотря на то, что Мабли защищает уравнительное социальное законодательство, - в вопросе об избирательном праве он занимает нечеткую, колеблющуюся позицию. По природе все люди имеют равные права⁴⁶. Это для него бесспорно; и в то же время, в большинстве своих произведений Мабли высказывается против всеобщего избирательного права. У этого уравнивателя есть некоторый страх перед массами. По его мнению, те, кто живет за счет заработной платы, получаемой от богатых, неизбежно духовно принижены своим трудом. Закон должен признавать и в них некий "род граждан". Но они не должны быть допускаемы к участию в народных собраниях политического значения⁴⁷. Крайняя демократия может легко вырождаться в тиранию. Поэтому допускать к управлению государством надлежит лишь тех, кто чем-либо владеет⁴⁸. Таким образом, Мабли развивает аргументацию в пользу деления граждан на "активных" и "пассивных", - деления, принятого Учредительным собранием и вошедшего в Конституцию 1791 г.

Мабли высказывается против соединения исполнительной и законодательной власти. Такое соединение ведет к крайнему угнетению. Но Мабли отнюдь не сторонник равновесия властей. Исполнительная власть является у него подчиненным органом власти законодательной. Исходя из принципа народного суверенитета, он защищает выборность должностных лиц. Но он против непосредственного избрания органов исполнительной власти народом, ибо это может, по его мнению, создать для магистратов независимое положение по отношению к законодательному собранию. Должностные лица должны быть избираемы законодательным собранием и подотчетны ему. Как гражданин обязан повиноваться исполнительной власти, так исполнительная власть

обязана повиноваться законодательной. Во избежание опасности чрезмерного усиления исполнительной власти ее функции должны быть по возможности раздроблены, а сроки полномочий избранных лиц по возможности коротки и не возобновляемы⁴⁹. Исполнительная власть, таким образом, не должна быть представлена единой корпорацией. Это - совокупность отдельных лиц, получивших от законодательного собрания отдельные поручения и между собою не связанных. Совершенно ясно, что принцип разделения властей имеет в системе Мабли одностороннее значение. Это лишь средство, препятствующее вторжению исполнительной власти в сферу законодательства, но не наоборот.

Политический идеал Мабли - республика. Он горячо приветствует торжество республиканских принципов в Соединенных Штатах Америки. Наследственная или пожизненная власть, по его мнению, всегда имеет тенденции превратиться в тиранию. Но Мабли считает с укоренившимися взглядами, с многовековым господством монархического порядка. К тому же, он боится слишком крутых поворотов. Он склонен поэтому сохранить монархию там, где она существует, лишив, однако, монарха всякой реальной власти. Английская конституция, как она изображена в "Духе законов", его совершенно не удовлетворяет. Утверждают, - говорит Мабли, - что существующее будто бы в Англии равновесие властей обеспечивает свободу. Но это совершенно неверно. О равновесии не может быть и речи, хотя бы уже потому, что король может по своему произволу созывать и распускать парламент. Король многое может сделать без согласия парламента; парламент ничего не может сделать без короля. Король может приостановить действие парламента, а парламент не в состоянии заставить короля утвердить принятые парламентом билли. Где же здесь равенство? - спрашивает Мабли. И не ясно ли, что та власть, которая имеет перевес, имеет возможность все более расширять сферу своих полномочий. Законодательная власть подчинена в Англии власти исполнительной, - отношение, губительное для государства. Действительно обеспечить свободу англичане смогут, только отняв у королевской власти ряд ее преимуществ. Необходимо лишить короля права распоряжаться деньгами, возможности подкупа посредством почестей, права объявлять войну и заключать мир, власти над войском, права созыва и роспуска парламента, права налагать свое veto на решения парламента⁵⁰. Таким образом, король сохраняет в системе Мабли лишь декоративно-символическое значение. Не удивительно, что за теорией Мабли утвердилось наименование теории республиканской монархии.

Сторонник равенства, Мабли считает несовместимым с принципами права существование политических привилегий. Отсутствие привилегий позволяет ему смотреть с надеждой на будущее американского народа. Он находит весьма мудрой пенсильванскую конституцию, так как она устанавливает единую законодательную палату, избранную всеми свободными гражданами республики. Аристократию как форму власти Мабли решительно отвергает, ибо она неизбежно вырождается в олигархию и тиранию. Феодальное правление - нечто прямо противоположное цели общества. Однако и в этом вопросе он рекомендует соблюдать осторожность. Отмена сословных привилегий в монархическом государстве очень опасна, так как она может повести лишь к усилению деспотизма.

Мабли не согласен с Монтескье не только в оценке английской конституции. Он критикует также теорию климата, оправдывающую разнообразие законов и обычаев. Счастье людей, - говорит он, - зависит не от гор и морей, а от страстей. Страсти и разум, органы и потребности у всех людей одинаковы. Препятствием к установлению хороших законов является не климат, а страсти и вырастающие из них нравы⁵². Мы знаем, что Мабли признает право народа на восстание против вредных правительств - право на революцию. Но революции всегда противостоит инерция духа - традиция. Против привычки революционный энтузиазм бессилен. Удачные революции возможны лишь тогда, когда они давно подготовлены⁵³. Есть надежда на успешное преобразование, если государству грозит гибель от плохих законов. Во всяком случае, Мабли считает необходимым, чтобы народ пользовался своим правом на революцию и очень обдуманно и осторожно. В деспотиях он не считает возможной удачную революцию. А в умеренных монархиях не всегда революция является единственным выходом, так как можно надеяться на реформы со стороны доброжелательного государя⁵⁴.

Интересно, как представляет себе Мабли перспективы политических преобразований во Франции. Он предполагает, что инициатива преобразований будет принадлежать парламенту, который возглавит, таким образом, движение за свободу и против деспотизма. Надо пользоваться существующими правами, чтобы приобретать новые. Парламент, пользуясь своим правом протеста, сможет противодействовать установлению новых налогов без согласия Генеральных Штатов⁵⁵. Если народ твердо поддержит парламент, то Генеральные Штаты будут созваны. Тотчас же появится тысяча брошюр, разъясняющих народу его интересы. Первой задачей Генеральных Штатов будет упрочение своего собственного существования путем выработки основного закона, предусматривающего обязательный созыв, в определенные сроки, народных представителей. Этот созыв не должен зависеть от произвола монарха. Никто не должен иметь возможности распустить штаты или прервать их работу. Задача составления основного закона -

- первоочередная задача. Если ее не удастся разрешить, - все потеряно. Утвердив права народного представительства, нетрудно будет далее их укреплять и расширять мирным путем без всякого насилия. Если же Генеральные Штаты вместо выработки основного закона возьмутся сразу за устранение всех злоупотреблений, то все, чьи интересы нарушены этим, соединятся для того, чтобы помешать преобразованиям⁵⁶.

Как мы видим, в прогнозе Мабли не мало черт, свидетельствующих о незаурядной тонкости наблюдения и предвидения. И все же этот прогноз имеет характер утопии, поскольку он предполагает возможным преобразование французского абсолютизма в конституционную монархию мирным путем и без нарушения интересов тех классов, на которые абсолютизм опирался.

1 Mornet. Les enseignements dee bibliotheques privees (1750-1780). Revue d'histoire litteraire, XVII, juill.-sept. 1910.

2 Oeuvres completes de J. J. Rousseau.

3 Ibid., VIII, 44.

1 Ibid., 27.

2 Ibid., 37-38.

4 Ibid., 14-15.

5 Ibid, 25.

6 Ibid., 28.

7 Ibid, 29-30,

8 Ibid., 31.

9 Ibid, 33-35.

10 Ibid., 61-63,

11 Ibid., 174-177.

12 Ibid., 61-62.

13 Ibid., 196-197.

14 Ibid., 45-47.

15 Ibid., 38-44.

16 Ibid, 52-53.

17 Ibid, 95

18 Ibid., 98.

22 Ibid., 144-145.

23 Ibid, 80-81; 164-165.

24 Oeuvres, I, 124-125.

25 Oeuvres, II, 81.

26 Ibid., 103-105.

27 Ibid., 121; 107; 109; 105.

28 Ibid, 180.

29 Ibid., 125.

30 Ibid, 135.

31 Ibid., 141.

32 Ibid., 47.

34 Ibid., 127.

35 Ibid., 189.

36 Ibid., 230-231; 235.

37 Ibid., 248; 257.

38 Ibid., 252; 255.

39 Ibid., 258-259.

40 Williams. The influence of Rousseau on the political opinion, English Historical Review, N. 191, 1933.

41 См. выше, стр.70; Oeuvres completes de Mably, IX, 24, 56- 57, 1792.

42 Ibid. IX, 24-25 (De la legislation).

43 Ibid., XI, 340-341 (Des droits et des devoirs du citoyen).

44 Ibid., XII, 412-43 (De l'etude de l'histoire).

45 Ibid., IX, 244 и ел.

46 Ibid., XI, 173 (Doutes sur l'ordre naturel).

46 Ibid., X, 84-85.

47 Ibid., VIII, 307 и сл. (Des Etets Unis d'Amerique).

СОЦИАЛЬНЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИДЕИ
ВО ФРАНЦИИ ПЕРЕД РЕВОЛЮЦИЕЙ

М.-Л.: АН СССР. 1940

Vive Liberta и Век Просвещения, 2010

- 48 Ibid., VIII, 317.
49 Ibid., XII, 52-53.
50 Ibid., XII, 197-210.
51 Ibid., K, 20-21.
52 Ibid; IX, 204-207.
53 Ibid, IX, 131.
54 Ibid, XI, 231.
55 Ibid, XI, 400 и сл.
56 Ibid., XI, 415, 418-420.

Глава 8. БУРЖУАЗНЫЙ РАДИКАЛИЗМ НАКАНУНЕ РЕВОЛЮЦИИ

Рост недовольства существующим политическим порядком находит свое отражение во второй половине XVIII в. в самых разнообразных литературных формах. Из десятилетия в десятилетие растет, по мере приближения к революции, число политических трактатов и брошюр. Враждебные абсолютизму настроения окрашивают исторические и философские труды. Политические сюжеты проникают в художественную литературу. В наступлении на позиции монархического строя принимают участие все виды литературного оружия.

Значительная часть литературных произведений, посвященных политическим вопросам или косвенно их затрагивающих, ограничивается критикой отдельных частных политикой абсолютизма. Эта критика зачастую очень резка; она представляет большой интерес как симптом нарастающего возмущения отжившим свое время строем; но основных политических принципов этого строя она не касается. Каковы бы ни были намерения этой группы писателей, своей борьбой с "злоупотреблениями" они будили политическую мысль и содействовали расшатыванию основ монархии. Частные "злоупотребления" французской монархии XVIII в. ярко свидетельствовали об общем разложении политического режима, не соответствовавшего более сложившемуся соотношению классовых сил, из формы развития общества превратившегося в препятствие для его развития. В течение сорока лет, отделяющих появление "Духа законов" от созыва Генеральных Штатов, политическое сознание буржуазии как класса, заинтересованного в устранении этого препятствия и способного его устранить, подымается от непосредственного ощущения частных неудобств режима к пониманию его общей непригодности. Вторая группа рассматриваемых нами произведений отражает этот процесс и оформляет новое политическое сознание. Писатели этой группы, отвергая основные принципы абсолютизма, либо примыкают к одному из охарактеризованных нами выше политических направлений (Монтескье, Руссо), либо эклектически соединяют положения этих основных школ.

По своему историческому значению и по своему влиянию "Дух законов", "Энциклопедия" и "Общественный договор" резко выделяются среди всей этой литературы. Однако, в деле распространения новых политических идей, в деле разрушения авторитета старой теории монархии "божией милостью" мыслители "второго ранга", публицисты и популяризаторы, сыграли громадную роль. Нельзя также игнорировать политико-воспитательное воздействие в том же направлении философской, исторической и художественной литературы века Просвещения. Вольтер отнюдь не был политическим теоретиком. Он был, как мы уже отмечали, очень умерен в своих политических пожеланиях. Он боялся участия в политической жизни широких народных масс. Однако его резкая критика христианства и божественного происхождения власти, защита "естественных" прав личности, свободы совести и свободы мысли, равенства граждан перед законом, популяризация английских учреждений - содействовали уяснению политических задач предстоящей революции не в меньшей мере, чем глубокомысленные и мало доступные рассуждения "Духа законов" и "Общественного договора". Политическое значение "Энциклопедии" определяется не только изложенными нами выше политическими статьями. Произведенное "Энциклопедией" сокрушение всех старых авторитетов, пропаганда неограниченных прав человеческого разума и принципа полезности как критерия всех человеческих отношений, - разрывали старые пути политических предрассудков не в меньшей мере, чем предрассудков религиозных, намечали новые вехи политической мысли не в меньшей мере, чем мысли философской.

Литературная деятельность Вольтера и "Энциклопедия", конечно, явления исключительные по универсальности своего влияния. Но новая политическая идеология проникает в сознание все более широких масс также через каналы несравненно меньшего масштаба, для политической пропаганды служат и такие многотомные исторические работы, как "Философская история обеих Индий" Рейналя, и романы Мерсье, и гениальная комедия Бомарше - "Свадьба Фигаро". А наряду с этим, в 70-х и особенно в 80-х гг. XVIII в. все в большем количестве появляются популярные политические памфлеты, и тон их становится все более резким. В теоретическом отношении эта памфлетная литература давала мало нового. Тем не менее, ее непосредственное политическое влияние было очень велико. Она переводила рассуждения теоретиков на язык более доступный

массам, она ставила политические вопросы более конкретно как практические вопросы сегодняшнего дня, наконец - в ней уже очень отчетливо звучал голос политической страсти, предвестие бурь революционного периода. Идеологическая подготовка великой буржуазной революции шла сложными и многообразными путями.

Политические писатели середины XVIII в. - Монтескье, энциклопедисты, Руссо - в поисках образца "свободного" государства останавливали свое внимание либо на Англии, либо на Женеве. Мабли в последних своих произведениях имел уже возможность учесть опыт не только английской конституционной монархии и старых европейских республик, но и образовавшихся на его глазах Североамериканских Соединенных Штатов. Он очень сочувствует молодой республике, однако, относится критически к ряду ее установлений, поскольку они не соответствуют сложившимся уже ранее принципам его доктрины (например, к системе прямого избрания должностных лиц народом). Гораздо большее влияние оказала американская революция на более молодое поколение французских политических писателей. Конституции отдельных штатов с их декларациями прав, Декларация независимости, наконец, конституция Соединенных Штатов произвели во Франции большое впечатление. Американские конституционные документы подвели известные итоги процессу развития буржуазной политической мысли XVII-XVIII вв., оформили эти итоги как нормы действующего государственного права. Их теоретические основы не представляли собой ничего нового: они были даны английской буржуазной революцией XVII в., английскими политическими теоретиками XVII-XVIII вв., частично теоретиками французскими (идея неотчуждаемых прав человека, народного суверенитета, разделения властей и т.д.). Но факт юридического оформления положений, которые до того находили место лишь на страницах политических трактатов, сам по себе имел громадное историческое значение, особенно для буржуазии Франции-страны, стоявшей на пороге буржуазной революции. Американские документы давали как раз то, чего не могли дать великие французские теоретики, - не теоретические аргументы, а практические образцы.

Значительная часть конституций Североамериканских Штатов, как и федеральная конституция, были переведены на французский язык и могли, таким образом, непосредственно влиять на французское буржуазное общественное мнение. Но наряду с этим, неустанную пропаганду американских порядков вели и французские публицисты 80-х гг., будущие деятели революции.

II

Среди публицистов времени, непосредственно предшествующего революции, первое место принадлежит, несомненно, Кондорсе (1743-1794). Крупный ученый-математик, универсально образованный человек, секретарь Академии Наук, тесно связанный лично и идейно с энциклопедистами и физиократами, Кондорсе выдвинулся в качестве политического писателя лишь в последние годы феодально-абсолютистского режима. По своим социальным воззрениям Кондорсе - решительный сторонник теории физиократов. Он защищает полную свободу торговли, ставя ее в этом отношении рядом с религией. "Торговля, как и религия, должна быть абсолютно свободна", - пишет Кондорсе¹. Он - против международных торговых договоров, стесняющих свободу сношений между нациями². Он защищает единый налог на чистый продукт как налог, единственно справедливый. Он разделяет физиократическое понимание "естественных прав". Ставя, как и физиократы, на первое место среди естественных прав обеспеченность и свободу личности и собственности, он дополняет их лишь равенством. Однако, и равенство он понимает в духе, несколько не противоречащем физиократической теории. Как и Кенэ, он считает вполне законным неравенство, являющееся следствием права собственности. Неравенство богатства, по его мнению, не более опасно, не более несправедливо, чем неравенство таланта и силы. Оно вытекает из природы человека и вещей³. Право собственности, включая в себя свободное использование собственности, тем самым включает свободу накапливать ее безгранично⁴.

Вообще, влияние физиократов чувствуется в предреволюционных политических работах Кондорсе очень сильно. Но исходя из теоретических предпосылок физиократической школы, Кондорсе дает политическую программу, весьма далекую от "легального деспотизма".

Сопоставление Кондорсе с Мерсье де ла Ривьером весьма интересно. Оно может дать нам представление об эволюции политических взглядов школы, отражающей эволюцию политических настроений буржуазии с 60-х и начала 70-х гг. - времени появления основных работ физиократов - до конца 80-х гг., до кануна революции.

Как и вся памфлетная литература последних предреволюционных лет, политические работы Кондорсе уделяют относительно мало внимания общим вопросам теории. Время абстрактного теоретизирования прошло, наступало время политического действия. Если уже Мабли считал необходимым наряду с теоретическими рассуждениями дать нечто вроде практической программы для предстоящего преобразования политического строя Франции, то Кондорсе видит в разрешении именно последней задачи свою главную цель.

Мы знаем, что Монтескье был склонен идеализировать старую французскую монархию, противопоставляя ее "перерождающейся в деспотию монархии современной. Мы знаем, что энциклопедисты стремились обосновать свой политический идеал доводами исторического порядка, доказывая, что конституционная монархия примыкает к давней исторической традиции французского народа. Даже Мабли связывал свои политические надежды с такими традиционными учреждениями, как Парламенты и Генеральные Штаты. Кондорсе совершенно чужда эта тенденция искать точки опоры для политического преобразования в тех или иных формах старого, отживающего порядка. Его политическая программа, резко разрывая все связи с политическими традициями, отражает более высокий уровень в развитии классового самосознания буржуазии, рост уверенности буржуазии в своей социальной мощи, в своей способности построить политическое здание заново, совершенно игнорируя материал, накопленный предшествующей историей.

Кондорсе - один из наиболее "антиисторических" политических писателей XVIII в. Очень интересно отметить понижение вкуса к исторической аргументации по мере приближения к революции, по мере роста убеждения в необходимости полного разрыва с существующими политическими формами. "Все старые общественные и государственные формы, - говорит об этом времени Энгельс, - все традиционные понятия были признаны неразумными и отброшены как старый хлам; Было решено, что до настоящего времени мир руководился одними предрассудками и все его прошлое достойно лишь сожаления и презрения"⁵. Это изменившееся отношение к прошлому нашло свое яркое выражение в афоризме Рабо Сент-Этьена: "Наша история не есть наш законодатель". Этим же настроением проникнуты и предреволюционные произведения Кондорсе.

Антиисторизм, естественно, связан у Кондорсе с последовательным рационализмом. Единственным основанием конституции государства должны служить, по его мнению, естественные права. Естественные права вытекают из природы человека; всякое существо, чувствующее, способное рассуждать, иметь моральные идеи, - очевидно, должно пользоваться этими правами⁶. Государство должно стремиться создать систему законов, возможно более соответствующих естественным правам, основанную на разуме, а не на "предполагаемых условиях нравов"⁷. Явно полемизируя с Монтескье, Кондорсе заявляет, что под духом законов он понимает истины естественного права, всеобщей справедливости, разума: именно эти истины должны служить базой закона, а не мотивы политики и "воображаемой общественной пользы"⁸. Отрицая необходимость принимать во внимание при создании конституции какие-либо иные соображения, кроме естественного права и разума, Кондорсе возражает также против того положения теории Руссо, что при установлении возможности тех или иных законов необходимо считаться с "возрастом" государства. Достоинство законов определяется только уровнем просвещения данной эпохи. Ко всем старым учреждениям Кондорсе относится с недоверием уже потому, что они возникли в "непросвещенную" эпоху, не в результате разумного плана.

По поводу конфликта между королевской властью и парламентом Кондорсе высказывается решительно против парламента. Парламентская аристократия, пополняющаяся путем покупки должностей, хотела бы, по его мнению, путем приобретения права veto в вопросах законодательства установить свою тиранию. Кондорсе считает эту аристократическую тиранию более опасной и ненавистной, чем тирания одного лица. Для ее поддержания и осуществления используется наиболее почтенное оружие - закон⁹. Опять-таки, имея в виду концепцию Монтескье, Кондорсе заявляет, что "совместное владычество духовенства, дворянства и 30 верховных судов" является худшим видом деспотии.

С недоверием и опаской смотрит Кондорсе и на решение созвать Генеральные Штаты. Его отталкивает сословный принцип, по которому они строятся. Их защищают, по его мнению, потому, что это - аристократическая форма. Требование созыва Генеральных Штатов опирается не на естественное право, а на древние хартии, цель которых - сохранение злоупотреблений, а не защита прав человека. Генеральные Штаты - порождение случайности, обычаев, обстоятельств. Кондорсе боится, что Генеральные Штаты могут закрепить сословные привилегии вместо того, чтобы их уничтожить¹⁰. Он предпочел бы национальное собрание, избранное на основе всеобщего голосования без деления на курии. Образец всеобщей системы народного представительства видит в проекте муниципалитетов Тюрго¹¹. При такой системе нация, которую "обозначают именем третьего сословия", могла бы легко добиться своей цели-уничтожения сословий¹².

Первой задачей национального собрания должно быть составление декларации естественных прав человека по примеру американских деклараций. В декларации должны быть фиксированы "неотъемлемые" права человека, предшествующие положительным законам и стоящие выше их, - права, для поддержания которых общество и установлено. Это, в первую очередь, уже известные нам естественные права: свобода и неприкосновенность личности, свобода распоряжения собственностью, равенство граждан перед законом. Но декларация не должна ограничиваться провозглашением перечисленных прав. Она должна быть точна и

и обстоятельна. Так, в ней должно быть категорически воспрещено издание законов, ограничивающих свободу религии и свободу торговли; стесняющих индустрию; устанавливающих наследственные различия между людьми; вводящих иные налоги кроме налога на чистый продукт, и т.п. В декларации должно быть указано, что никакая законодательная власть, какова бы ни была ее форма, не может повелеть ничего противоречащего какой-либо из ее статей. Такая декларация, торжественно провозглашенная, является, по мнению Кондорсе, надежным способом предотвратить тиранию¹³. Изменения декларации должны производиться в особом порядке. Для того, чтобы внести в нее дополнение, достаточно, чтобы за него высказалась одна треть или даже одна четверть лиц, пользующихся правом голоса в одной трети или в одной четверти округов. Для исключения статей необходимо единогласие всех округов, ибо такое исключение есть отказ от одного из прав, почитаемых естественными¹⁴.

Понятие неотъемлемых прав человека не было, конечно, новостью во французской политической литературе. Не ново и то содержание, которое Кондорсе вкладывает в это понятие; его отдельные составные элементы можно найти и у физиократов и у Мабли, - если ограничиваться лишь наиболее близкими Кондорсе писателями. Но мысль о необходимости формулировать естественные права в особой декларации, о необходимости закрепить их путем изъятия из нормальной законодательной процедуры - эту мысль дал Кондорсе, несомненно, пример Америки.

Кондорсе относится совершенно отрицательно к той оценке, которую дал Монтескье английской конституции. Эта конституция не есть осуществление разумной системы. Она - результат определенных условий политических и социальных, результат исторических случайностей и компромиссов. Систему разделения властей, как она применяется в Англии, Кондорсе осуждает: она ведет лишь к анархии или инерции. Восхваляют эту систему те, кто сами надеются стать членами господствующей партии. Англичане обязаны своей свободой вовсе не конституции, а отсутствию цензуры, акту *habeas corpus*, суду присяжных¹⁵. Кондорсе указывает, не только на те недостатки английской конституции, которые были отмечены уже Мабли: право короля и палаты лордов не допустить отмены любого вредного закона и вообще парализовать законодательную деятельность народных представителей. Он ясно видит также недостатки самой системы народного представительства в Англии. Палата общин, - говорит Кондорсе, - должна бы представлять нацию; в действительности этого нет: палата общин - аристократический корпус, решения которого диктуются сорока-пятьюдесятью лицами. Таким образом, в Англии - наряду с прямым деспотизмом короля и палаты лордов - существует деспотизм в косвенной форме, действующий через палату общин¹⁶. Интересно, что, по мнению Кондорсе, деспотизм одного лица - вообще абстракция. То, что кажется деспотизмом одного, является в действительности всегда господством класса или нескольких групп, которые делят с обладателем деспотической власти его могущество.

Несмотря на резкость своих выпадов против деспотизма, Кондорсе в дореволюционный период не выступает против французской наследственной монархии. Монархическую форму он признает соответствующей богатству Франции и количеству ее населения. Но королевская власть по существу не занимает никакого места в его политических рассуждениях. В этом вопросе Кондорсе, очевидно, очень близок к Мабли. С другой стороны, он согласен с Мабли и в отношении к двухпалатной организации законодательного корпуса. Верхняя палата в лучшем случае - лишнее осложнение системы, в худшем - источник аристократических притязаний¹⁷. Законодательная власть должна быть сосредоточена в единой, избираемой народом, законодательной палате.

Кондорсе не является в изучаемое нами время сторонником всеобщего избирательного права. С одной стороны, он, далеко опережая своих современников, требует политических прав для женщин². Но, с другой стороны, подлинными гражданами государства могут быть признаны, по его мнению, только собственники. Если несобственники имеют какие-либо права, кроме права на жизнь и свободу, - рассуждает Кондорсе, - то они получают эти права от собственников. Если всем предоставить право голоса, то это только облегчит установление власти богатых. Их влиянию легче могут противодействовать собственники. Наконец, собственники имеют равный интерес с несобственниками во всех вопросах законодательства и больший - в вопросах налогового обложения. Таким образом, не будет никакой опасности в том, чтобы возложить на них представительство интересов всего населения.

В одной из более ранних статей (1787 г.) Кондорсе устанавливает и среди собственников две различные категории в зависимости от их имущественного ценза (идея, также заимствованная из муниципального проекта Тюрго). Полное право голоса должны иметь лишь те, чья собственность достигает определенной нормы. Более мелкие собственники, объединяясь, выбирают одного голосующего на указанную норму. Кондорсе очень откровенен в мотивировке этого предложения. Гражданин, - говорит он, - который обладает землей, приносящей ему доход, позволяющий жить без труда, наиболее заинтересован в том, чтобы общество управлялось хорошими законами¹⁸. К 1789 г. Кондорсе отказывается от неравенства политических прав для разных "классов"

собственников. Но он попрежнему не видит нарушения равенства в предоставлении этих прав только собственникам, ибо только они владеют территорией¹⁹.

Это настойчивое стремление лишить несобственников политических прав стоит в несомненной связи с другой характерной чертой политических настроений Кондорсе: с его страхом перед деспотизмом "черни" (рорулэсе). Этого деспотизма следует, по его мнению, очень опасаться в странах, где имеются большие столицы и большие города²⁰. Так, Кондорсе уже на подступах к буржуазной революции как бы предчувствует, какую угрозу представляют собой городские плебейские массы для буржуазного "правопорядка". Нужна, по его мнению, такая система, которая в наименьшей степени ограничивала бы права "последних классов", но в то же время обеспечивала бы государство от влияния "черни". Кондорсе с большой пронизательностью указывает в этой же связи и лозунг, во имя которого может подняться городская "чернь". Это-таксация цен на предметы первой необходимости; т.е. именно то экономическое требование, вокруг которого действительно объединялись городские низы в 1792-1793 гг.

Будучи сторонником представительной системы, а не прямого народного законодательства, Кондорсе, тем не менее, питает известное недоверие по отношению к представительству. Влияние на него соответствующих рассуждений Руссо совершенно бесспорно. Кондорсе считается с возможностью перерождения законодательного собрания, захвата им верховной власти. Никакой орган не должен иметь неограниченное право издавать законы, которые могут оказаться вредными для свободы. Чтобы устранить эту возможность, Кондорсе настаивает на кратком сроке полномочий представителей (два года), требует особых условий (большинство, равное трем четвертям избирателей) для продления этих полномочий, наконец, предусматривает прямое участие избирателей в законодательстве. Избиратели, вручив известные полномочия своим представителям, должны сохранять за собой - по крайней мере в известных случаях (например, изменение основных законов) - право законодательной инициативы и право окончательного утверждения принятых национальным собранием законов. Законы, требующие немедленного введения в действие, получают силу только в том случае, если они приняты определенным большинством законодательного корпуса. Каждый параграф таких законов может быть, однако, отменен решением большинства окружных собраний избирателей и считается окончательно утвержденным лишь после решения этих собраний. Законы не столь срочные - в том числе законы о налогах - после одобрения представительством публикуются для всеобщего сведения и вводятся в действие лишь законодательным корпусом следующего созыва после одобрения округами или после новых выборов. Законов конституционных законодательный корпус не в праве изменять по собственному почину. Только в том случае, если округа потребуют изменения, законодательный корпус оформляет их решение в виде проекта, который затем вновь поступает на одобрение окружных собраний. Окружные собрания утверждают также договоры с другими государствами²¹.

Комбинируя таким образом представительство с прямым народным законодательством, Кондорсе пытается придать впитанным им идеям Руссо форму, практически осуществимую в большом государстве. Очень вредной считает Кондорсе, - в данном случае повторяя и Руссо, и физиократов, - систему политических партий. На основании примера Англии он утверждает, что эта система создает благоприятные условия для подкупа и опасна для свободы. Не одобряя английскую систему отношений между законодательной и исполнительной властью, Кондорсе все же находится под несомненным влиянием теории разделения властей, - в той форме, какую она приняла в американских конституционных документах. Законодательное собрание, во избежание превращения в деспотическую власть, лишено всяких исполнительных функций. Оно избирает руководителей исполнительной власти, но не из своей среды. Представители не должны занимать никаких административных и судебных должностей. Высший орган судебной власти - Верховный суд избирается не законодательным корпусом, а непосредственно окружными собраниями,

III

Рост классового самосознания буржуазии находит свое отражение накануне революции не только в большой четкости и конкретности появляющихся в это время политических проектов. Он сказывается и в новых представлениях об удельном весе "третьего сословия" в политической системе, о его политической роли и значении. Ярким выразителем этих представлений в предреволюционной литературе был аббат Сийес (1748-1836), брошюра которого "Что такое третье сословие" была написана в связи с объявленными уже выборами в Генеральные Штаты, вышла в свет в январе 1789 г. и произвела на современников громадное впечатление.

Сийес исходит из того положения, что нация есть совокупность лиц, вступивших в ассоциацию для того, чтобы жить, повинувшись общему закону. Граждане, отделенные от прочих гражданскими и политическими преимуществами, составляют в народе чужеродное тело, как бы государство в государстве. Граждане, которые видят свою честь в том, чтобы оставаться недвижимыми среди общего движения, которые потребляют лучшую часть годового урожая, ничего не делая для его получения, - чужды нации. Это не часть нации, а время, лежащее на нации²².

Подлинную нацию составляет третье сословие. Оно содержит в себе все необходимое, чтобы считаться нацией. Чтобы нация существовала и благоденствовала, необходимо, чтобы в ней производилась известная работа и выполнялись известные общественные функции. Вся действительная работа - в сельском хозяйстве, в индустрии, в торговле, научная деятельность, свободные профессии - находится в руках третьего сословия. Среди тех лиц, - которые выполняют общественные функции, - в военном деле, в суде, в церкви и в администрации - девятнадцать двадцатых составляют члены третьего сословия.

Они выполняют именно ту часть этих функций, которая представляет подлинный труд. Привилегированное сословие сохранило за собой здесь только доходные и почетные места, доступ к которым закрыт третьему сословию. Но это ограничение прав третьего сословия есть общественное преступление. Замещение высших должностей должно быть наградой за таланты и заслуги Монополия привилегированных, как всякая монополия, ведет лишь к тому, что эти функции выполняются хуже и стоят дороже. Польза, которую приносят привилегированные общественному делу, химерична. Если бы к высшим должностям было допущено третье сословие, они были бы заполнены гораздо лучше.

Привилегии высших сословий лишь связывают деятельность нации. Третье сословие - мощный муж, одна рука которого скована. При упразднении привилегированного сословия, третье сословие попрежнему осталось бы всем, но это все получило бы свободу, и его благосостояние возросло бы. Нация не стала бы чем-то меньшим против прежнего; наоборот, она стала бы чем-то большим.

Всякая привилегия противоположна общему праву; все привилегированные без различия образуют класс, противостоящий третьему сословию. Аристократы держат народ в угнетении. Обычно они ссылаются на право завоевания. Это - древняя история, но третьему сословию нечего бояться вспоминать о прошлом. Оно, в свою очередь, может ссылаться на то, что предшествовало завоеванию. Теперь, во всяком случае, третье сословие достаточно сильно, чтобы не дать себя завоевать. И почему бы в самом деле третьему сословию не отправить назад в леса Франконии все эти семьи, сохранившие безумные притязания на происхождение от расы завоевателей? Народ, очистившись таким образом, сможет утешиться тем, что он состоит только из потомства галлов и римлян. Разве происхождение от галлов и римлян не стоит по меньшей мере столько же, как происхождение от сикамбров и других диких племен, вышедших из лесов и болот Германии²³.

При существующем положении все отрасли исполнительной власти находятся в руках касты, пополняющей своими членами церковь, суд и армию. В этой касте царит род братства, проявляющегося за счет остального народа. Воистину узурпация достигла безраздельного господства. Очень интересно, что Сийес, критикуя аристократию, старается, чтобы эта критика не ударила слишком сильно по королевской власти. Неверно, - говорит он, - что Франция жила будто бы под монархической властью. За исключением нескольких лет во времена Людовика XI, Ришелье и Людовика XIV, когда царил чистый деспотизм, Францией управлял не монарх, а двор, она была аристократией. Недаром народ всегда считал короля беззащитной и обманутой жертвой всемогущего двора. Даже в Генеральные Штаты народ до настоящего времени не мог посылать своих истинных представителей. Политические права третьего сословия, - заключает Сийес, - равны нулю²⁴.

Чего же требует третье сословие? Оно требует, во-первых, чтобы его представители в Генеральных Штатах сами принадлежали к третьему сословию; во-вторых, чтобы число его депутатов было равно числу представителей двух привилегированных сословий; в-третьих, чтобы голосования в Генеральных Штатах происходили поголовно, а не по куриям. Эти пожелания, по мнению Сийеса, весьма скромны. В самом деле, что может быть естественнее стремления иметь представителями членов своего сословия? Представьте себе, - говорит Сийес, - что Франция находится в войне с Англией. Можно ли допустить, чтобы в Директорию, руководящую военными действиями, было разрешено, во имя свободы, избирать членов английского министерства? Ведь не подлежит сомнению, что привилегированные проявили себя не меньшими врагами общественного дела, чем англичане по отношению к французам во время войны между ними²⁵.

Защищая первое требование третьего сословия, Сийес считает необходимым предупредить его, что исключение из числа представителей третьего сословия привилегированных отнюдь еще не гарантирует от их вредного влияния. Это влияние может проникнуть различными путями в "святилище третьего сословия". В руках привилегированных высшие посты, доходные должности и другие средства подкупа. При их посредстве в рядах самого третьего сословия они приобретут себе сторонников из людей, жадных к деньгам и власти. Надо стараться не допустить в представители людей, слишком связанных с привилегированными, - зависящих от них. Все будет потеряно, если мандаты простого сословия попадут в руки агентов феодализма. Слуги проявляют себя более ретивыми защитниками интересов господ, чем сами господа²⁶.

Столь же бесспорно требование равенства числа представителей третьего сословия числу представителей всех привилегированных. Сийес считает, что два первые сословия составляют 200000 человек из 25 или 26 миллионов всего населения. Когда общины получили особую палату в Генеральных Штатах, эта палата представляла очень небольшое число городов. С этого времени исчез феодализм, и в деревнях образовалась многочисленная категория новых граждан. Города выросли, развились торговля и ремесло. Старое соотношение между сословиями радикально изменилось. Третье сословие, которое было сведено к полному ничтожеству, завоевало обратно при помощи своей индустрии часть того, что было у него отнято насильем. Оно было только тенью, теперь оно - "национальная реальность". Дворянство было чудовищной феодальной реальностью, теперь оно является только тенью. Требование третьего сословия слишком робко. Оно носит еще на себе отпечаток старых времен²⁷.

Наконец, третье требование также вполне естественно. При голосовании по куриям привилегированные сохраняют за собой право veto по отношению ко всему, что противоречит их интересам. Но всякое злоупотребление приносит кому-то пользу. Возможно ли его устранить, оставляя право veto тем, кто от него выигрывает? Привилегированные потому и настаивают на голосовании по куриям, что этим они могут помешать любой реформе. Там, где есть противоположные интересы, veto все парализует. С этой точки зрения желания третьего сословия обоснованы. Но и в этом вопросе оно идет недостаточно далеко. С точки зрения политических принципов ложна вся куриальная система. Как бы ни голосовали подобные собрания, как бы ни определяли соотношение числа голосов, голосование не сможет связать всю совокупность представителей единой общей волей²⁸.

Кратко Сийес резюмирует содержание своего памфлета в известном афоризме: "Что такое третье сословие? Все. Чем было оно до сих пор в политическом строе? Ничем. Чего оно требует для себя? Стать чем-нибудь". Последняя фраза афоризма, однако, совершенно не соответствует тону памфлета. Как мы уже видели, Сийес, защищая требования третьего сословия, не скрывает, что он считает их недостаточными. Его программа значительно радикальнее.

Сийес твердо убежден в том, что положение требует коренных преобразований социального и политического порядка. Попытки частичных реформ ни к чему не привели и вызвали всеобщее разочарование. Привилегированные хотят теперь откупиться от необходимости расстаться со всеми старыми злоупотреблениями путем отказа от своих налоговых привилегий. Конечно, эти привилегии должны быть отменены и будут отменены. Но сейчас речь идет уже не только об этом. "Царство разума с каждым днем все дальше распространяет свою власть; это делает необходимым восстановление узурпированных прав. Раньше или позже, все классы должны соединиться в рамках общественного договора, который охватывает всех граждан и налагает на них взаимные обязательства... В долгую ночь феодального варварства истинные отношения между людьми могли быть нарушены, но с восходом светила знания готические абсурды должны бежать, остатки жестокой древности должны пасть". Что же, мы только сменим одни злоупотребления другими, или социальный порядок, во всем своем совершенстве, займет место старого беспорядка? Из самой постановки вопроса видно, какого ответа ждет на него Сийес.

На очереди, таким образом, не исправление старого порядка, но установление нового. Стремлением найти средство для разрешения именно этой задачи определяется отношение Сийеса к политическим формам. Для этой цели не годится куриальная система Генеральных Штатов. Для этой цели не годится и английская конституция, которую кое-кто предполагает ввести во Франции. Английская конституция не выдерживает критики с точки зрения принципов "истинного политического порядка". Главный ее недостаток в разделении законодательной власти на три части, из коих лишь одна признается говорящей от имени нации. "Если сеньоры и король не являются представителями нации, они - ничто в законодательной власти". Ибо одна только нация может создавать законы. Английская верхняя палата-памятник "готических" предрассудков. Незачем подражать англичанам. Франции не нужны ни королевская палата, ни феодальная палата. Если ввести во Франции английскую конституцию, народ почувствует ее отрицательные стороны, не почувствовав положительных: он будет иметь против себя власть, заинтересованную в том, чтобы помешать ему осуществить его желания. Следует отказаться от подражаний. Надо постараться самим дать пример другим нациям. Нечего смущаться тем, что мы не находим в истории ничего подходящего для нашего положения. Англичане, создавая свою конституцию, стояли на уровне просвещения XVII в., французы должны стоять на уровне просвещения конца XVIII в. Сийес правильно понимает основную тенденцию сторонников английской конституции как тенденцию к компромиссу между аристократией и третьим сословием, - к компромиссу, который он считает совершенно неприемлемым. Характерно, что Сийес называет Монтескье - "аристократ Монтескье"²⁹.

В чем же состоят истинные принципы социального порядка? Сийес решительно примыкает к теории народного суверенитета и общей воли как единственного источника закона. "Нация существует раньше всего, она есть источник всего. Ее воля всегда законна, она - есть сама закон". Она образуется в силу естественного права; правительство определяется правом положительным. Исходный момент образования общества - совокупность изолированных индивидов, которые решают соединиться. После их соединения образуется некое целое, руководимое общей волей. Ассоциация выражает общую волю непосредственно. Но когда число ее членов становится велико, когда они распространяются по обширной территории, это непосредственное выражение общей воли становится затруднительным. Тогда они доверяют часть национальной воли, а следовательно, и власти некоторым лицам. Так образуется представительная общая воля³⁰.

Сийес подчеркивает, что воля представительства всегда ограничена, всегда выражает лишь часть национальной общей воли. Общество не отчуждает в пользу представителей свое право желать. Оно лишь поручает им осуществлять это право в установленных пределах. Законы, определяющие организацию и границы деятельности законодательного корпуса и правительства, называются конституционными, или основными. Они могут быть созданием власти, учреждающей конституцию, но не той, которая этой конституцией регламентируется. Никакая делегация не в праве менять условия своих полномочий. Это право всегда остается за народом. Но так как большой народ не может собираться в полном составе всякий раз, как того потребуют обстоятельства, то он должен давать соответственное поручение особым чрезвычайным представителям, избранным специально для этой цели. Чрезвычайные представители, как и представители обычные, не обладают всей полнотой национальной воли; но они замещают нацию в том смысле, что, как и она, - они не связаны конституционными формами. Они избираются на определенный срок и для определенной задачи создания новой конституции. Не следует допускать, чтобы после выполнения этой функции чрезвычайное представительство превращалось в обычный законодательный корпус. Эта перспектива могла бы повлиять на решение представителей. Так устанавливает Сийес различие между обычным законодательным собранием и собранием учредительным³¹.

Сийес убежден, что положение Франции требует созыва именно такого чрезвычайного учредительного представительства. Только сам народ в состоянии разрешить в данный момент все спорные вопросы. Существует ли во Франции конституция или ее нет, - только народ как хозяин в праве ее изменить или создать заново. Генеральные Штаты не правомочны решать вопрос о конституции, так как они не являются чрезвычайным представительством. Представителей народ должен был бы избирать по округам общим голосованием без деления на сословия. Общая воля всегда выражается большинством, даже народ не может решить, что права общей воли передаются меньшинству. Доказывать, что 200000 индивидов по отношению к 20000000 граждан составляют две трети - все равно, что доказывать, будто два и два составляют пять. Общая воля составляется из индивидуальных волей и никто не может постановить, что десять волей равны одной, а десять других - тридцати³².

Таким образом, по мнению Сийеса, наиболее правильным принципиально был бы созыв учредительного собрания, избранного общим голосованием. Но созывается не учредительное собрание, а Генеральные Штаты. Какова же должна быть в таком случае тактика третьего сословия? Третье сословие должно ясно понять, что оно не может ничего ожидать от привилегированных. Злоупотребления существующего порядка, выгодные для привилегированных, дороже им, чем свобода. Третье сословие может надеяться только на свое просвещение и на свою смелость: на нем одном лежит задача национального возрождения. Нечего бояться привилегированных. Когда-то знать была все, а третье сословие было в рабстве; теперь третье сословие - все, а знать - одно пустое имя³³.

Между тремя сословиями не может быть никакого союза. Третье сословие должно собраться отдельно. Оно одно не может образовать Генеральные Штаты. Тем лучше: пусть оно образует Национальное собрание. Как трудно принудить привилегированных стать гражданами, и как легко будет обойтись без них! Их депутаты, - заявляет Сийес, - не имеют ничего общего с национальным представительством. Представители третьего сословия имеют поручение от 25-26 миллионов граждан. Этого вполне достаточно, чтобы считать представительство третьего сословия национальным собранием. Во Франции это представительство является истинным выражением общей воли, гораздо более истинным, чем Генеральные Штаты, где даже при поименном голосовании воля двухсот тысяч оказывается равной воле двадцати пяти миллионов³⁴.

Однако Сийес чувствует, что предлагаемая им тактика может показаться слишком смелой. Если делегация третьего сословия, несмотря на свою бесспорную компетентность, не решится взять на себя учредительные функции, если она сочтет нужным еще раз спросить народ, - она должна будет открыто провозгласить, что Генеральные Штаты не способны разрешить стоящую перед нацией задачу, и созвать чрезвычайное представительство нации с учредительными полномочиями.

"Долой аристократию!" - восклицает Сийес. Таков должен быть, по его мнению, основной лозунг друзей народа и порядка. Призыв к решительному разрыву с привилегированными, к борьбе с ними является лейт-мотивом памфлета Сийеса. Привилегии - болезнь общества, - болезнь, которую нужно устранить, чтобы общество почувствовало себя здоровым. Интересен политический вывод, который делает Сийес из этого положения. Привилегированные должны быть, по его мнению, впредь вовсе лишены права представительства. Люди руководствуются, - рассуждает Сийес, - тремя видами интереса: общим интересом, интересом корпоративным и интересом личным. В основе общественной ассоциации лежит общий интерес. Наоборот, корпоративный интерес представляет для общества наибольшую опасность. Люди, объединенные корпоративным интересом, могут стать самыми страшными врагами общества. Сословие - наихудший вид узаконенной корпорации. Право выбирать представителей принадлежит гражданам в силу того, что у них есть общего, а не в силу того, что их отличает друг от друга. Привилегированные претендуют на то, что они имеют исключительные права и не подчинены общему закону. Они выходят из сферы действия общего права. Привилегированный класс не имеет поэтому прав на представительство. Отдельный привилегированный мог бы иметь это право не как привилегированный, а как гражданин. Но в нем это качество разрушено, он - вне гражданства. Привилегия делает его врагом общего интереса. Он должен поэтому быть лишен как права быть избранным, так и права избирать. Но стоит ему отказаться от привилегий, - и он возвращается в состав подлинной нации. Таким образом, он лишает себя политических прав как бы по собственной воле.

Отождествление нации с третьим сословием мы встретили уже у Кондорсе, хотя и не в столь развитой форме, как у Сийеса. Возникновение этой идеи свидетельствует, конечно, о сознании буржуазией своей политической силы.

Но оно свидетельствует также о том, что? буржуазия считала себя в данный момент призванной выступать от имени всего народа в качестве выразительницы общенациональных интересов, требующих разрушения старой политической системы и устранения от власти старого господствующего класса. Это не означает, конечно, что внутри непривилегированной "нации" не существовало противоречия интересов между собственниками и несобственниками, между крупными капиталистами и мелкобуржуазной массой. Это означает лишь, что внутренние противоречия не ощущались так резко, как ощущалось основное противоречие французского общества между растущими производительными силами, с одной стороны, и устарелыми сословными отношениями и устарелой политической формой-с другой.

Памфлет Сийеса - наиболее яркий и талантливый образец политической литературы 1788-1789 гг. Он резко отличается по своему тону от абстрактных политических рассуждений предыдущих лет. Его страстность свидетельствует о начавшейся уже революции. В нем буржуазная политическая мысль достигает большой четкости и решительности. Этим объясняется исключительный, но вполне заслуженный успех этой небольшой книги в 1789 г. Как известно, 17 июня 1789 г, представители третьего сословия, по предложению Сийеса, объявили себя национальным собранием. Но выполнить всю программу, намеченную в памфлете, они не решились даже в эти революционные дни.

Подводя итоги обзору развития политической мысли во Франции XVIII в., необходимо констатировать, что идеологи третьего сословия за четверть века - с 1762 по 1789 г. проделали громадную и плодотворную работу. Их критика не оставила камня на камне в старой политической доктрине, обосновывавшей абсолютистский порядок. В противовес этой доктрине они выдвинули ряд новых построений, отражавших различные этапы развития и различные оттенки буржуазной политической мысли, образовавших богатый идейный арсенал, из которого брали свое оружие вожди и борцы всех политических группировок эпохи буржуазной революции. Однако на ряду с этим надо отметить границы, перед которыми останавливались, не решаясь их перешагнуть, даже наиболее радикальные мыслители XVIII в.

"Общественный договор" Руссо, пропагандируя идеи неотчуждаемого народного суверенитета, прямого законодательства народа и выборности магистратуры, тем самым пропагандировал основные принципы республиканской теории. К республиканским выводам ведет логически аргументация Мабли и Кондорсе. Если Руссо вдохновляет пример женеvской республики, - конечно, очень им идеализированной, - то Мабли, в последние годы своей деятельности, и Кондорсе, накануне созыва Генеральных Штатов, превозносят республиканские учреждения Соединенных Штатов. Тем не менее, ни Руссо, ни Мабли, ни Кондорсе не считают возможным предлагать республиканский строй для Франции. Наоборот, все они специально оговаривают, что для Франции этот строй не подходит. Республиканские идеи все же, несомненно, просачивались в народные массы. Их распространению содействовали, отнюдь не ставя себе этой цели, даже такие умеренные писатели, как Монтескье и Вольтер, сочувственно описавшие республиканские порядки - первый в "Духе законов", второй - в "Республиканских идеях". Несмотря на всю силу монархических традиций, республиканские идеи не могли не находить отклика в угнетенных и обездоленных низах народа. Республиканское движение 1792-1794 гг. было бы

немыслимо без предварительных молекулярных изменений в политической психологии масс. Но эти изменения происходили без сознательного участия политических идеологов.

Таково же отношение радикальных политических мыслителей XVIII в. к практическому применению принципа демократии. Опять-таки и Руссо, и Мабли, и Кондорсе теоретически стоят на позициях абсолютного политического равенства. Однако, как мы видели, Мабли и Кондорсе высказываются против предоставления избирательного права лицам, не владеющим собственностью. Того же взгляда держится радикальнейший из философов-материалистов XVIII в. Гольбах в его "Социальной системе". Даже Руссо в своих "Рассуждениях о правительстве Польши" предостерегает от демагогов, требующих свободы для людей, сердца которых исполнены всеми пороками рабов³⁵. Таким образом, от участия в народном суверенитете пролетаризированных слоев населения отказываются не только писатели, выражающие интересы верхов торгово-промышленной буржуазии, - ученики физиократов и Монтескье, - но и признанные основоположники теории демократического государства. Лишь в нескольких памфлетах 1789 г., анонимных или подписанных мало известными именами, находим мы прямое требование предоставления избирательного права людям, лишенным собственности³⁶.

Наконец, никто из авторитетных политических мыслителей XVIII в. не только не призывает к насильственному перевороту, но и не считает такой переворот практически целесообразным. И в этом вопросе мы видим тот же разрыв между теоретическими предпосылками и практическими выводами. Мы знаем, что Руссо считает революцию при известных условиях теоретически оправданной и весьма плодотворной в политическом отношении. Он предвидит наступление века революций. Но тот же Руссо протестует против внутреннего беспорядка, производимого "отупевшей чернью, сначала раздраженной нестерпимыми обидами, а затем втайне побуждаемой к мятежу ловкими смутьянами". Мы видели, что Мабли признает право народа на восстание. Но тот же Мабли боится смут, связанных с народными восстаниями, боится "подонков человечества", боится непрерывных революций, которые могут закончиться лишь установлением тирании³⁷. Именно поэтому он призывает не к восстанию, а к осторожности. Эту половинчатость влиятельнейших политических писателей XVIII в. в вопросе о практической цели и практических методах необходимого политического преобразования нельзя отнести исключительно за счет боязни цензуры и правительственных репрессий или за счет опасения оттолкнуть читателя слишком резким разрывом с укоренившимися монархическими традициями. В основе ее лежит, несомненно, действительный, хотя и неопределенный, страх перед теми глубокими социальными катаклизмами, которыми грозит выступление угнетенных и озлобленных масс.

Осторожность идеологов не могла, конечно, помешать созреванию в сознании масс идеи насильственного переворота. Эта идея была провозглашена уже в начале XVIII в. в ненапечатанном "Завещании" Мелье, призывавшего к объединению народов против тиранов и восхвалявшего тираноубийц. Она не раз в течение XVIII в. была формулирована с полной откровенностью, в подпольных листовках и в афишах, расклеивавшихся неизвестными руками на стенах в острые политические моменты. В 1740-1750 гг. д'Аржансон в своих мемуарах не раз отмечал рост в народе республиканских и революционных настроений. В 1750 г. во время бунтов в парижских предместьях раздавались "гнусные ругательства" по адресу короля, толпа намеревалась двинуться на Версаль, чтобы сжечь королевский дворец. В листовках 1751 г. напоминали властям о цареубийцах Клемане и Равайяке. После покушения д'Амьена в 1751 г. на стенах появились оскорбительные надписи. В афишах 1758 г. говорилось: "300000 человек, имея во главе начальника, были бы готовы взяться за оружие". В плакатах 1775 г. в связи с бунтами из-за дороговизны хлеба содержались угрозы уничтожить "короля и всю кровь Бурбонов", поджечь дворец со всех четырех сторон. Афиши 1781 г. угрожали королю эшафотом; афиши 1788 г. - всеобщим бунтом. Наконец, в том же 1788 г. была зарегистрирована афиша с очень четкими лозунгами: "Восстаньте, французы, наступило время революции!"... "Трепещите, тираны, вашему царству приходит конец!".

В литературу такие лозунги и такие настроения проникали очень редко. Наиболее яркую и откровенную их у формулировку, напоминающую Мелье, мы находим в задержанном властями памфлете 1776 г. - "Совершенный монарх". Памфлет призывает народы к восстанию, чтобы "передавить чудовищ, пожирающих их существование". "Несчастливые народы! - восклицает автор памфлета, - вас держат на цепи, умеете же, по крайней мере, уничтожить своих тиранов. Пусть это будет отныне вашим девизом, и короли будут трепетать перед вами"... "Есть эпоха страшная, кровавая, но она предвестник свободы: я говорю о гражданской войне". В других произведениях предреволюционного периода - у Марата, у Карра, у Мерсье - это понятие гражданской войны тоже встречается, но в форме более неопределенной. Марат в своих "Цепях рабства", вышедших в 1774 г. на английском языке, дал интересную критику роста деспотизма и попыток народных масс оказать ему сопротивление. Его сочувствие идее восстания и восстающему народу несомненно. Но его рассуждения о восстании проникнуты пессимизмом. Соответствующая глава памфлета носит название: "Тщетные усилия народа". В результате анализа всех препятствий, стоящих на пути удачного восстания, Марат приходит к печальному выводу. Попытки, которые делает

бессильный народ, лишь закрепляют его рабство. Даже в случае победы народ оказывается обманутым своими вождями. Таким образом, даже у будущего трибуна революционной демократии нет в его предреволюционной работе четких выводов.

Социальная революция, в процессе которой происходила смена феодальной формации формацией капиталистической, пробудила к политической жизни все слои населения. Разрешить свои исторические задачи революция могла лишь в ожесточенной борьбе с силами старого феодального общества. Без участия широких народных масс, деревенских и городских, она не могла победить. Но вступившие в борьбу крестьянские, мелкобуржуазные, полупролетарские и пролетарские массы принесли революции не только необходимую ей физическую силу. Они принесли также свои социальные настроения, свою непримиримость со старым порядком, свои политические мечты и надежды, созревшие не без влияния политической литературы, но отнюдь не связанные свойственной этой литературе осторожностью в вопросах политической практики. "Масса народа, большинство его, самые глубокие общественные низы, задавленные гнетом и эксплуатацией, поднимались самостоятельно, наложили на весь ход революции отпечаток своих требований, своих попыток по-своему построить новое общество на место разрушаемого старого"³⁸. Это замечание Ленина о русской революции 1905-1907 гг. применимо ко всякой истинно народной революции - в том числе и к революции 1789-1794 гг.

В политических программах эпохи революции противоречия интересов социальных классов и групп выступают с несравненно большей обнаженностью, чем в теоретических разногласиях дореволюционного времени.

Здесь, в огне напряженной классовой борьбы, под давлением поднявшихся масс, происходит четкое размежевание между сторонниками конституционной монархии и сторонниками республики, между защитниками избирательного ценза и защитниками всеобщего избирательного права. Здесь, в огне напряженной классовой борьбы, под давлением поднявшихся масс, выковывается и приобретает завершенную форму теория буржуазной демократии.

1 Condorcet. Oeuvres, IX, 5, 1847.

2 Ibid., 42.

3 Ibid, 152-153.

4 Ibid, 166.

5 Энгельс, Анти-Дюринг. К. Маркс и Ф. Энгельс, XIV, 17.

6 Condorcet, Oeuvres, IX, 14.

7 Ibid, 56.

8 Ibid., 63.

9 Ibid, 155.

10 Ibid., 121; 130-133.

11 Связь политических построений Кондорсе с проектами физиократов устанавливается, таким образом, им самим.

12 Особо следует подчеркнуть выдвигаемую Кондорсе идею тождества нации и третьего сословия. Эту идею связывают обычно с именем Сийеса. Но она составляла общее достояние буржуазных мыслителей последних лет перед революцией. Condorcet. Oeuvres, IX. 127 и сл.

13 Ibid., 28; 74; 165.

14 Ibid., 30.

15 Ibid., 76 и сл.

16 Ibid., 149.

18 Ibid., 14.

19 Ibid., 167.

20 Ibid, 161.

21 Ibid., 30-32; 34.

22 Sieyes. Qu'est ce que le Tiers Etat? p.9.

23 Ibid., 13; 100.

24 Ibid., 15.

25 Ibid., 22,

28 Ibid., 31-32.

29 Ibid., 50-54; 74.

30 Ibid., 56-57; 58.

31 Ibid., 58-63.

32 Ibid., 64-67.

33 Ibid., 71-74.

34 Ibid., 74-79.

35 Rousseau. Oeuvres completes, VIII, 312-313, 1790.